

Министерство образования и науки Российской Федерации
Министерство образования и молодежной политики Ставропольского края
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
"СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ"

Р.Э. Герман

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ СТАВРОПОЛЬЯ В КОНТЕКСТЕ
ГЕОПОЛИТИКИ РОССИИ НА КАВКАЗЕ:
конец XVIII – начало 60-х гг. XIX ВЕКА

МОНОГРАФИЯ

СТАВРОПОЛЬ

СТАВРОПОЛЬ
издательство
2017

УДК 908+93/94
ББК 63.3(2)52
Г 38

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

И.М. Назарова, кандидат исторических наук, доцент, Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

А.Ю. Сорокина, кандидат исторических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет

Герман, Р.Э.
Г 38 **Социальное и экономическое развитие Ставрополя в контексте геополитики России на Кавказе: конец XVIII – начало 60-х гг. XIX века** : монография [Текст] / Р.Э. Герман ; под научной редакцией д-ра ист. наук, проф. Т.А. Невской. – Ставрополь : Ставролит, 2017. – 204 с.

ISBN 978-5-903998-73-9

УДК 908+93/94
ББК 63.3(2)52

В издании рассмотрена социальная и экономическая история Ставрополя с конца XVIII до начала 60-х гг. XIX века в контексте геополитики Российской Империи на Кавказе, проанализировано влияние процесса реализации геополитических целей России на Кавказе на заселение, развитие экономики, торговли, дорожно-транспортной сети, почты, медицины Ставрополя.

Предназначено для ученых, преподавателей, аспирантов, студентов, для всех интересующихся историей кавказского региона.

© Герман Р.Э., 2017
© Ставропольский государственный педагогический институт, 2017
© Издательство "Ставролит", 2017
© Оформление: Издательство "Возрождение", 2017

ISBN 978-5-903998-73-9

Содержание

Введение	4
Глава 1. Социально-демографические процессы в Центральном Предкавказье	
1.1. Славянская колонизация Предкавказья как способ решения геополитических задач России.....	11
1.2. Формирование медицинской инфраструктуры Ставропольской (Кавказской) губернии.....	42
Глава 2. Развитие сельского хозяйства и торговли Кавказской (Ставропольской) губернии	
2.1. Формирование агроэкономической инфраструктуры Кавказской (Ставропольской) губернии.....	58
2.2. Меновая торговля как способ привлечения горцев на сторону России.....	87
2.3. Дорожно-транспортная инфраструктура Кавказской губернии и обеспечение российских интересов на Кавказе.....	106
Заключение	131
Примечания	140
Источники и литература	154
Приложения	172

Введение

С незапамятных времен Кавказ рассматривался как один из важнейших геостратегических регионов, отделявших Восточную Европу от азиатских степей, христианство от ислама, как арена борьбы разных империй. Расположенный на стыке Европы и Азии Кавказ представляет собой удобный плацдарм для продвижения вглубь Среднего и Ближнего Востока, а также в бассейны Каспийского, Черного и Средиземного морей. Одновременно он является связующим звеном между этими регионами. Ряд государств в течение веков боролись за контроль над Кавказом, эта борьба происходит и сейчас.

Современная ситуация в кавказском регионе привлекает внимание к его прошлому, к его истории. Российское географическое пространство опирается на каркас из регионов. Само формирование этого пространства происходило как процесс постепенного, растянутого во времени включения этих регионов в состав Российского государства.

На сегодняшнем этапе отечественной истории пути сохранения целостности России, предотвращения и разрешения региональных конфликтов напрямую связаны со знанием исторических реалий, с учетом исторического опыта. Процесс вхождения Кавказа в состав России был длительным и далеко не мирным. А это, в свою очередь, ставит вопрос о роли России в кавказском регионе.

Мы предпринимаем попытку дать свою трактовку этой проблемы, делая это в рамках данного монографического исследования.

В процессе присоединения и освоения кавказского региона на Ставрополье была создана система материальных объектов – инфраструктура, предназначенная первоначально играть роль базы для контингента российских войск на Кавказе. Но функции этой инфраструктуры оказались гораздо шире. Именно она стала экономико-культурной основой для мирной жизни региона.

В историографическом плане данная работа актуальна тем, что ранее такого рода комплексных исследований, рассматривающих воен-

но-политический, политико-административный, демографический и экономико-культурный аспекты региональной истории с точки зрения наличия корреляции между ними не предпринималось. Ранее, в период существования СССР, вхождение Кавказа в состав России признавалось фактом прогрессивным, в частности потому, что народы России и Кавказа вместе совершили Октябрьскую революцию 1917 года [1].

В конце 80-х гг. XX – начале XXI в. многие ученые Кавказа стали оценивать роль России негативно, рисуя отношения между пришлой и коренной группами населения кавказского региона исключительно в темных тонах. Такой подход, на наш взгляд, выглядит однобоко. Сейчас, как никогда важно объективно оценить историческое значение вхождения Кавказа в состав России. Вслед за В.А. Кузнецовым и И.М. Чеченовым мы ставим своей задачей "противодействие инерционным и деструктивным силам и тенденциям в историческом кавказоведении, отстаивание, апология позиций и достижений российской фундаментальной науки о Северном Кавказе, выработанной многими поколениями ученых научной парадигмы..." [2]. Таким образом, представленное исследование с уверенностью может быть названо актуальным.

Объектом исследования является территория Центрального Предкавказья, в разное время именовавшаяся Кавказской губернией, Кавказской областью, Ставропольской губернией.

Предмет исследования определен в границах объекта и представляет собой процесс формирования системы материальных объектов (инфраструктуры) Кавказской/Ставропольской области/губернии, рассмотренный во взаимосвязи с военно-политической обстановкой в регионе и реализацией Россией в нем своих геополитических целей.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1774 по начало 60-х гг. XIX века, что обусловлено двумя причинами. Нижняя граница исследования – 1774 год – определена тем, что в этом году был заключен Кючук-Кайнарджийский мир с Турцией, дававший России значительные права на Кавказе.

Верхний хронологический предел исследования – начало 60-х гг. XIX века – определен окончанием Кавказской войны и как следствие – изменением военно-политической обстановки в регионе.

Территориальные границы. Исследование охватывает территорию Ставрополья в тех границах, которые определялись административным делением на изучаемый момент.

Источники, использовавшиеся при проведении исследования, весьма разнообразны по своим содержательным характеристикам, поэтому целесообразно разделить их на несколько групп.

В работе были использованы следующие виды источников: законодательство; локальные акты; делопроизводственные материалы, в том числе: справочные издания; учетная документация; статистика; публицистика; периодическая печать; источники личного происхождения.

Следует заметить, что основной корпус источников, изученный при написании монографии, относится к группе неопубликованных (архивных), многие документы были введены в научный оборот впервые. Работа велась в двух архивохранилищах: Российском Государственном Военно-Историческом архиве (РГВИА) и Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК).

Одним из крупнейших архивов России является РГВИА. Так, фонды РГВИА – ф. 414 "Статистические, экономические, этнографические, военно-топографические сведения о территориях бывшей Российской Империи", ф. ВУА "Военно-ученый архив" содержат учетные сведения "об удобствах квартирного размещения всех родов войск", что позволяет зафиксировать, в какой степени и каким образом кавказские войска использовали инфраструктуру Ставропольской губернии (Кавказской губернии/области): населенные пункты, агроэкономические ресурсы, дороги, лечебно-медицинские учреждения. Следует отметить "Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей", составленное в 1812 году подполковником Буцковским (РГВИА, ф. 414, оп.1, д. 300). В описании сообщаются ценные сведения о численности и размещении гражданского и казачьего населения по населенным пунктам, о посевах и урожае, о количестве скота. Много данных приводится также по истории заселения Ставрополья и, в частности, казачьих войск. Интересны материалы о количестве проданного военному ведомству хлеба крестьянами губернии в 1802-1811 гг., причем они сравниваются с количеством хлеба, проданного крестьянами Воронежской, Саратовской, Симбирской и Казанской губерний. Кроме того, ф. ВУА содержит делопроизводственные и статистические материалы о специфике процессов управления в кавказском регионе, о снабжении войск провиантом из агроресурсов Кавказской губернии, о дорожном строительстве и перемещении войск.

Работа с ф. 410 "Материалы о Российской империи" позволила собрать материал о политической обстановке на Кавказе, а рассматриваемый период дополнить характеристики экономического развития Ставрополья статистическими сведениями.

Ряд весьма необходимых для написания монографии сведений мы находим в ф. 232 "Архив В.И. Гурко", командовавшего войсками на Кавказской линии. Этот фонд содержит источники личного и публицистического характера, делопроизводственные и статистические материалы, характеризующие состояние управленческих кадров (чиновников) на Ставрополье и на Кавказе в целом, предложения по организации меновой торговли с горами, заселению Предкавказья, усилению карантинной службы с целью нераспространения эпидемий, использованию минеральных вод.

Весьма информативными являются ф. 13454 "Штаб войск Кавказской линии и в Черномории расположенных" и ф. 1058 "Войсковое правление Кавказского линейного казачьего войска". Данные фонды содержат приказы по войскам, учетные сведения по их снабжению (что наглядно показывает, насколько задействованы были агроэкономические ресурсы Ставрополья), акты и материалы делопроизводства, статистику о борьбе с эпидемиями, об отношениях казаков и горцев, развитии торговли и состоянии сельского хозяйства у казаков.

ГАСК располагает богатейшим материалом по теме проведенного исследования. Выявлено довольно много ранее не известных документов, фактов и статистического материала, впервые подвергнутого научному анализу.

В фондах ГАСК удалось обнаружить законодательные источники – указы, уставы, регламенты и учреждения, локальные правовые акты. Был рассмотрен весьма обширный корпус делопроизводственных материалов, учетной и статистической документации.

Для удобства характеристики содержания фонды ГАСК были разделены на несколько групп. Первую группу составили фонды органов общего управления Кавказской/Ставропольской губернии/области: ф. 87 "Кавказский гражданский губернатор"; ф. 444 "Канцелярия гражданского губернатора Кавказской области"; ф. 79 "Общее управление Кавказской области"; ф. 71 "Общее управление Ставропольского округа"; ф. 101 "Канцелярия Ставропольского гражданского губернатора"; ф. 235 "Управление Наместника Кавказского"; ф. 128 "Кавказское губернское правление"; ф. 68 "Ставропольское губернское правление".

Характеризуя содержательную сторону вышеуказанных фондов, следует заметить, что она весьма многообразна. Фонды органов общего управления, хранящиеся в ГАСК, содержат разноплановую информацию о процессах крестьянской и казацкой колонизации Ставрополя (время и место переселения, численность и сословная принадлежность новоселов). Позволяют рассмотреть развитие экономики, в первую очередь – сельского хозяйства, статистические данные по хлебопашеству, скотоводству и коневодству, виноделию, специализации различных уездов (округов) губернии (области) на производстве тех или иных продуктов и снабжении или войск, воевавших "на Кавказе и за Кавказом". Удалось проследить формирование административных органов на Ставрополье по мере его освоения и заселения. С помощью архивных источников выявлены закономерности дорожного строительства и устройства почтовых станций, использования Кавказских Минеральных вод и создания сети лечебных учреждений. И наконец, самое для нас главное – прямое и обратное влияние военно-политического фона кавказского региона на все вышеперечисленные процессы.

Вторую группу фондов ГАСК составили: ф. 20 "Главный попечитель кавказских меновых сношений с горцами"; ф. 21 "Меновые дворы Ставропольской губернии"; ф. 22 "Главный смотритель меновых дворов и карантин по Кавказской линии"; ф. 65 "Кавказская областная врачебная управа" и ф. 66 "Ставропольская губернская врачебная управа" (т.е. фонды управления отдельными отраслями).

Фонды ГАСК ф.20, ф.21, ф.22 содержат в основном материалы делопроизводственного характера и локальные правовые акты, относящиеся к вопросу меновой торговли с горцами, как то: создание меновых дворов, правила торговли, экономические характеристики и политический смысл этих мероприятий, причины упадка.

Делопроизводственная и актовая информация медицинского характера содержится в фондах ГАСК ф.65, ф.66. Нами было обращено внимание на следующие аспекты: создание системы военных госпиталей, их роль в медицинском обслуживании войск и гражданского населения; использование гражданских лечебных учреждений, как впрочем и всей инфраструктуры Ставрополя, для оказания медицинской помощи подразделениям Отдельного Кавказского корпуса (впоследствии армии); участие военных в борьбе с эпидемиями; освоение кавминводских курортов в целях скорейшего излечения больных и раненых военнослужащих.

Отдельную группу источников составили карты. Благодаря работе с картами удалось выявить динамику колонизационных процессов, а также рассчитать протяженность дорог, определить маршруты движения войск и основные тенденции дорожного строительства. Наиболее полные собрания карт представлены в фондах РГВИА – ф. 422 "Описания и карты путей сообщения Российской империи" и ГАСК – ф. 1253 "Коллекция географических карт, планов и чертежей земельных и лесных участков".

Для выполнения исследования привлекались также опубликованные источники. Следует назвать полное собрание законов Российской Империи I и II изданий. I издание 1830 г. составлено под руководством М.М. Сперанского, включает более 30 тыс. законодательных актов с 1649 по 12 декабря 1825 г. – от Соборного Уложения до конца царствования Александра I (45 томов) [3]. II издание выпускалось ежегодно в 1830-1884 гг., содержит более 60 тысяч законодательных актов с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881, охватывает царствования Николая I и Александра II (55 томов и указатели) [4]. Данное крупнейшее собрание законодательства позволило нам, в частности, рассмотреть процесс формирования системы органов управления на территории Ставрополя.

Менее крупным по количеству включенных источников, но гораздо более богатым по их разнообразию являются Акты Кавказской Археологической Комиссии (АКАК) в 12-ти томах, издававшиеся в Тифлисе с 1860 по 1893 гг. [5]. АКАК содержат разнообразную информацию, касающуюся событий Кавказской войны, отношений с горцами, заселения Ставрополя, развития там сельского хозяйства, торговли, создания управленческих структур, борьбы с эпидемиями.

С 40-х гг. XIX века многие источники по истории Кавказа, в том числе и Ставрополя, начинают публиковаться в "Кавказском календаре", который ежегодно выходил в Тифлисе с 1846 по 1916 г. [6]. В начале XX века к нему добавляются "Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии" [7].

Из сборников архивных документов, опубликованных в последующее время, следует назвать: "Наш край. Документы и материалы. 1777-1977 гг." [8]. Данный сборник содержит разноплановую информацию по истории Кавказской/Ставропольской области/губернии военно-политического, социально-экономического и социокультурного характера; сборники "Пятигорск в исторических документах" [9] и "Кисловодск

в исторических документах. 1803-1917гг." [10] посвящены более узкой тематике – истории городов-курортов Пятигорска и Кисловодска, развитию там курортного дела, формированию их архитектурного облика.

Кроме того, в источниковую базу исследования вошли опубликованные документы личного характера, как то, воспоминания лиц, служивших в разное время на Кавказе, например, "Записки" А.П. Ермолова [11]. Подобного рода источники содержат ценные сведения о военно-политической обстановке на Кавказе, освоении вверенной территории.

Заслуживающим внимания источником также являются газета "Ставропольские губернские ведомости", в которой печатались не только статьи историков-краеведов, но и архивные документы, статистические сведения, материалы органов управления губернии.

Материалы перечисленных источников позволили решить основные вопросы исследования.

Глава 1

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ

1.1. СЛАВЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ПРЕДКАВКАЗЬЯ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ РОССИИ

Рассматривая процесс развития русско-кавказских отношений конца XVIII – начала XIX вв., нельзя не отметить ряд закономерностей, причем географические факторы играют здесь далеко не последнюю роль. Выгодное географическое положение Кавказа, его богатые природные ресурсы делали его объектом притязаний, "точкой приложения силы" со стороны таких держав, как Россия, Турция, Персия. Русско-турецкие и русско-иранские войны – свидетельство этому.

Одной из форм контроля над пространством является демографический контроль, то есть заселение определенной территории верным какому-либо государству населением [1]. Именно по такому пути пошла Россия на Ставрополье.

Таким образом, реализоваться как великая держава в конце XVIII-XIX вв. Российская Империя могла и должна была на Кавказе. А поскольку Россия стала заявлять о своих интересах в кавказском регионе еще со времен Петра I, то вполне понятно, что среди горских народов стали появляться представители, тяготевшие к России, тем более, что исторические прецеденты подобных взаимоотношений уже были.

Значительные изменения претерпела российская политика на Кавказе в последней четверти XVIII в., поскольку после Кючук-Кайнард-

жийского мира и особенно после установления протектората над Грузией изменились цели России на Кавказе, а следовательно, расширился арсенал методов, с помощью которых эти цели достигались. Теперь России нужен был не просто дружественный и лояльный Кавказ, а Кавказ как часть Российской Империи. Изменилась ситуация и в самой империи, восстание Пугачева сыграло не последнюю роль в том, что правительство стремилось как можно быстрее заселить и освоить Предкавказье, хотя бы частично решив проблему малоземелья во внутренних губерниях. По мнению А.В. Фадеева, "широким фронтом русский царизм приступил к завоеванию Предкавказья лишь с конца 70-х гг. XVIII в." [2].

Во второй половине XVIII в. увеличилось число побегов на Кавказ из внутренних губерний России, что было следствием усиления феодальной эксплуатации. Правительство фактически узаконило это явление, выдавая за беглых их владельцам рекрутские квитанции. Это свидетельствовало о крайней заинтересованности государства в заселении Кавказа, пусть даже такими средствами. Но трудность заселения Кавказа славянами заключалась еще в том, что у горцев существовала набеговая система, то есть способ получения прибавочного продукта, основанный на грабеже, угоне скота, захвате пленных, поэтому поселения либо должны были быть защищены (например, крепостями), либо должны были уметь защитить себя сами (казаки, отставные солдаты).

В 1765 году в поселении Моздок была построена крепость. В 1770 крепость Моздок становится городом и тогда же в него переселяются с Дона 100 семей казаков, которые вскоре образовали станицу Луковскую. Не лишним будет сказать, что в 1763-1769 гг. линия укреплений была продвинута от Кизляра до Моздока, что позволило заселять Моздок и область возле него. В 1770 на левом берегу Терека, между Червленским городком и Моздоком, то есть на расстоянии 100 верст, были поселены 517 семей волжских казаков, образовавшие станицы Галюгаевскую, Наурскую, Ищёрскую, Мекенскую, Калиновскую.

Особую категорию жителей Кавказской губернии составляли переселенцы из-за Терека и Кубани. В XVIII веке царское правительство в политических целях разрешило кавказским горцам переселяться в пределы России. Стремление же к переселению на территорию России росло среди кабардинцев, осетин, черкесов по ряду причин. Во-первых, в степях были более благоприятные условия для земледелия

и скотоводства, чем в предгорьях, а во-вторых, с переходом в подданство России горские крестьяне надеялись избавиться от крепостной зависимости, а некоторые горские князья – избежать опасностей и тревог, связанных с феодальными междоусобицами. Переселявшиеся в предкавказские степи кабардинцы и осетины были обязаны, наравне с русскими казаками, нести кордонную службу на Кавказской линии, а также почтовую, гужевую, постоянную повинности.

В 1770 году из местных народов была образована Горская команда на положение казачьей сотни. Пополнялась она за счет переселения горцев-христиан. "Я согласен с мнением вашим дабы осетинцев исповедующих христианскую веру переселить между Моздоком и Стодеревской станицею, с тем чтобы присоединить их к составу Моздокской горской команды..." – писал в 1810 году генерал Тормасов [3].

Поскольку нападения горцев были далеко не единичны, Россия была вынуждена строить крепости с тем, чтобы защитить тех, кто будет осваивать новые земли. В 1777-1778 годах на линии от Моздока до Большого Егорлыка построено 10 крепостей, а при них 9 казачьих станиц: при крепостях Екатериноградской, Павловской, Марьянской, Георгиевской, Александровской – Волжского казачьего полка; Хоперского казачьего полка – при крепостях Сергиевской, Ставропольской, Малковской, Донской. Кроме казаков, при крепостях селились отставные нижние чины. В 1779 году таковых было 332 человека.

"Укрепление Азово-Моздокской линии большей частью были земляными, однако постройка их велась по всем правилам военно-инженерного искусства. Для усиления обороноспособности каждое укрепление получало от двух-трех до нескольких десятков орудий" [4].

Самыми насущными задачами правительства были заселение Кавказа славянским населением, которое создаст там экономическую базу для армии, освоит край, а также, переселяя крестьян, можно было решить остро стоявшую проблему малоземелья центральных губерний.

В целях расширения масштабов колонизации и ускорения ее темпов в 1782 году был издан указ, разрешающий раздачу кавказских земель дворянству. Исполнителем этого указа был назначен Г. А. Потемкин. В 1782-1804 гг. более 400 тысяч десятин земель раздали помещикам. Так, в 1783 г. обер-прокурор князь Вяземский получил земли по левой стороне реки Кумы и на побережье Каспийского моря, всего 125 тысяч десятин. В 1786 в Георгиевском уезде Кавказской губернии 12 тысяч десятин получил граф Чернышов, более 16 тысяч десятин –

Воронцов, несколько тысяч десятин – Безбородько. Надо отметить, что земли раздавались при условии их заселения крестьянами в течение 6 лет.

Правительство Екатерины II скоро убедилось, что крепостная политика не может обеспечить быстрого и прочного заселения края. Раздача "пустопорожних" земель, хотя и производилась в широких масштабах, но заселение шло медленно, так как требовало больших средств. Даже крупные владельцы не спешили переселять своих крестьян из владений в центральных губерниях на Кавказ, поэтому значительная часть поселений в Кавказской губернии состояла из беглых крестьян.

Еще одним способом, с помощью которого Россия вела освоение Северного Кавказа, было строительство крепостей, что практиковалось уже несколько веков. В 1777-1780 гг. была построена линия укреплений через Ставрополь к Азову, возникли Ставрополь, Александровск, Георгиевск, Екатериноград как крепости Азово-Моздокской линии. В 1783 году между Россией и Грузией подписывается трактат в г. Георгиевске, согласно которому Восточная Грузия становилась российским протекторатом. Это внешнеполитическое событие толкало Россию к ускоренному покорению и экономическому освоению Кавказского края, который находился между Россией и Закавказьем.

Так, штабс-капитан Забудский, составляя свое "Обозрение Кавказского края..." в середине XIX в., писал: "Присоединение Грузии перенесло нашу границу в Закавказский край, и, таким образом, горские народы очутились в середине наших владений, как острова в океане; воинственность этих народов, их хищничество, привычка жить грабежом и быть свободными, не признавая никакой власти, вовлекало нас в кровавую и продолжительную войну с ними, мы с течением особых обстоятельств должны были перейти из обороны в наступательные действия" [5].

В 1782-1784 годах были изданы указы Сената, ставшие основанием для раздачи земель государственным крестьянам на Кавказской линии. В 1784 году насчитывалось уже 14 казенных поселений [6]. С помощью переселения царское правительство продолжало решать геополитические задачи на Кавказе, оно обеспечивало демографический контроль над территорией. Необходимо было упрочить ближний тыл тысячеверстной кордонной линии, протянувшейся теперь от Каспийского до Черного моря вдоль Терека и Кубани и получившей название Кавказской линии. Но для этого надо было заселить безлюдные пред-

кавказские степи, распахать обширные просторы целинных земель, развести табуны кавалерийских коней, проложить дороги и построить мосты, способные выдержать тяжесть артиллерийских орудий, воздвигнуть города с казармами, арсеналами, складами, заполнить эти склады провиантом и воинской амуницией.

Только таким путем могла быть создана материальная база для обеспечения всем необходимым и тех русских войск, которые несли кордонную службу на Кавказской линии, и тех, которым предстояло действовать за Кавказским хребтом, в Грузии, Азербайджане, Армении. С установлением в 1783 году русской границы по Кубани завершился длительный процесс присоединения к России степного Предкавказья.

И все же к моменту образования Кавказского наместничества численность русских переселенцев в Предкавказье была еще крайне незначительна. В 1785 г. в составе Кавказской области насчитывалось 5 городов (Кизляр, Моздок, Екатериноград, Георгиевск, Ставрополь) и 20 селений и слобод с общим числом жителей "по гражданскому ведомству" 22158 душ мужского пола (д.м.п.). Из них 5742 – проживали в городах, а 16416 человек составляли сельское население.

С 1785 года отставные солдаты (то есть люди, имеющие солидный военный опыт) начинают селиться на Кавказской линии более интенсивно. Тогда же строятся укрепления по реке Кубани – редуты Терновский, Мстиславский, Недреманный, Усть-Невинный и ретраншементы при Воронском лесе, Прочный Окоп, Григорополисский, Преградный стан. Тогда же, после открытия Кавказского наместничества переселение государственных крестьян стало более массовым. В 1784 было основано 8 поселений, в 1785 – 7, в 1786 – 16, в 1787 – 4, в 1788 – 1. Таким образом, всего за 1784-1788 годы было основано 36 поселений казенных крестьян. Старейшими и довольно крупными были села Ставропольского уезда: Надежда, Михайловское, Старо-Марьевское, Пелагиада. Население этих сел составляли выходцы из Курской губернии [7].

Решить задачу повышения агротехнической культуры населения (как коренного, так и пришлого) правительство планировало с помощью поселений иностранцев. В 1778 и в 1785 гг. было законодательно подтверждено право иностранцев селиться на Кавказе. В 1789-1791 гг. в районе Старых Маджар было поселено около 350 немецких колонистов из Саратовской губернии, но какой-либо серьезной роли в экономическом развитии края эти колонисты не сыграли.

Заселение губернии и решение внешнеполитических задач были взаимосвязаны. По окончании Русско-турецкой войны 1787-1791 гг. был заключен Ясский мир, по которому адыгейские племена получили независимость. В 1793 году основывается город Екатеринодар. Так, на начало 1792 г. на линии от Черного до Каспийского моря насчитывалось в сумме около 100 укреплений. В 1793 году была основана Усть-Лабинская крепость и Шелкозаводская, расположенная на Тереке. На конец 1790 года в Кавказской губернии насчитывалось 41 селение, в которых проживало 38976 душ обоего пола. На июль 1790 года 25451 душа мужского пола государственных крестьян была поселена в Кавказской губернии. В 90-е годы XVIII века заселение Предкавказья шло со стороны Каспийского моря, в бассейне рек Терека, Кумы, Куры. Колонизация Предкавказья двигалась параллельно Черкасскому тракту, в западную часть Ставрополя, в места, богатые черноземом. Из 13 новых сел, основанных в 1790-1804 гг., 12 было основано в Ставропольском уезде.

Но обстановка на Кавказе по-прежнему оставалась беспокойной, что заставило правительство в 1794 году переселить тысячу донских казаков в станицы Усть-Лабинскую, Кавказскую, Григорополисскую, Прочноокопскую, Темнолесскую, Воровсколесскую.

Конец XVIII столетия – время, когда особенно острым было соперничество России, с одной стороны, и Турции и Ирана – с другой. В 1795 году Иран совершает нашествие в Грузию. В 1796 Россия вводит войска под командованием В. А. Зубова на Кавказ и в Закавказье. Были заняты Дербент, Куба, Баку, Шемаха, Восточная Грузия. В том же году умирает Екатерина II, на престол восходит Павел I. Он выводит войска из Закавказья, проводя свою политику в противовес политике Екатерины II. Желая установить единый порядок во всей империи, Павел I начинает закрепощение крестьян в южных губерниях, в том числе Кавказской. В то же время последние годы его правления были отмечены определенными успехами в кавказской политике.

В 1801 году на царский престол вступил Александр I. Вопрос о присоединении Грузии стал предметом бурного обсуждения среди сподвижников молодого императора, но в тот же год она была окончательно присоединена к Российской Империи. Теперь фактически территория Российской Империи была разделена Кавказом на две части. Изменить столь невыгодное для России положение вещей можно было лишь "замирив", заселив и экономически освоив Кавказ.

После подписания Георгиевского трактата и получения статуса губернского города, Георгиевск становится политическим центром Российской Империи в кавказском регионе. В 1802 году владельцы Дагестана подписали Георгиевский договор о вступлении под покровительство России, а в следующем году Аварское ханство вошло в состав России.

Для реализации задач обороны Кавказа от "немирных" горцев в 1802-1804 гг. создается Кавказский казачий полк. Стоятся редуты для контроля над верховьями Кубани: в 1803 г. Кисловодск, который к тому же выполнял функцию защитного рубежа возле минеральных вод, а в 1804 – Баталпашинск. К началу XIX века на Кавказской линии было 8 казачьих полков и 1 горская команда, что говорило о стремлении российской администрации усилить кавказские рубежи.

Общая численность этих подразделений составляла примерно 30 тыс. человек. В 1802-1803 гг. Кавказский казачий полк пополнило 3650 человек. Включение Грузии в состав Российской Империи заставило правительство уделять повышенное внимание вопросам, связанным с Кавказом. Если Россия заявила о своих приоритетах в этом регионе, то необходимо было экономическое обоснование политического решения.

Ровинский дает следующие сведения о населении Кавказской губернии в 1802 году (таблицы 2.1 и 2.2 Приложений).

Правительство было крайне заинтересовано в заселении и освоении Кавказа и Предкавказья, поэтому в 1801 году подтвердило зачисление беглых в казенные крестьяне с выдачей прежним владельцам рекрутских квитанций. Особое внимание уделялось заселению Черкасского тракта, что было вызвано необходимостью организации движения воинских команд, грузов, торговых перевозок, почты. Такие села, как Безопасное, Преградное, Медвежье, Летницкое, Песчанокопское, Средне-Егорлыкское, Ново-Александровское, Успенское, Ново-Егорлыкское были основаны не только для освоения земель Предкавказья, но и для обеспечения функционирования Черкасского тракта. К 1807 году в новых селениях жило 1085 семейств, что составляло 3084 человека.

Крепостное население Кавказской губернии в 1803 году насчитывало 3070 мужчин и 2928 женщин. Общее же количество крестьян-переселенцев Кавказской губернии насчитывало 34869 душ мужского пола и 29240 душ женского пола, всего 64083 человека [8]. Таким об-

разом, нельзя сказать, что в начале XIX в. крепостничество играло на Кавказе значительную роль. Наиболее крупные помещичьи имения были в Георгиевском уезде – графа Воронцова (село Александровка), Скаржинских (село Бургун-Маджары), братьев Калантаровых (село Маслов Кут), Реброва (село Владимировка) и в Кизлярском уезде – Вяземского, а затем Всеволожских (Черный Рынок, Бекетей, Кумская).

Как писал Н. А. Смирнов, "царское правительство усиленно развивало помещичью колонизацию на юге России, в том числе на Кавказе, раздавая землю дворянской служилой аристократии и бюрократии, переселяя туда крестьян из внутренних губерний" [9].

Для того, чтобы сделать развитие аграрной экономики Предкавказья более быстрым и результативным, царское правительство решило создать пример такого развития, а именно – разрешить селиться на Кавказе иностранцам, которые создавали бы там сельскохозяйственные колонии и обучали бы как русских крестьян, так и горцев рациональному ведению хозяйства, приобщали бы их к культуре. В этих целях в 1801 году в районе крепости Константиногорской появилась шотландская колония Каррас [10]. Число жителей этой колонии поначалу росло, поскольку ее основание произошло на очень выгодных условиях.

Но в то же время обстановка на Кавказе оставалась весьма напряженной. В течение 1804-1808 гг. были обнародованы постановления российского правительства о запрете торговли рабами горским владельцам на Кавказе, что вызвало противодействие с их стороны.

В 1804 году началась Русско-иранская, а в 1806 – Русско-турецкая война. Войны России в этот период с Ираном и Турцией стали благоприятным фоном для проявления недовольства тех горцев, которые считали российскую политику идущей вразрез с их интересами. Тем более, что Гудович отнюдь не был сторонником гуманного отношения к восставшим. В 1802 году восстали осетины, аварцы в 1803. В 1806 восстали ханы казикумухский и дербентский, а в 1810 – ханы табасаранский и бывший кубинский [11].

Подтверждением вхождения какой-либо территории в состав Российского государства была присяга жителей этой местности. В 1807 году повторную присягу России приняли жители чеченских обществ, причем принятие российского подданства давало им значительные экономические выгоды. Граф Гудович "предложил Кизлярской пограничной таможене о невзыскивании пошлин с сих мирных Чеченцев за

привозимые ими свои продукты и изделия, равно и за покупаемые ими на Линии товары, при вывозе оных в Чечню" [12]. Россия пыталась установить мир на Кавказе не только военными, но и экономическими методами.

Как уже отмечалось, переселение на Кавказ первоначально носило очень неорганизованный характер. Для упорядочивания этого процесса в 1806 г. в Ставрополе была создана Контора по переселению. В "Предначертании о порядке поселения переселенцев в Кавказской губернии", в частности, говорилось: "По силе Высочайше подтвержденного доклада в 23-й день ноября прошлого 1806 года, надлежало приступить к водворению выходящих на поселение в Кавказскую губернию из разных губерний крестьян. Казенная Палата полагает всех переселенцев, вышедших и следующих по вступлению в границы, мужска пола 4559 душ... Сверх сего в июне и июле месяцах сего года прибыло из Курской губернии 1152 души ревизских" [13]. Для того, чтобы обеспечивать армию продовольствием на местах, нужно было заселить Кавказ населением, которое бы это продовольствие производило, поэтому правительство стало уделять более пристальное внимание процессу заселения Предкавказья и Кавказа. Создание Конторы по переселению, издание "Предначертания..." – лишь некоторые проявления заинтересованности правительства в освоении южных рубежей империи.

Но, несмотря на свою заинтересованность в заселении Предкавказья, правительство стремилось максимально регламентировать этот процесс. Можно отметить борьбу двух тенденций в царской политике колонизации. С одной стороны, правящие круги царской России были заинтересованы в колонизации Предкавказья, усматривая в ней залог создания здесь необходимой экономической базы для новых завоеваний на Кавказе. Но, с другой стороны, царское правительство опасалось поощрять переселение в Кавказскую губернию, чтобы не стимулировать массового самовольного ухода помещичьих и казенных крестьян из центральных губерний. Поэтому правительство всячески старалось регулировать и регламентировать процесс переселения, по-прежнему делая ставку на перевод в Кавказскую губернию крепостных крестьян по инициативе самих помещиков и предпочитая военно-казачью колонизацию.

И все же основной силой, способствовавшей превращению Кавказа в заселенный и освоенный регион, были государственные крестья-

не, которые постепенно стали заселять Предкавказье, направляясь туда из центральных губерний. "Орловский гражданский губернатор Яковлев относится к господину Кочубею о прощении казенных крестьян... 15 мужского и 18 женского пола перейти Кавказской губернии в Александровский уезд на имеющиеся казенные земли, объявляя при том, что к переселению их никаких препятствий нет, что они, распродав свое имущество, приготовились уже к выходу..." [14].

Занимаясь вопросами переселения в Кавказскую губернию, правительство старалось всячески регламентировать этот процесс, с тем чтобы сохранить над ним максимальный контроль. Войны с Турцией и Персией показали, сколь важен мирный и дружественный Кавказ во время решения геополитических задач на южном направлении. Требовалось превращение степного Предкавказья в экономически развитый регион, заселение Кавказской губернии казенными крестьянами становилось задачей государственной важности. Поэтому 23 ноября 1806 года были приняты правила переселения в Кавказскую губернию. Обязанности гражданского губернатора в сфере водворения новоселов указаны в документе 2 Приложений.

Как видно из источника, правительство готово было идти на значительные финансовые издержки для того, чтобы Центральное Предкавказье – Кавказская губерния была заселена трудоспособным населением – государственными крестьянами. На них, в свою очередь, возлагалась задача создания экономической инфраструктуры, в первую очередь продовольственной базы для армии, решающей внешнеполитические задачи страны в этом регионе. Вместе с тем, заселение и мирное освоение Предкавказья приходилось проводить под прикрытием крепостей и редутов Кавказской линии. К концу первого десятилетия XIX века Кавказская линия имела следующие укрепления, которым в будущем предстояло стать селами, городами и станицами.

"Крепости: Кизляр, Шелкозаводская, Моздок, Наур, Екатериноград, Павловская, Марьянская, Георгиевск, Константиногорская, Александровская, Невинная, Северная, Ставрополь, Григория-Полис, Кавказская, Усть-Лабинская, Московская, Донская;

Редуты: Штерншанц, Тайлык, Открытый, Невинный, Прочный, Бештаугорский, Темнолесский, Владимирский, Кубанский, Скрытный, Безопасный, Царевский, Темижбек, Казанский, Тифлиссский и Ладожский.

Все сии крепости снабжены потребным числом артиллерии и военных людей из полевых полков, состоящих на Кавказской линии" [15].

В колонизации Предкавказья принимали непосредственное участие представители как славянского, так и горского населения. Участие последних имело для России особенно важное политическое значение, поскольку способствовало "замирению" Кавказа.

Так, генерал-от-инфантерии Булгаков предлагал: "...Кабардинцев водворять не ближе реки Кумы на прежде предполагаемых землях, под надзором военным, в котором они должны быть до истечения пятилетнего срока льгот им предназначенных, потом отдать их в гражданское ведомство, как людей обязывающихся платить подать, соразмерную их возможностями; Дигорцы же должны селиться по границе на землях пустопорожних, причислиться к поселенным казакам и войти в отправление службы. Пособия от казны дать следует тем и другим..." [16]. Условия переселения кабардинцев указаны в документе 3 Приложений.

Освоение Кавказа силами местного населения становилось распространённым явлением. Генерал-лейтенант Мусин-Пушкин в марте 1811 года обращался к Торماسову: "... я осмеливаюсь покорнейше просить не оставить милостивым вашим позволением о переселении вышеупомянутых Лоовых (абазинских владельцев с подданными – Р.Г.) к Эссентукскому посту, что на р. Подкумке неподалеку кр. Константиногорска, где они ныне весною хотят хлебопашество производить" [17]. Подобная практика не была редкостью, переселялись на земли, более удобные для ведения хозяйства, многие горские народы [18]. Как видно, налицо был излишек земель и недостаток тех, кто эту землю будет обрабатывать. Переселение местных народов, занимающихся сельским хозяйством, частично решало эту проблему.

Колонизационные процессы начала XIX века напрямую зависели от решения Россией внешнеполитических задач. Так, война с Наполеоном заставила правительство отложить решение вопросов о заселении Предкавказья. С 1812 г. число переселенцев стало уменьшаться, но сразу остановить поток переселения было невозможно. В 1813 было разрешено крестьянам, которые продали имущество, переходить на новые места. В 1813-1814 гг. в Кавказскую губернию прибыло переселенцев 89363 души обою пола. Но незанятой удобной земли в Кавказской губернии было свыше 2 млн десятин; больше всего свободных земель было в Александровском, Ставропольском, Георгиевском уездах [19].

Еще одной причиной остановки переселения были неурожаи, в частности, неурожаи 1813 года. В этой ситуации многие крестьяне цен-

тральных губерний оказывались в весьма затруднительном положении. Так, губернатор Слободо-Украинской губернии обращался к министру внутренних дел по следующему вопросу: "... в прошлом 1811 году... Слободы обыватели всего 45 душ просили о переселении их в Кавказскую губернию, но как по неурожаю хлеба в минувшем 1813 году в одной губернии таковое переселение приостановлено до сего 1814 года, а они между тем распродали все бывшее у них здесь обзаведение... в следствие чего прошу вас рассмотрев все сии обстоятельства уведомить меня могут ли уже быть отправлены все таковые желающие переселиться... или переселение сие должно быть еще отложено до другого времени" [20].

Казачи были одними из тех, кто осваивал Кавказ, и это процесс был связан со многими трудностями: "По прибытии нашем с семействами на Кавказскую линию рогатый скот от нового климата почти без остатка пал... силою Кабардинских и других горских народов 3 станицы: Галюгаевская, Ищёрская и Мекенская, со всеми нашими заведениями преданы огню, многие люди убиты и увлечены в плен" [21]. Казачи, размещенные в таком беспокойном месте, как окрестности Моздока, отражали набеги горцев и поэтому не всегда успевали заниматься своим хозяйством. Страдали от набегов и жители шотландской колонии [22].

По данным на май 1811 г. в село Безопасное прибыли с начала века 204 семейства казенных крестьян, в которых насчитывалось 524 души мужского пола, в Преградном соответственно – 204 и 470, в Медвеженском – 186 и 536, в Летницком – 133 и 342, в Песчанокоспском – 96 и 240, в Средне-Егорлыкском – 107 и 308, в Ново-Александровском – 214 и 543, в Успенском – 130 и 429, в слободе Ново-Егорлыкской – 68 и 174, а всего, во всех селениях прибыло 1342 семейства, насчитывавших 3566 ревизских душ мужского пола [23].

Как рапортовал 5 сентября 1814 г. смотритель партии переселенцев штабс-капитан Памовнин, "... прибыла из Слободо-Украинской губернии... партия переселенцев в числе 13 семейств, в их ревизских мужска пола 35 душ при именном списке выданном... на водворение... в новозаводимую слободу Новогорлицкую" [24].

Изучив процесс переселения, можно сделать вывод, что наиболее интенсивно шло освоение западных и центральных районов Предкавказья, поскольку они были более безопасны. Основной силой колонизации и экономического освоения были государственные крестьяне.

"Переселение государственных крестьян различных категорий имело огромное значение для присоединения Предкавказья, развития производительных сил этого края", – писал С. А. Чекунов. Он отмечает, что переселенцы способствовали вовлечению этого края в орбиту общероссийского хозяйственного оборота, содействовали приобщению народов, населявших его, к более передовым методам хозяйствования. В то же время переселенцы использовали опыт, накопленный местными жителями" [25].

Помещики не хотели отправлять своих крестьян на беспокойный Кавказ, так как никто не мог найти гарантий того, что крестьяне, будучи поселены в малоосвоенных предкавказских степях, не предпримут побег. Заселение Кавказа было делом государственной важности, поэтому казне приходилось использовать свои демографические ресурсы – казенных крестьян. Были еще казаки, но они постоянно отвлекались для несения службы, что не способствовало успешному ведению хозяйства.

Дальнейшее заселение и экономическое освоение Кавказа происходили в новых, более сложных военно-политических условиях. Многие исследователи считают 1817 год началом Кавказской войны, то есть периода, когда царское правительство решало задачу покорения Кавказа военным путем, стремясь планомерно преодолеть сопротивление горцев, не желавших становиться именно подданными, а не союзниками Российской Империи. При этих обстоятельствах установление демографического контроля приобретало особую актуальность.

Военно-политическая обстановка резко осложнилась, и в 1817 г. правительство вновь запрещает переселение в Кавказскую губернию. Запрещение касалось государственных крестьян, а помещики и сами весьма неохотно переселяли своих крестьян на Кавказ. Одна из причин запрещения переселения – слабый контроль над территорией Предкавказья. Другой причиной запрета переселения была засуха 1817 г. Несмотря на указы 1812 и 1817 гг. о приостановлении переселения в Кавказскую губернию, переселенцы небольшими партиями шли на Кавказ, поскольку многие к моменту вступления указа в законную силу уже распродали все свое имущество и приготовились к переселению. Таким крестьянам разрешалось перейти на новое место жительства. Свыше 1000 душ переселилось до 1820 г. Тогда же была основана крепость Нальчик, а годом позже – Грозная. Крепости основывались в

качестве опорных пунктов, но не только для ведения военных действий, а и процесса колонизации.

Переселение части кабардинцев в верховья реки Кубани в 1822 году и одновременное запрещение переселения в 1821-1822 гг. свидетельствовали о том, что в правительстве продолжало господствовать мнение о Кавказе, как о регионе, который нужно сначала привести к покорности, а уже затем приступить к его экономическому освоению. На "незамирном" Кавказе многие переселенцы оказывались жертвами "хищных" горцев, что не давало возможности в полной мере вести хозяйство.

Переселение части кабардинцев на территории, подвластные России, решало сразу две задачи: гарантия того, что переселенная часть горцев уже наверняка не станет участвовать в набегах; освоение Кавказа силами самих кавказцев. Аргументами за продолжение такой политики можно было считать произошедшие в 1822 году волнения в Чечне и в 1823 году – восстание в Мехтулинском ханстве. Поэтому целесообразно было не только переселять горцев, но и привлекать их к несению караульной службы, как считал генерал Ермолов [26].

То есть Ермолов стремился возложить защиту от набегов не только на войска и казаков, но и на самих "мирных" горцев. Но все же правительство и командование на Кавказе в начале 20-х годов продолжало нуждаться в военно-служилом сословии – казаках, которые бы не только занимались хозяйством, но и принимали участие в отражении набегов. Если горцы привлекались к несению караульной службы, то следующим шагом должно было стать включение их в состав казачества. В 1823 году в состав казачества были включены Бабуковский аул – 647 чел., "Моздокские казачьи братья" (осетины и черкесы) – 583 чел, 60 чел. грузин, 351 чел. окоченских татар.

Но несмотря на запрещение переселения, император Александр I заботился о планомерном наделении землей тех, кто нес на Кавказе кордонную службу, охраняя его от набегов горцев – казаков, тем более что им отводилась далеко не последняя роль в установлении мира на Кавказе. В марте 1817 г. Александр I повелел провести отмежевание земель казаков, инициатором чего был генерал А.П. Ермолов. Правила размежевания земель указаны в документах 4 и 5 Приложения. Как видно из документа, правительство с помощью отмежевания земель пыталось достигнуть двух целей: наделить землей военно-служилое сословие и тем самым освоить определенную часть Предкавказья.

Понимая важность заселения Кавказской губернии (области), А.П. Ермолов стремился сделать использование земельных ресурсов более рациональным, с тем, чтобы при раздаче земель учесть интересы и государства, и крестьян, и казаков.

Осознавая сложность обстановки на Кавказе и видя, что военный конфликт там приобретает все большие масштабы, правительство стремилось к тому, чтобы на Кавказе было как можно больше тех, кто мог отражать горские набеги – казаков, которые обеспечивали себя сами. Но переселить сразу большие массы казаков на Кавказ было невозможно. Поэтому правительство решило пойти другим путем. В 1824 г. 8 сел государственных крестьян были переведены в казачьи станицы, а крестьяне – в казаки. "Во второй половине 20-х годов серией указов в полки, распределенные по Кавказской линии, был открыт доступ малороссийским казакам, однодворцам, государственным крестьянам из украинских и российских губерний, причем процесс пополнения полков был продолжен и в следующие годы" [27].

Осознав, что проблемы Кавказа не решить в течение нескольких лет, и нуждаясь в крестьянском населении на Кавказе как основной производительной силе, правительство в 1824 году отменяет запрет и вновь разрешает переселение государственных крестьян. Новые потоки переселенцев должны были восполнить убыль в гражданском населении, которое поставляло в армию провиант, фураж, обслуживало главные тракты. В 1825 г. в Кавказскую область прибыло 346 душ, в 1826 – 835, в 1827 – 2162. Количество переселенцев с каждым годом увеличивалось. В 1825-1827 гг., под воздействием усложняющейся обстановки на Кавказе, было решено переселить 11 казачьих станиц (2647 дворов, 8093 души) ближе к границам с горскими народами.

Вице-губернатор Целов в октябре 1826 г. предписывал конторе для водворения переселенцев "...сделать надлежащее распоряжение для поселения и водворения желающих переселиться Орловской губернии казенных крестьян в числе 12 ревизских и 17 после оной мужеска пола душ" [28]. Процесс переселения государственных крестьян на Кавказ был возобновлен, поскольку вхождение Кавказа в состав России как политический акт прошел бы тем успешней, чем более освоены были территории степного Предкавказья.

Ермолов в 1827 г. сменил Паскевич, а вместе с ним изменилась и тактика. Паскевич решил прибегнуть к системе экспедиций, которые производились практически все время его пребывания на Кавказе с

1827 по 1831 гг. "После 1829 г. (то есть после окончания русско-турецкой войны – Р. Г.) Николай I предписал Паскевичу взять твердый курс на подчинение горских народов российской администрации, требовать повиновения и подавлять всякое сопротивление" [29]. В 1828 г. генералом Эмануэлем был присоединен Карачай.

Среди внешнеполитических событий, оказавших непосредственное влияние на Кавказ в конце третьего десятилетия XIX в., можно назвать Русско-иранскую войну 1826-1828 гг. и Русско-турецкую 1828-1829 гг.

Такая беспокойная обстановка в регионе заставляла правительство увеличивать количество казачьего населения. В 1828 г. два селения государственных крестьян были переведены в казачьи станицы, а крестьяне – в казаки. В 1829 в казачье звание стали принимать без увольнительных от обществ. С 1829 бродяги, выявленные в ближайших к Кавказской области губерниях, отправлялись в работники к казакам. В казаки причислялись лица, не имевшие "узаконенных видов", но уже жившие в области 2-12 лет. Правительство было готово оставить без внимания некоторые нарушения закона, настолько важным оно считало увеличение количества казаков в Кавказской области.

В 1828 г. в Кавказскую область прибыло 2420 душ переселенцев, в 1829 – 5012 (очевидно, это было связано с окончанием Русско-иранской и Русско-турецкой войн), в 1830 – 2008 [30]. Кроме того, массовые побеги на Кавказ были связаны в 20-х гг. с распространением слухов о "кавказской воле". В 1830 в Кавказской области уже насчитывалось 53526 душ государственных крестьян, в том числе 25690 душ находилось на льготных платежах. Из 103 селений 78 были казенными.

Контора, учрежденная для водворения переселенцев, в 1829 рапортовала гражданскому губернатору М. Л. Малинскому: "Прошением поданным в сию контору Курской губернии Новооскольского уезда села Суркова однодворец Иван Ерохин прописывает, что прошлого 1828 года прибыл он с товарищи в числе ста тринадцати мужеска пола душ из настоящего своего места жительства в сию Кавказскую губернию для поселения Ставропольского уезда в селении Новорождественском по данному им от Курского гражданского губернатора открытом листу" [31]. Основная производительная сила славянской колонизации Кавказа – государственные крестьяне – постоянно увеличивали свою численность за счет новых переселенцев. Они занимались как экономическим освоением Кавказа, его колонизацией, так и попол-

няли ряды военно-служилого сословия – казаков, среди которых убыль была велика из-за столкновений с горцами.

В 1828 была реорганизована и пополнена шотландская колония в районе Минеральных вод. Существовала и немецкая колония в городе Святой Крест (89 душ мужского пола). Можно сказать, что несмотря на сложное политическое положение на Кавказе и в Закавказье, постоянные столкновения с горцами, войны с Персией и Турцией, заселение и экономическое освоение Кавказа и степного Предкавказья продолжалось, зачастую интенсивным темпами, хотя вышеуказанные военно-политические события накладывали своей отпечаток.

В начале 30-х произошли изменения и в управлении краем. Вместо графа Паскевича командовать Отдельным Кавказским корпусом был назначен барон Розен [32]. В 1834 г. третьим имамом стал Шамиль. Деятельность Шамиля была более успешной, чем деятельность двух его предшественников. На протяжении четверти века Шамилю удавалось оказывать постоянное сопротивление российским войскам.

Все эти военно-политические события не просто усложняли обстановку на Кавказе, но и говорили правительству и командованию на Кавказе, что война там приобретает затяжной характер, а значит потребует большого количества войск, которые нужно будет обеспечивать. Поэтому поток переселенцев возрастал. В 1831 на Кавказ прибыло 2808 переселенцев из казенных крестьян, в 1832 – 5385, в 1833 – 12931, в 1834 – 585. Всего с 1825 по 1834 гг. прибыло в Кавказскую область 34492 д. м. п. Поток переселенцев не остановился даже после 1833 г., отмеченного массовыми падежами скота и засухой. "К 1833 году казенными селениями Ставропольского округа были: Новопокровское – 1733 жителя, Безопасное – 1716, Новогорлыкское – 1610, Медвежье – 1280, Пелагиада – 1248, Новорождественское – 1432, Белая Глина – 1436, Красная Поляна – 1100, Московское – 8124, Донское – 1383, Песчанокопское – 1289, Константиновка – 810 жителей и т.д. В Пятигорском округе: Прасковья – 1249 жителей, Новогригорьевское – 1140, Новозаведенное – 907, Обильное – 879" [33].

Война на Кавказе принимала расширяющийся характер, что требовало увеличения количества казачьих войск. Эта проблема в течение ряда лет решалась с помощью перевода казенных крестьян в казачье сословие. Свыше 30 казенных селений с января 1833 стали казачьими станицами. "Слабое и ненадежное положение Кавказской Линии" послужило причиной "отчисления из гражданского ведомства Кавказ-

ской области 32-х селений казенных крестьян и обращении их в казацье сословие. Количество душ мужского пола, на сем основании отошедших из гражданского ведомства, простирается до 25000", писал барон Розен в своем рапорте в 1836 г. Вследствие этих "отчислений" и "приращений" Кавказское казацье линейное войско "... в 1832 году, по совершенной необходимости, значительно усилено 32-мя селениями. Народонаселение в Войске простирается до 66000 душ мужского пола, из коих в 9-ти полках состоит ныне служащих штаб- и обер-офицеров, и нижних чинов 14091" [34].

В марте 1837 г. казаков на Линии насчитывалось 71313 д. м. п., расположенных в 83 станицах и входивших в состав 9 полков. Все эти перемещения населения из гражданского ведомства в казаки как нельзя лучше подтверждает то, что оборона Кавказской Линии являлась одним из основных факторов успешного экономического развития региона, становления там хозяйственной инфраструктуры. В том же рапорте Розен дает численную характеристику гражданского населения области, которое и должно было сделать ее экономику развитой. "В гражданском ведомстве считается ныне с небольшим 58000 душ; но в числе их собственно казенных крестьян, платящих подати и исполняющих повинности, только 32000. Остальное затем количество в особенности помещичьи крестьяне и казенные поселяне на льготе, а также купцы, мещане и другого звания люди. Многие из последних числятся только для счета и не отбывают казне податей; число их, вместе с поселянами, состоящими на льготе, простирается свыше 14000 душ" [35].

Бушевавшая на Кавказе война требовала все больших людских ресурсов, обеспечивать Кавказскую армию целесообразней было теми продуктами, что произведены на Кавказе, а не во внутренних губерниях России. Поэтому неудивителен рост количества представителей основного производящего слоя – государственных крестьян. Сравнительные данные переписей 1816 и 1835, видим, что число государственных крестьян увеличилось, несмотря на то, что 37 казенных сел были переведены в станицы.

Как отмечали многие исследователи, было бы неправильным думать, что если казачество составляло большинство населения края, то значит, оно играло главную роль в его экономическом освоении. В обстановке незатухающей Кавказской войны значительная масса казаков постоянно отвлекалась от хозяйственной деятельности военной

службой. Поэтому на первое место в деле освоение целинных предкавказских степей выдвигалась другая многочисленная группа населения края – государственные крестьяне.

Обстановка на Кавказе была такова, что правительство нуждалось как в крестьянах – основном производящем классе, так и в казаках – военно-служилом сословию, привлекавшемся для охраны, несения сторожевой (кордонной) службы. В декабре 1831 года начальник Кавказской области генерал-лейтенант Вельяминов изложил свои соображения в ответ на предложение Департамента государственных имуществ Министерства финансов о переселении из Подольской губернии 5 тысяч семей бывшей шляхты, "а ныне граждан и однодворцев". По мнению начальника области, для переселения такого значительного количества людей потребуются приготовления. Всех переселенцев он предлагал перечислить в воинское (казацье) сословие и расселить на территориях Кавказского, Хоперского, Волгского и Терского казацких полков, поскольку там имеется 242595 десятин "излишней земли". Однако Вельяминов высказывался против того, чтобы переселенцы прибывали на место жительства сразу с семьями. Не имея жилья, они станут жертвами непривычного климата. Поскольку в Кавказской области очень мало строевого леса, новоселы не смогут за короткое время построить себе дома. Кроме того, не имея продовольствия, в ожидании будущего урожая переселенцы могут сделаться жертвой голода.

Для того, чтобы избежать таких губительных для новоселов последствий, Вельяминов предлагал сделать ряд распоряжений. "По предмету обзаведения" было предложено. Так как в Кавказской области леса, годного для постройки, очень мало, то этот строительный материал нужно закупить по рекам Дону и Волге и доставить на места новых поселений за счет казны. По мере заготовки леса выслать к местам будущего жительства "из числа предполагаемых переселенцев одних рабочих людей без семейств", а по окончании постройки домов выслать и сами семейства. Тех, кто будет строить дома, разместить в станицах тех полков, к которым переселенцы будут причислены.

"По предмету продовольствия" Вельяминов также высказал несколько предложений. До того времени, пока новые переселенцы обзаведутся огородами, обрабатывают поля и соберут урожай – продовольствие они должны получать от казны, для чего надо заблаговременно заготовить "достаточное количество муки и круп". "Пропорция их жизненных припасов отпущена должна быть на каждую наличную душу также

как и нижним войсковым чинам, а малолетним до 16-летнего возраста в половину". Кроме того, в первый год поселенцы должны были получить надлежащее для себя количество хлебного зерна из казны [36]. Таким образом, военному командованию приходилось частично брать на себя заботу "о новых переселенцах". Стремление причислить всех новоселов в казачье сословие объяснялось тогдашней военно-политической обстановке в регионе.

Учитывая опыт предшествующих десятилетий и предложения Вельяминова, были составлены "Правила для переселения граждан и однодворцев западных губерний в Кавказскую область". Польское восстание 1830-1831 гг. заставило правительство заняться решением аграрного вопроса в западных губерниях, с целью снизить там социальное напряжение. Так, переселяя "граждан и однодворцев" из западных губерний на Кавказ, правительство пыталось решить сразу две задачи. Исходя из учета политической и экономической обстановки как в западных губерниях, так и на Кавказе, и были составлены эти правила.

Каждой семье предполагалось выделить по 50 десятин земли. Переселяемые получали ряд льгот: 5-летняя льгота от платежа земских повинностей и подымных податей; 3-летняя льгота от натуральных земских повинностей; 5-летнее освобождение от рекрутской повинности, "а последующие три года исправление сей повинности против прочих в половину". На 6 лет давалась свобода от воинского постоя и от внесения хлеба в сельские запасные магазины. С переселявшихся слагались недоимки по земским повинностям на прежних местах жительства. При отправке каждая семья получала на путевые издержки по 50 рублей, по прибытии на место, на обустройство – еще 50 рублей, а там где не было леса – по 100 рублей. На посев и продовольствие переселенцам выдавались "безденежно", в зависимости от величины семейства, 4-6 четвериков круп, 3 пуда соли.

На начальника Кавказской области возлагались выбор места для поселения, равномерное распределение участков земли между селениями. Участки земли должны быть равноценны по количеству и качеству почв, обеспеченности угодьями и водой. Земли нужно было снять на план, где показать каждое селение. Планы представить в Министерство внутренних дел и в Министерство финансов для рассмотрения.

Переселенцы должны были двигаться партиями в сопровождении партионного офицера и конвойных. Во время следования им бесплат-

но предоставлялись ночлег и питание на "обывательских квартирах". "Обывателям" платила казна. От местных властей требовалось "переселенцам оказывать вообще всякое законное пособие, доброхотство и покровительство".

По прибытии партий на границы Кавказской области начальство области должно было распорядиться об отправке партии на отведенное ей место жительства. Списки переселенцев должны были представляться в местные земские суды. Местное начальство также должно было распорядиться о возведении домов, устройстве колодцев, прудов, мостов, церквей. Оно было обязано "принимать меры для сохранения здоровья переселенцев, снабжать наставлениями к улучшению быта, усовершенствованию земледелия, устройству общественных посевов для запасных магазинов, ознакомить с местными промыслами". Обо всех распоряжениях, касавшихся переселенцев, областное начальство было обязано сообщать в МВД.

Земская полиция тех уездов, в которых поселялись выходцы из запасных губерний, была обязана по прибытии принять переселенцев по списку, требовать от местного начальства содействия, от лесного начальства – леса для постройки домов, от казначейства – денег. По окончании переселения "водворенные семейства" поступали в распоряжение Казенной палаты на общих основаниях [37].

Таким виделось переселение на Кавказ правительству. Стараясь проявить определенную заботу о переселяющихся и вместе с этим соблюсти свои интересы, правительство в этих правилах не учитывало ряда местных особенностей Кавказской области. Но эти особенности были хорошо известны начальнику области генерал-лейтенанту Вельяминову. В мае 1832 года он написал свой ответ на правила переселения бывшей шляхты западных губерний и направил его в МВД. В этом ответе Вельяминов отвергал ряд требований, содержащихся в "Правилах", объясняя невозможность их выполнения в местных условиях. Так, правительство требовало села распределять по территории области равномерно. На что Вельяминов отвечал, что в Кавказской области "земли везде разного свойства и качества", ссылаясь при этом на обзор земель области, составленное Ермоловым. Серьезной проблемой (и весьма обоснованно) он считал отсутствие пригодной для питья воды во многих местах. В "Правилах" было сказано, что переселенцы должны строить дома. Однако, если прибудет сразу большая, как предполагалось, партия переселенцев, то рабочим придется стро-

ить дома на пустых местах, не имея ни "приюта", ни воды. Для охраны рабочих от "хищников" пришлось бы отвлекать войска.

На требование устроить колодцы Вельяминов отвечал, что если устраивать обычные колодцы, то вода в них будет горько-соленая. Питьевую воду во многих местах можно получить только из артезианских колодцев, но их создание потребует целого лета, офицеров горного ведомства и рабочих, которым также потребуются охрана. В правилах было сказано селить выходцев из западных губерний на казачьих землях, но без причисления в казачье сословие. Это, по мнению Вельяминова, вызовет неудобство в управлении: казаки подчинялись военному ведомству, а поселенцы были бы в гражданском. Это вызовет путаницу в делах и недовольство казаков. Наконец, Вельяминов опасался того, что бывшая шляхта – в основном католики и если построить для них церкви, то католичество может распространить свое влияние на Кавказе. Запретить отправление культа католикам тоже было невозможно, так как это создало бы почву для недовольства.

Таким образом, начальник Кавказской области не отказывался от переселения жителей западных губерний на Кавказ, но просил сделать этот процесс переселения более соответствующим специфике Кавказа. Кроме критики правил, Вельяминов внес ряд своих предложений по поводу заселения области выходцами из западных губерний. В частности, он предлагал причислить новоселов не в казенные крестьяне, а в казаки, в военное ведомство.

От причисления переселенцев в казаки польза, по мнению Вельяминова, будет и им, и Кавказскому краю, и государству. Выходцы с западных окраин империи привыкли обрабатывать плодородные земли, не испытывать недостатка в воде. При поселении в казачьих станицах они окажутся в сходных условиях. Кроме того, до обзаведения собственным хозяйством, переселенцы могли бы наниматься работниками к казакам, а те, в свою очередь оказать им "необходимое пособие". При поселении вместе с казаками, "при реках", вновь прибывшие будут "сохранены от излишней смертности".

От причисления новоселов в казаки, по мнению Вельяминова, выиграет и государство. Если селить их в казачьих станицах, то будет потрачено меньше денег на обустройство домов и прочего. Переселенцы смешаются в казаками, станут с ними "одним народом". Кавказские казачьи войска лишились многих людей из-за холеры, из-за набегов – причисление новых людей пополнит их количество. "Бывшая

шляхта привычна к верховой езде, ружью и сабле, могут быть отличными конными воинами" [38].

Вельяминов – военачальник и администратор, служивший на Кавказе далеко не первый год, понимал сколь важное значение имеет заселение области. Но как кавказский администратор, он старался сделать этот процесс максимально полезным для вверенной ему области, а как военачальнику, ему приходилось считаться с интересами военных, учитывать, что регион находится в состоянии войны.

Замечания начальника области были отчасти учтены, и уже 30 сентября 1832 года было принято "Положение о переселении малороссийских казаков, однодворцев и прочих казенных поселян для поселения в Кавказские казачьи линейные войска и полки".

Как видно из названия документа, правительство учло и пожелания начальника Кавказской области генерал-лейтенанта Вельяминова, и то, что мюридизм к началу 30-х годов XIX века уже превратил отдельные горские племена в организованное войско, и России пришлось иметь дело с серьезным противником. Переселением правительство хотело, прежде всего, компенсировать убыль военно-служилого сословия – казаков, которые участвовали в боевых действиях и несли кордонную службу на Кавказской укрепленной линии.

Согласно "Положению о переселении..." для "поступления в Кавказские казачьи войска" принимались "казаки все", а однодворцы и поселяне – только те, у кого надел составлял менее 5 десятин на ревизскую душу. Переселяя на Кавказ, правительство решало проблему малоземелья в России и на Украине. Переселение указанных категорий населения планировалось проводить добровольно "никого не удерживая и насильно не переселяя". Переселенцы освобождались от рекрутской повинности на прежнем месте жительства, а по поступлении в "Кавказские линейные казачьи полки, подвергаются всем обязанностям и повинностям, соединенных со службой оных".

Переселенцы сохраняли право собрать урожай со своих участков, а те, кому эти участки оставались после их ухода, "оказывали пособие, по согласию". В пути следования переселенцы останавливались на "обывательских квартирах", местное начальство должно было оказывать им необходимое содействие.

На начальника Кавказской области, по получении известия о переселении, возлагались обязанности: распорядиться о назначении места для поселения и об отводе земель; направить полковым начальни-

кам и в местные земские суды именные списки для водворения и недопущения самовольных переходов. Кавказская Казенная палата должна была позаботиться об отпуске лесным начальством леса для постройки домов, а уездными казначействами – денег на пособия. Лес выдавался бесплатно, денежное пособие составляло 50 руб. при наличии леса, 100 руб. – если его не было.

Полковые начальники должны были по прибытии переселенцев сверить их количество с именным списком, содействовать их скорейшему обустройству на новых местах, сообщать начальнику области все, что касается переселенцев. Сверх того, начальник области был обязан: "оказывать переселенцам пособие, оберегать от притеснений; через полковые начальства убеждать казаков оказывать помощь переселенцам; обозревать новые поселения через подведомственных чиновников; принимать меры к сохранению здоровья переселенцев" [39].

Обстоятельства военного времени заставляли правительство пополнять количество казаков в максимально короткие сроки, не считаясь с финансовыми затратами. Исходя из изложенного выше, можно смело говорить об устойчивой взаимосвязи между процессом борьбы с горским сопротивлением и заселением территории Кавказской области трудоспособным населением. На переселенцев возлагалась задача превратить область, во-первых, в обжитой район с развитой инфраструктурой, поскольку территория уже была включена в состав России; во-вторых, область должна была стать, благодаря труду новоселов, продовольственной базой для армии. Казаки же, в условиях военного противостояния, были более "ценным" для государства социальным слоем, чем государственные крестьяне. Так было потому, что они не только производили определенные материальные ценности и обживали Ставрополье, но и отражали набеги горцев, несли сторожевую службу, что в тот период имело важное значение.

Еще одной категорией лиц, пополнявшей население Кавказа, были беглые и бродяги. Бегство на Кавказ в 30-х гг. носило массовый характер. Политика правительства по отношению к беглым и бродягам была не всегда однозначной. В марте 1833 г. тогдашний министр внутренних дел тайный советник Блудов писал главноуправляющему на Кавказе барону Розену: "Приписку всех тех, кои задержаны будут за неимением законных видов и назовутся непомнящими родства, в работники к казакам Астраханским и Кавказским, равно как и ссылку их в Сибирь

на поселение, немедленно прекратить и прием оных туда совершенно запретить" [40]. Но Кавказская область, очевидно, по-прежнему представлялась крестьянам территорией, где можно было избавиться от крепостной зависимости. Поэтому крестьяне, несмотря на запреты, продолжали бежать на Кавказ. Так, в августе 1832 г. граф Чернышов сообщает барону Розену "... о значительном побеге помещичьих крестьян из пределов Войска Донского и Саратовской губернии в Кавказскую губернию для поселения в оную" [41]. О масштабах бегства крестьян на Кавказ можно судить по данным, приведенным в документах 6 и 7 Приложения.

Характерно то, что несмотря на все запреты, определенное количество беглых (1954 из 3017) все же отдано в работники к казакам, ибо местное начальство понимало, что каждый трудоспособный человек на Кавказе представлял собой значительную ценность, поскольку вопросы политической стабильности на Кавказе и его экономическое освоение (в том числе снабжение армии) были взаимозависимы. А раз так, то часть беглых все же оставалась на Кавказе, внося свой вклад в его освоение. А то, что масштабы бегства были достаточно широкими, видно из приведенных выше данных.

По данным статистического обозрения, составленного для Генерального штаба в 1832 году, население Кавказской области было представлено следующими сословиями в указанном количестве (таблицы 3.1, 3.2 и 3.3 Приложения).

Таким образом, можно отметить устойчивую тенденцию роста населения Кавказской области. Этот процесс был в первую очередь обусловлен военно-политическими факторами, такими, как продолжающаяся война с горцами и противостояние с Османской империей и Персией.

Деятельность Розена в сфере "замирения" Кавказа нельзя было назвать успешной. Кавказская война продолжалась, мешая этому региону стать полноценной частью Российской Империи, чего так желали в Петербурге.

В условиях, когда перспектива длительной войны была вполне реальной, правительство стремилось как можно полнее использовать людские ресурсы, находившиеся на Кавказе. Поэтому с 1838 г. солдаты, выслужившие свои сроки, поселялись на Кавказе, образуя военные поселения. Жены этих отставных солдат отправлялись из внутренних губерний к местам поселения мужей [42].

В 1838 государственных крестьян было 56447 д. м. п. С 1824 по 1838 гг. было основано 13 сел [43]. Более подробные данные о населении области содержатся в документе 8 Приложения.

Военно-политическая обстановка на Кавказе требовала увеличения количества тех, кто мог нести военную службу на Кавказе, одновременно занимаясь его освоением – казаков. Зачастую государственные крестьяне переселялись с целью перевода в казаки. Харьковский гражданский губернатор 11 апреля 1842 г. обращался к Кавказскому гражданскому губернатору: "Богуславского Уезда Слободы Любавки поселяне, показанные по 8 ревизии 237 душах с разрешения начальства переселяются в Кавказскую область для поступления в казаки Сергиевской станицы.

Уведомляя о сем Ваше Превосходительство, имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего об оказании означенным переселенцам в пути во время следования во вверенной Вам губернии законных пособий" [44].

Увеличение количества войск на Кавказе требовало, в свою очередь, увеличения числа тех, кто будет эти войска обеспечивать – государственных крестьян. Заселение Кавказской области продолжалось. В 1840 в Кавказской области насчитывалось 3 округа, состоявших из 13 волостей, в которых находилось 47 казенных селений и 1 немецкая колония. В них проживало 58818 д. м. п. и 53955 д. ж. п., всего 112413 д. об. п. [45]. Из этого числа в Ставропольском округе находилось 81543 чел., в Пятигорском – 29860, в Кизляро-Моздокском – 1010. Таким образом, основное количество казенных крестьян в начале 40-х гг. находилось в Ставропольском округе, где их сосредоточилось 73%, в 3 раза меньше – в Пятигорском округе, 1% – в Кизляро-Моздокском округе. В 1845 в области насчитывалось 162549 душ обоого пола государственных крестьян.

Между тем вновь произошла смена главнокомандующего на Кавказе. Высочайшим рескриптом граф М.С. Воронцов был назначен главнокомандующим и наместником на Кавказе [46] и 26 марта 1845 года приступил к исполнению должностных обязанностей наместника Кавказского округа.

М.С. Воронцов, сосредоточив в своих руках власть наместника, уделял внимание не только завоеванию Кавказа, но и его мирному обустройству. "История Кавказа, о чем бы не говорилось в сфере гражданского устройства края, в сфере его экономического и духовного развития,

пришлось бы неминуемо и прежде всего помянуть имя того великого государственного мужа, деятельность которого была здесь более чем кого-либо плодотворна, имя Михаила Семеновича Воронцова" [47].

Вот лишь наиболее важные мероприятия из тех, что предприняты М.С. Воронцовым во время его наместничества на Кавказе для создания гражданской инфраструктуры края. 9 февраля 1846 года было принято "Положение о меновой торговле с горцами на Кавказской линии". В мае 1847 года обрели законную силу документы, регламентирующие деятельность карантинной и таможенной служб на Кавказе. Для сбыта за границу продукции Ставропольской губернии и Черномории в марте 1848 года был основан портовый город Ейск. Проложение в крае дорог, устройство мостов и переправ тоже было предметом постоянного внимания наместника. Одним из шагов, направленных на признание особого статуса Кавказских Минеральных Вод, благодаря уникальности этого региона, стало принятие "Положения об управлении Кавказскими Минеральными Водами" 29 мая 1847 года.

В таком аграрном крае, как Ставропольская губерния, особенно нужны были специалисты по землеустройству и 2 сентября 1846 года была открыта школа кавказских межевщиков. Для прекращения земельных споров между казаками и кочевыми народами губернии 13 мая 1852 года вышло "Положение о размежевании земель Кавказского линейного войска и магометанских народов, обитающих в Ставропольской губернии". Для этой работы как раз и пригодились выпускники школы межевиков.

Многое было сделано М.С. Воронцовым для формирования образовательной инфраструктуры губернии. При нем, в феврале 1846 году, учебные заведения Кавказской области были исключены из Харьковского учебного округа и подчинены кавказскому наместнику, с той целью, чтобы его власть распространялась и на подготовку грамотных кадров, столь необходимых на территории, которая еще только осваивалась. В декабре 1848 г. было принято "Положение о Кавказском учебном округе и учебных заведениях, ему подведомственных"; в ноябре 1850 г. вышли дополнения к этому положению, а в октябре 1853 г. была принята новая редакция "Положения". Для подготовки служителей культа 13 ноября 1846 г. в Ставрополе была открыта духовная семинария, издано "Положение об устройстве мусульманских училищ" (27 июля 1850 г. и 22 мая 1853 г.).

Образование было одной из важнейших сфер, через которую Россия могла превратить Кавказ в часть своей территории, а его жителей – в подданных, причем сделать это именно де-факто, а не только де-юре. Указами наместника от 11 января и 30 ноября 1845 г., 8 марта 1848 г. и 11 февраля 1849 г. дети представителей народов Кавказа получили доступ в "высшие и специальные учебные заведения Российской Империи для воспитания за казенный счет. Дети горцев принимались на воспитание в пансионы Екатеринодарской и Ставропольской гимназий на счет казны, согласно указа наместника от 18 декабря 1848 года". Для надзора за печатной продукцией 23 апреля 1849 г. был открыт цензурный комитет при Кавказском учебном округе. Первым из наместников Воронцов обратил внимание на Кавказские архивы. По его указанию разбор архивов осуществлялся с лета 1846 по 1850 гг. включительно.

Кроме того, при Воронцове в Ставропольской губернии по участкам государственных имуществ был введен жеребьевкой порядок отправления рекрутской повинности с 18 января 1851 г. В 1852 г. работам по укреплению берегов Терека в Кизляре придан регулярный характер. Таким образом, наместник князь М. С. Воронцов сыграл далеко не последнюю роль в формировании экономической и социальной инфраструктуры Ставропольской губернии.

Двадцатилетняя – со времени отставки Ермолова – практика ведения войны на Кавказе с помощью одних только экспедиций показала свою неэффективность, а во многом даже и вредность – из-за больших потерь людей и материальных ресурсов. С 1846 г. Воронцов переходит к тактике Ермолова – окружению имамата кольцом укреплений. Новая тактика войны за Кавказ потребовала большого количества казачьего населения, поскольку на "замиранных" территориях учреждались казачьи станицы как гарантия российского присутствия в данной местности. В 1846 1000 семейств казаков была направлена для пополнения убыли в полках Кавказского линейного войска.

В 1847 были утверждены новые положения о переселении людей из внутренних губерний в Кавказское линейное войско. В 1848-1849 на Кавказскую линию прибыло около 3-х тысяч семейств казаков, что позволило увеличить количество военно-служилого сословия на Кавказе и проводить в жизнь тактику покорения Кавказа, взятую на вооружение Воронцовым. Тогда же солдатские семьи на Кавказской линии были поселены в Железноводске, Нальчике, Ларсе и крепости

Грозной. Впоследствии из них создавались пешие казачьи батальоны. О росте казачьего населения в 40-е годы свидетельствуют нижеприведенные цифры:

Годы	Мужчины	Женщины	Всего
1840	82918	79503	162421
1845	89051	87610	176661
1849	124078	117716	241794

Отсюда видно, что количество казаков за это время увеличилось на 79373 человека, или на 67,7%, а за вторую четверть XIX века оно возросло с 48518 до 257469 человек, то есть более чем в 5 раз. Только количество казачьих полков с 1837 по 1844 увеличилось с 9 до 17 (почти в два раза). Нельзя сказать, что жизнь казаков была безоблачной. Они погибали не только в войне и стычках с горцами, но и от болезней. В 1847 от эпидемии умерло 9 тысяч казаков.

В начале 50-х гг. XIX в. правительство занялось вопросами улучшения жизни государственных крестьян. В ноябре 1850 г. последовало высочайшее соизволение на введение у казенных крестьян Ставропольской губернии общественных запасок. Эти общественные запашки должны были обеспечивать "... народное продовольствие и благосостояние крестьян...", а кроме того, доставить "... средства к производству казенных провиантских операций". Общественные запашки планировалось вводить постепенно, основной целью их было создание запаса хлеба на случай "дурного урожая" [48]. К этому времени ставропольские крестьяне стали основными поставщиками хлеба для кавказских войск, поэтому введение общественной запашки обеспечивало прежде всего государственные интересы.

По данным 9 народной переписи, проведенной в январе 1851, в Ставропольской губернии проживало 189354 душ обоого пола податных сословий. Это было больше на 80875 душ по сравнению с 1835 годом, когда проводилась 8 перепись [49]. За 15 лет податное население Ставропольской губернии увеличилось на 74,5%, что свидетельствовало об интенсивной политике правительства в сфере заселения и освоения Кавказа, поскольку от успешного выполнения этой задачи напрямую зависела другая, не менее важная "замирание" горцев. Как писал штаб-капитан Забудский в 1851 г., "Ставропольская губерния сделалась военным путем и лагерем наших войск и как вспомогательное средство для ведения войны" [50].

Ставропольские казенные крестьяне были обязаны отбывать постоянную повинность. Войска Кавказского корпуса, проходя через территорию губернии, останавливались на "обывательских", по большей части крестьянских квартирах. Тем самым государственные крестьяне Ставрополя оказывали помощь армии еще и в этом плане. Когда основывались села, то в первую очередь заселялись пространства, прилегающие к трактам, по которым шли войска. Эти факты еще раз доказывают, что формирование инфраструктуры сельских и городских поселений Кавказской области (губернии) в конце XVIII в – 50-х гг. XIX века было связано с реализацией России своих геополитических интересов на Кавказе. В качестве одного из примеров того, как использовались государственные села и станицы для размещения войск, можно рассмотреть "Квартирование расположенных войск по Кавказской линии" (таблица 4 Приложений).

Тяготы квартирной повинности несли не только крестьяне, но и жители городов. Так, в мае 1852 года Ставропольский полицмейстер докладывал гражданскому губернатору о том, сколько имеется в городе Ставрополе квартир для генералов и обер-офицеров, и сколько расположено по обывательским квартирам штаб и обер-офицеров и нижних чинов. По сведениям городского полицмейстера, "генеральских квартир" в то время в Ставрополе было не более 12, штаб-офицерских – 64, обер-офицерских – 280 "и для нижних чинов – 950 домов" [51]. Более полную информацию о том, как города и села Ставропольской губернии использовались для постоа войск Кавказского корпуса, дает "Алфавитный список ночлегов Кавказского края от 1853 года" (см. таблицу 5 Приложений). "Государственные крестьяне должны были платить подушную подать, содержать... почту, больничные избы для солдат, строить дороги и мосты, предоставлять свои дома для постоа солдат и арестантов. Это тяжелым бременем ложилось на неокрепшее хозяйство переселенцев" [52].

В 1856 г. против Шамиля начала действовать 200-тысячная армия, освободившаяся после Крымской войны, что, помимо других факторов, привело имамат к кризису. Кольцо блокады вокруг имамата сужалось, был использован детальный план продвижения от рубежа к рубежу с прочным закреплением территорий. Именно в это время командующим войсками и исполняющим должность наместника был назначен князь Барятинский, до этого занимавший должность начальника штаба Кавказского корпуса [53].

И ведение войны, и ее окончание требовали от правительства адекватной колонизационной и экономической политики на Кавказе. С 1841 по 1857 гг. на Лабинской линии было поселено 5085 семейств разных сословий. Заселялась Сунженская линия, за 12 лет (1845-1857 гг.) здесь было поселено около 2-х тысяч семейств. Количество казаков за это время увеличилось на 79373 чел., или на 67,7%. До окончания Кавказской войны в 1864 правительство расширяло военно-казачью колонизацию северокавказского края. Но с конца 50-х гг. XIX в. один очень важный момент начинает свидетельствовать о том, что война на Кавказе идет к концу и теперь правительство больше нуждается в плательщиках податей, чем в воинах. Число государственных крестьян возросло в конце 50-х, когда начался процесс превращения казачьего населения в государственных крестьян. Правительство не нуждалось с этого момента в большом контингенте казачества. Ему выгоднее было увеличить число податного населения. Государственные крестьяне были основным колонизирующим слоем на Кавказе.

Еще одной категорией крестьян в Ставропольской губернии были крепостные. К 1857 г. количество крепостных в Ставропольской губернии составляло 8288 д. м. п., из них в Пятигорском уезде находилось 5838 душ (70,4%), в Кизлярском 1449 (17,4%) и Ставропольском 1001 (12,2%). Основная масса крепостных крестьян сосредотачивалась в руках небольшого числа владельцев. В 1857 только 10 помещиков (из 130) владели 6205 душами, то есть более 80%. Крепостнические отношения на Северном Кавказе не получили большого развития. Количество крепостных крестьян по отношению ко всему населению края составляло 2% (по данным на середину 50-х гг. XIX в.). В это время на 2/3 сократился земельный фонд помещиков.

Заселение Ставропольской губернии продолжалось и в начале 60-х гг. В марте 1861 Барятинский писал о том, что предполагается "... заселение главных дорог через степи ... и до Русских поселений в губернии Ставропольской, сделано было распоряжение об учреждении на первый раз 44 станиц, с поселением в них по 50 семейств Калмыков и по столько же Русских из крестьян, нуждающихся в земле, и с отводом им одной по 30 дес. на душу и 1/5 части в запас" [54]. Станицы были переименованы в села и отселки, а надел составил не 30, а 15 десятин на душу (общая норма для Ставропольской губернии).

В 1860 г. новая партия переселенцев была поселена на Ставрополье. "Господин Министр Внутренних Дел предписывает на имя Господина Гражданского Губернатора, давая знать о дозволении однодворцам Орловской губернии Малоархангельского уезда... переселиться в числе 102 душ в Ставропольский уезд Ставропольской губернии, на земли при селениях Белой Глине, Летницком и Медвеженском. Не оставьте сделать распоряжение, дабы означенные однодворцы по прибытии в Ставропольскую губернию допущены были к поселению на избранные места" [55]. Таким образом, заселение территории Ставропольской губернии было продолжено, что стало теперь уже не только средством решения геополитических задач России в кавказском регионе, но и следствием определенных успехов страны в этой области.

Рассматривая процесс колонизации Россией территории Кавказской (Ставропольской) губернии, можно сделать следующий вывод. Инфраструктура сельских и городских поселений, первоначально создаваемая правительством для реализации геополитических и военно-политических целей в кавказском регионе (войны с Турцией и Персией, присоединение Закавказья, борьба с горскими набегами), способствовала освоению Предкавказья, превращению его не просто в обеспечивающую базу для войск, но и в территорию, на которой стала налаживаться мирная жизнь, появилась возможность для производительного труда переселенцев.

Данные цели были достигнуты в первую очередь усилиями государственных крестьян. Важную роль сыграли казаки, которые не только осваивали территорию губернии, но и защищали мирное население. Помещичье землевладение в силу специфики региона в Предкавказье сложилось мало.

1.2. ФОРМИРОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СТАВРОПОЛЬСКОЙ (КАВКАЗСКОЙ) ГУБЕРНИИ

Война, по словам выдающегося русского хирурга Н.И. Пирогова – это "травматическая эпидемия". На Кавказе в рассматриваемый период России приходилось действовать в том числе и военными методами. В борьбе с горцами, в войнах с Турцией и Персией российские

войска несли потери убитыми, ранеными и заболевшими. В любой войне во многом более успешной оказывается, та сторона, чья медицина работает лучше, кто быстрее сможет излечить и вновь поставить в строй раненых. Такого рода задачи стояли и перед Россией. Для решения этих задач необходимо было создать медицинскую инфраструктуру – сеть лечебных учреждений на территории, находящейся в непосредственной близости от "театра военных действий" – в Кавказской губернии.

Кроме событий военного и политического характера, обстановка на Кавказе осложнялась частыми эпидемиями. Одной из мер борьбы с эпидемическими заболеваниями в начале XIX века были карантинные заставы. На карантинных заставах проезжающие должны были провести определенное количество времени, чтобы стало ясно: больны они или нет. Там же проводилось "карантинное очищение" с помощью окуривания и опрыскивания уксусом одежды, вещей, товаров. Для "обеспечения от прилипчивой болезни (холеры), как расположенных в губернии войск, так и разного звания людей, врачебной управе предписать, чтобы она... карантинным лекарям накрепко от себя подтвердила, чтобы они всех выезжающих отсюда... выдерживали в карантинах до шести дней, делали притом платью и прочему, находящемуся при них экипажу, надлежащие очищение по предписанному в карантинном уставе правилу" [56].

Воинские подразделения, отправлявшиеся в район боевых действий, подвергались особенно тщательной проверке на предмет наличия зараженных эпидемическими болезнями. Процедура проверки возлагалась на медицинских чиновников Кавказской губернии совместно с военными медиками. Одно из подразделений Кавказского корпуса в июле 1806 г. остановилось лагерем у реки Подкумок. Его командир просил прислать медицинских чиновников, чтобы они "осмотрели не заражен ли кто прилипчивой болезнью". [57]. Особенно массовые заболевания населения были в 1807, 1812-1816, 1831-1834, 1847-1848 гг.

На военных в кавказском регионе возлагались обязанности по борьбе с эпидемиями. Борьба эта велась не медицинскими, а скорее медико-полицейскими мерами. В задачу армейских подразделений входила кордонная служба с целью не допустить проникновение больных на территорию Кавказской губернии. В июне 1806 года в Кабарде была зафиксирована вспышка эпидемической болезни. Для предотвращения

ния проникновения эпидемии на территорию Кавказской губернии выдача билетов, дающих право на передвижение, была приостановлена. По границам Кавказской губернии были усилены карантинные кордоны – "обоюдные караулы, дабы зараженные с благополучными отнюдь не могли иметь никакого сообщения". Военачальникам в местностях, уже зараженных болезнью, предоставлялось действовать на собственное усмотрение [58].

Командующим войсками Кавказской линии генералом Гудовичем при помощи медиков были составлены правила для борьбы с эпидемиями. Согласно этим правилам, эвакуацию из мест заражения предписывалось проводить "при жарких сухих днях", когда вероятность распространения болезни была меньше. Имущество зараженных сжигалось.

На новом месте "зараженных" и "тех, кто были в прямом сообщении" помещали отдельно, "для выдерживания карантину". Возле помещения, где находились больные, выставлялся караул, также для предотвращения распространения эпидемии. Бумаги, отправляемые из мест, где находились больные, обмывали уксусом и окуривали для дезинфекции [59].

Риск заболевания населения эпидемическими болезнями увеличивался оттого, что по территории губернии постоянно проходили войска, двигавшиеся в район военных действий. На ночлег войска останавливались в поселениях, размещаясь в домах крестьян и мещан. В такой ситуации возможность заражения эпидемическими болезнями и военнослужащих, и местного населения была высокой. Эпидемическая обстановка и в армии, и среди гражданского населения на Кавказе в начале XIX века была весьма тяжелой. Усугублялось положение тем, что медицинское обслуживание гражданского населения тогда еще практически полностью отсутствовало. Исходя из сложившейся ситуации, министр внутренних дел 13 ноября 1808 года дал предписание местному гражданскому губернатору строить в поселениях больничные избы для проходящих войск. Было рекомендовано на окраине каждого селения, расположенного по дорогам между уездными городами на расстоянии 20-25 верст, построить особые избы-лазареты, рассчитанные на 6-12 человек.

Губернское правление, рассмотрев предложение министра внутренних дел, 27 ноября 1809 года с согласия главноуправляющего генерала А.П. Тормасова приказало утвердить проект строительства сельских

больничных изб в тех местах, где не было военных госпиталей. Больничные избы были построены в таких селениях Ставропольского уезда, как Расшеватское, Новотроицкое, Рождественское, Бешпагир, а также в селениях Александровского, Георгиевского, Моздокского и Кизлярского уездов. На протяжении многих десятилетий в лазареты поступали и больные из числа гражданского населения [60]. Освоение Кавказа было трудной для России задачей во многих отношениях. "Эта местность медленно и тяжело покорялась и плугу, и иммунной системе русских. Смертность была огромной, большое число переселенцев и солдат умирало от чумы, малярии, тифа, цинги и холеры" [61].

Военные силы России, дислоцировавшиеся в кавказском регионе, использовались правительством как преграда на пути эпидемий, проникавших в Кавказскую губернию. В 1816 году было отмечено "открытие заразы" в Кавказской губернии. В связи с этим командиру 19 пехотной дивизии генерал-майору Дельпоццо было предписано из Главного Штаба "усилить военную цепь на границе". Делалось это с целью "недопущения горским народам прорваться в губернию мимо кордонов и карантинных, а вместе и заносить гибельнейшее зло, какова есть зараза". Кроме усиления кордонно-карантинной службы, военному командованию поручалось "возможное попечение о прекращении заразы и в том всякое пособие Гражданскому начальству". Полкам, возвращавшимся из Грузии, предписывалось проходить "очищение" в Средне-Егорлыцком карантине [62].

Проникновение эпидемических заболеваний на Кавказ из Азии, в частности, из Персии, отмечалось и в последующие годы. В 1823 году вспышки холеры были отмечены именно на этом "маршруте", сначала в Закавказье, затем в Астраханской губернии и Кавказской области. В 1829-1830 годах холеру вновь занесли через русско-персидскую границу в те же районы [63].

С таким трудом заселяя Кавказ славянским населением, правительство было заинтересовано в сохранении его численности. Поэтому оно всячески стремилось снизить риск заболевания населения эпидемическими болезнями. Для этого привлекались в первую очередь подразделения Кавказского корпуса.

Во время эпидемий, которые случались на Кавказе довольно часто, от областного начальника зависели жизни и здоровье всех жителей области. Новая вспышка холеры была отмечена в Кавказской области в 1830-1831 годах. Первые заболевшие появились в Лашуринском

карантине, и генерал Эмануэль сразу направился туда. Посетив населенные пункты области, где начиналась эпидемия, Эмануэль распорядился о создании аптек, госпиталей, привлечении медицинских кадров для помощи больным [64]. Карантинные заставы в то время были одним из средств противодействия распространению эпидемических болезней.

В конце XVIII века в Российском государстве не было четкой системы оказания медицинской помощи населению. В соответствии с реформой государственного управления, проведенной императором Александром I, существовавшая медицинская коллегия в 1803 году была преобразована в медицинский департамент МВД, который просуществовал до начала XX века.

В соответствии с "Проектом учреждения для управления Кавказской областью" делами здравоохранения ведала врачебная управа с принадлежавшими ей оспенным комитетом, ветеринарной частью и аптеками. В Кавказской губернии она начала свою деятельность с конца XVIII века. Врачебная управа заведовала казенными медицинскими учреждениями губернии, их личным составом, снабжением и другими вопросами. Значительную роль играла врачебная управа в медицинском освидетельствовании рекрутов во время наборов. В ведении врачебной управы, возглавляемой инспектором, находились уездные лекари и повивальные бабки. Вопросами здравоохранения в целом ведала сначала Кавказская врачебная управа, а затем Кавказская областная врачебная управа, а с 1847 года Ставропольская губернская врачебная управа [65].

Функционирование системы лечебных учреждений Кавказской губернии во многом было ориентированно на лечение заболевших из проходящих воинских команд, на удовлетворение потребностей военных. Это было обусловлено сложной военно-политической ситуацией на Кавказе. Все больные из проходящих воинских команд "для содержания и пользования" оставались в больницах приказов общественного призрения или в городских лазаретах. В Кизляре и Моздоке – двух городах, находившихся в непосредственной близости "от театра военных действий" с горцами – в 1814 году лазареты были переполнены. Эта проблема требовала вмешательства гражданского губернатора. Часть больных военного ведомства из переполненных гарнизонных лазаретов Кизляра и Моздока была поручена заботе гражданских властей губернии [66].

Система госпиталей Кавказской области служила целям восстановления здоровья раненых и больных военнослужащих. В 1836 году в Ставрополе был открыт военный госпиталь [67]. Сначала госпиталь не имел своего здания и располагался в домах, нанимаемых у частных лиц. Здания, нанимаемые для госпиталя, должны были находиться в "ближайшем разстоянии к Главному Госпитальному Корпусу в надлежащем устройстве с необходимыми при них другими строениями, как то: банями, кухнями, и сараями" [68].

После штурма аулов Старый и Новый Гоцатль в 1834 году русское командование на протяжении более чем двух лет ограничивалось отдельными экспедициями против "непокорных" аулов. Такого рода экспедиции в стратегическом плане особого значения не имели, а вот потери в российских войсках – убитыми, ранеными и заболевшими – были весьма высоки. Данная ситуация и заставила администрацию области основать еще один госпиталь, хотя он и находился сравнительно далеко от места боевых действий. К тому же через Ставрополь проходили воинские формирования, пополнявшие Кавказский Корпус.

В течение всего хода Кавказской войны движение войск по территории Кавказской области было достаточно интенсивным. Войска направлялись из разных частей империи, многие военнослужащие, в особенности новобранцы, были непривычны к жаркому кавказскому климату. "Для улучшения средств к поданию заболевшим рекрутам медицинского пособия" было решено "сообразно прошлогодичным примерам" учредить временные госпитальные отделения в селе Песчанокоском на 100 и в заштатном городе Александрове на 75 человек [69]. Инициатива учреждения временных госпитальных отделений исходила от военного командования. Подобным же образом госпитальные отделения учреждались в течение ряда лет [70]. В 1836-1839 годах "военно-временный" госпиталь функционировал в селе Песчанокоском по полгода и более, под него занималось от 40 до 50 обывательских домов [71]. Эти данные позволяют утверждать, что села казенных крестьян, расположенные возле дорог, играли существенную роль в медицинском обслуживании проходящих войск.

В летние месяцы число больных в Ставропольском госпитале уменьшалось, поскольку часть больных отправлялась "на воды" [72]. Данные о количестве больных в ставропольском военном госпитале в 1839 году приведены в таблицах 6.1 и 6.2 Приложения.

Сведения из таблиц позволяют сделать вывод, что госпиталь был загружен более имевшегося количества мест (318) на 138 человек, или на 43%. Объяснялось это рядом факторов: наличием в регионе постоянного источника военной опасности, недостатком финансовых средств и нехваткой зданий – регион осваивался Россией не столь давно. Существовала прямая взаимосвязь между наполняемостью госпиталя и ходом военных действий. С началом военных действий против горцев на реке Лабе в 1840 году ставропольскому военному госпиталю потребовалось бы нанять "частные" дома, а это было связано с известными издержками. Поэтому для размещения больных и раненых предполагалось использовать две новые казармы линейных батальонов, так как батальоны отправлялись в экспедицию [73]. Госпитали оказывали врачебную помощь не только военнослужащим. Медицинских учреждений и кадров в области не хватало, "заболевших трудными болезнями казенных крестьян" было решено отправлять в ближайшие военные госпитали [74]. К 1842 году в Кавказской области было 5 постоянных и 3 временных госпиталя (таблица 7 Приложения).

При рассмотрении таблицы следует обратить внимание на следующие моменты. Из всех городов Кавказской области Ставрополь был самым крупным, поэтому в нем был и самый большой госпиталь. Пятигорский госпиталь был меньше, но здесь могли лечиться больше офицеров, чем в любом другом госпитале. Это объяснялось наличием в Пятигорске источников минеральных вод. Временные госпитали учреждались, как правило, во время эпидемий и при поступлении большого количества раненых и больных солдат, а также в летнее время – период интенсивного движения воинских команд.

Особое внимание госпиталям уделялось в периоды наиболее ожесточенных схваток с горцами. К 1843 году Шамилем были одержаны несколько крупных побед, он занял Аварию, ряд других районов Дагестана. Территория имамата расширилась более чем вдвое. Численность его главных сил достигла к этому времени 20 тысяч человек. На Кавказ были переброшены еще две пехотные дивизии, однако успехов российский войскам это не принесло. В этой весьма тяжелой для войск ситуации требовалось как можно скорее закончить ремонт здания Моздокского госпиталя, расположенного сравнительно близко к району военных действий [75].

В зависимости от места расположения госпитали получали как бы определенную специализацию. В Ставрополе находился один из са-

мых больших военных госпиталей Кавказа, но в него поступало "... гораздо менее хирургических оперативных случаев, нежели в другие небольшие госпитали, лежащие ближе к месту военных действий" [76].

Надо сказать, что медицинское обслуживание гражданского населения находилось в то время в губернии на очень низком уровне. Впрочем, такое положение было не только на Ставрополье, но и по всей России. Медицинскую помощь гражданскому населению в каждом уезде оказывал уездный врач, крайне ограниченное число вольнопрактикующих медиков, фельдшеры, повивальные бабки и цирюльники [77]. На всю губернию в Ставрополе имелась лишь одна больница Приказа общественного призрения (на 25 коек), в которой ежегодно лечились в среднем около 300 человек.

Вообще же медицина Ставропольской губернии в рассматриваемый период имела характер "военной медицины", то есть была предназначена для обслуживания многочисленных воинских частей. Данное обстоятельство обусловлено тем, что России приходилось "замирать" Кавказ, в том числе и силой оружия. Медицинская помощь гражданскому населению в случае сколько-нибудь серьезных заболеваний оказывалась в военных госпиталях. Как видим, медицинская инфраструктура губернии, создававшаяся в первую очередь для удовлетворения потребностей военных, работала и для гражданского населения.

Из всех населенных пунктов Ставропольской губернии в Пятигорске было сосредоточено наибольшее число врачей. Старший доктор войск Кавказской линии писал: "Ни в одном месте Кавказской линии нет столько медицинских чинов, сколько в городе Пятигорске и вообще при минеральных водах" [78]. Летом в Пятигорске "... собиралось обыкновенно значительное количество раненых и других больных, присылаемых сюда из разных частей Кавказа для лечения водами" [79].

Пятигорск являлся центром Кавказских минеральных вод, которые с 1846 года были переданы в управление командующему Отдельным Кавказским корпусом кавказскому наместнику М.С. Воронцову. Для более рационального использования рекреативного потенциала источников Воронцов предложил создать медицинский комитет при Кавказских минеральных водах. Управляющим водами должен был стать один из генералов с правами военного губернатора. По мнению наместника, это было закономерно, "потому что публика, съезжающаяся на воды, более чем на две трети состоит из лиц военного сословия,

и что рабочие силы и прислуга при водах принадлежат военному ведомству [80]. Предложения Воронцова были высочайше утверждены 29 мая 1847 года.

Минеральные воды играли важнейшую роль в восстановлении здоровья раненых и больных солдат и офицеров Кавказского корпуса. Пока шла война, военным принадлежала вся полнота власти в регионе, поэтому неудивительно, что они стремились сохранить властные полномочия на таком важном участке. Заслуживают внимания и аргументы, приведенные самим наместником князем М.С. Воронцовым. Описанные им обстоятельства также были следствием наличия очага конфликтности в регионе.

В условиях нехватки медицинских кадров для лечения гражданского населения значения наличия в губернии военных госпиталей возрастало. Не хватало не только врачей, но и среднего медицинского персонала – фельдшеров. Данная ситуация резко отрицательно отражалась на здоровье и численности государственных крестьян, вверенных попечению гражданской администрации губернии.

Поэтому гражданский губернатор Волоцкий в 1849 году предложил готовить фельдшеров из грамотных сыновей казенных поселян, обучение должно было проходить при военных госпиталях [81]. Командующий войсками на Кавказской линии утвердил предложение Волоцкого. Грамотных крестьянских мальчиков 10-12 лет стали направлять на обучение фельдшерской специальности в Ставропольский, Пятигорский и Георгиевский военные госпитали, распределяя затем по уездам губернии [82]. С помощью военных госпиталей, таким образом, удалось частично снять остроту такой проблемы, как обеспеченность поселений медицинскими кадрами.

Военно-медицинские учреждения, врачебные учреждения гражданского ведомства и воинские части, расквартированные на территории Ставропольской губернии (Кавказской области), были тесно взаимосвязаны. Военные госпитали лечили гражданское население, в них обучались медицинским навыкам будущие фельдшеры. Медицина гражданского ведомства во многом была ориентирована, как отмечалось выше, на удовлетворение потребностей военных. Здесь прослеживается общая тенденция – Ставрополье являлось как бы донором, базой для российских войск, действовавших на Кавказе.

Врачебные управы имели довольно широкие функции. Так, они осуществляли контроль качества продовольствия, которое поставля-

лось войскам, снабжали лекарствами аптеки. Например, одна из рот Ставропольского Егерского полка получала муку в Темнолесском провиантском магазине. Мука, полученная оттуда в марте 1846 года, оказалась "вредного качества". Это заключение было сделано на основании того, "что нижние чины, употреблявшие в пищу этот хлеб, лишались разсудка в продолжение целых суток" [83]. Врачебной управе Кавказской области было предложено провести исследование муки "вредного качества" [84]. В результате исследований, проведенных медиками управы, выяснилось, что хлеб был заражен спорыньей, отсюда и произошло отравление.

Снабжение военных госпиталей медикаментами и аптечными припасами осуществляла Ставропольская Врачебная Управа через Ставропольскую Казенную аптеку. Для снабжения медикаментами отдаленных гарнизонов использовался "конно-подвижной магазин" [85]. Рассматривая систему снабжения госпиталей медикаментами, можно выявить факторы, влиявшие на функционирование этих военно-медицинских учреждений.

Естественно, что в период боевых столкновений в госпитали поступало больше раненых. Так, лазарет 4-го Кавказского линейного батальона "по случаю военных действий в 1849 году... усиливался на 50 человек больных" [86]. В связи с этим требовалось больше лекарств, перевязочных материалов. Именно в 1849 году были отражены попытки войск Шамиля захватить Темир-Хан-Шуру и прорваться в Кахетию. Но и действия российских войск против укреплений горцев были неудачными. Хотя в 1848 году пал важный опорный пункт Шамиля – аул Гергебиль, но штурм позиции главных сил горцев у аула Чох в 1849 году окончился неудачей. Все эти военные операции были весьма кровопролитны, что не могло не отразиться на увеличении количества раненых и больных.

Ставропольская Казенная аптека снабжала медикаментами госпитали не только Ставропольской губернии, но и всего Кавказа. От эпидемий в то время страдало все население кавказского края. Особенно благоприятны были для распространения эпидемий, в частности малярии, жаркие и влажные местности. Контора Дербентского военного госпиталя, расположенного как раз в таком месте, просила выслать ей препараты хинина, применявшиеся тогда для лечения малярии [87]. Жаркие летние месяцы были самыми благоприятными для ее распространения, заявка была направлена 1 июля 1849 года.

Стремясь как можно скорее закончить войну на Кавказе, российское правительство перебрасывало туда новые воинские формирования, пополняя состав Кавказского корпуса. В сентябре 1849 года 16 маршевых батальонов должны были проходить по территории Ставропольской губернии, направляясь в действующие войска. Для лечения заболевших в пути в селе Среднегорлыцком открывался временный госпиталь на 75 человек. На Ставропольскую Врачебную Управу возлагалось снабжение этого госпиталя медикаментами и "аптечными припасами" [88].

Во время движения маршевые батальоны останавливались в окрестностях Ставрополя на 6-дневный отдых. В населенные пункты, где останавливались батальоны, так же были направлены медикаменты. Движение войск по территории Ставропольской губернии в рассматриваемый период было весьма интенсивным, Кавказская война продолжалась. Обычно по пути следования воинских партий в наиболее крупных селях учреждались "военно-временные госпитали". Но по мере проложения новых дорог маршруты передислокации армейских подразделений изменялись, а значит, вновь вставала проблема медицинского обслуживания заболевших военнослужащих. Так, в 1852 году была "окончательно открыта новая военная дорога от Среднего Егорлыка до Екатеринограда". Для "обеспечения заболевших из проходящих команд чинов" в некоторых местах новой дороги устраивались "госпитальные отделения" [89]. Эти госпитальные отделения было решено основать "в пунктах новой дороги, ближайшим к имеющимся на старой дороге госпиталиям". Заболевших в дороге "воинских чинов" оставляли в госпитальных отделениях, а оттуда на обывательских подводах доставляли в ближайших госпиталь [90]. К середине XIX века в Ставропольской губернии и на Кавказской линии было расположено 17 госпиталей и лазаретов на 4555 мест [91].

Происходили изменения и в сфере медицинского обслуживания гражданского населения. В 1857-1857 годах была учреждена медицинская часть при Ставропольской Палате Государственных Имуществ. К каждой административно-территориальной единице губернии был прикреплен штат медиков, на которых возлагались врачебные и врачебно-полицейские функции [92].

Отметим, что нашей целью не является описание истории Кавказских Минеральных вод и истории медицины в губернии в целом. Мы лишь хотим показать, как военно-политическая ситуация в регионе

отразилась на формировании сети лечебных учреждений, как медицина Ставрополя способствовала решению Россией своих геополитических задач в кавказском регионе.

В первую очередь представители России осваивали природные ресурсы, которые могли способствовать лечению раненых солдат и офицеров. В 1773 году минеральные источники посетил с научной целью академик Гюльденштедт. Вскоре после посещения Горячеводских ключей Гюльденштедтом была основана в 1780 году крепость Константиногорск с постоянным гарнизоном. Служащие гарнизона крепости стали одними из первых российских посетителей вод. Паллас, знаменитый естествоиспытатель, посетивший Кавказ в 1793 году, подробно описал минеральные источники. Купание в них в то время было сопряжено с опасностью горских набегов и требовало военного прикрытия. Генерал Морков, бывший тогда начальником Кавказской линии, в 1798 году оттеснил "немирных" горцев за Кубань. В том же году государственная медицинская коллегия командировала лекаря Левенца и аптекаря Кернера исследовать воды в медицинском и химическом отношении. Годом ранее астраханский врачебный инспектор Шателович представил в ту же коллегия составленное им описание этих вод. На основании донесений этих лиц целебные свойства минеральных вод были признаны окончательно. Сюда стали командировать военнослужащих, преимущественно из Кавказской армии. С 1799 года начали посещать воды и больные из России [93].

В 1803 году по указанию инспектора Кавказской линии, Астраханского военного губернатора и главноуправляющего в Грузии князя П.Д. Цицианова при кислых источниках была заложена крепость, получившая название "Кисловодская" [94]. В том же году в крепости при источниках появился постоянный врач. Изучение лечебных свойств минеральных вод находилось под постоянным контролем правительства. На рубеже XVIII-XIX веков ряд медиков исследовали химический состав минеральных вод [95]. Включив Кавказ в свой состав, Россия стремилась использовать его природные ресурсы, в том числе и для восстановления здоровья выбывших из строя служащих кавказских войск.

В кавказском регионе в начале XIX века по-прежнему сохранялась политическая нестабильность. Российскому правительству приходилось использовать и военные методы для борьбы с горцами, не желавшими присоединяться к России. А значит, возникала проблема восста-

новления здоровья раненых. Минеральные воды были прекрасным средством для решения этой проблемы. Главный доктор Павловской больницы Москвы Ф. Гааз, посетивший источники в 1810 году, предлагал построить при водах больницу для бедных. "Сия больница, послужила бы и для больных солдат, какие обыкновенно сюда присылаются для употребления вод" [96].

Контингент российских войск, дислоцировавшийся на территории Кавказской губернии, принимал самое непосредственное участие в обустройстве источников, а не только использовал их. Так, генерал-майор Вердеревский в 1810 году направил на строительные работы 190 рядовых "из расположенных на линии войск" [97]. Главноуправляющий на Кавказе генерал-лейтенант Н.Ф. Ртищев докладывал об увеличении числа посетителей вод и об "определении к водам... трех искусных медиков" [98].

Минеральные воды, которые поначалу использовались только служащими кавказской армии, постепенно стали привлекать и посетителей из России. Увеличение числа посетителей способствовало встраиванию источников в структуру региональных экономических связей, в том числе и с местными народами, что способствовало "замирению" Кавказа. Например, ставропольский купец Н.М. Плотников обязался поставлять строительные материалы на минеральные воды [99], а жителям окрестных аулов управляющим Кавказской линией С.А. Портнягиным было разрешено продавать приезжающим на воды съестные продукты [100].

Генерал А.П. Ермолов известен в первую очередь как талантливый полководец. Но здесь речь пойдет о другом направлении его деятельности – обустройстве КМВ. В частности, по указанию Ермолова были перестроены ванны при Горячих водах, определены места для постройки казенных зданий. Для работ использовались "военно-мастеровые" Суздальского пехотного полка. Одна из ванн была отдана "для пользования больных воинских низших чинов" по распоряжению главноуправляющего на Кавказе и в Грузии. По его же инициативе была усилена охрана территории минеральных источников [101].

Именно на А.П. Ермолова как на главноуправляющего в Грузии и на Кавказе возлагался контроль за ходом работ и расходованием финансовых средств при строительстве зданий и ванн при источниках. Сам Ермолов как человек военный предлагал производить назначение должностных лиц при минеральных водах из числа "раненых штаб-

офицеров" [102]. По предписанию Ермолова "определенные к Кавказским Минеральным Водам врачи по окончании курса лечения были препоручаемы распоряжениям Кавказской Врачебной Управы" [103]. Как видим, А. П. Ермолов немало сделал для полноценного использования минеральных вод в целях восстановления здоровья как военного, так и гражданского населения.

А. П. Ермолов был не единственным военачальником стремившимся не только завоевать Кавказ, но и обустроить его, в частности, в сфере медицины. И здесь необходимо сказать о деятельности начальника Кавказской области генерала Г.А. Эмануэля. Он тоже приложил немало усилий для благоустройства минераловодских курортов, не без его участия поселение при источниках получило статус окружного города Пятигорска.

Кавказские минеральные воды были одним из приоритетных объектов для кавказской администрации. Наместник М.С. Воронцов немало сделал для их обустройства. Постепенно воды стали играть все более заметную роль в экономике края, а не только работать для нужд военных. Данные изменения были следствием превращения Кавказа в часть России, его "замирения". Деятельность частной инициативы становилось все более заметной. Купцу А.П. Ноитки по предписанию Кавказского наместника Воронцова в 1852 году были переданы в управление казенные гостиницы, рестораны и омнибусы на Кавказских Минеральных Водах. По мере установления мира в регионе законы рыночной экономики вступали в свои права. Частный капитал был привлечен наместником для улучшений экономического состояния курортов. Это, в свою очередь, должно было благотворно отразиться и на самих больных.

Итогом российского присутствия на Кавказе к концу 50-х годов в медицинской сфере стало не только создание сети медицинских заведений, но и во многом оздоровление некоторых местностей. Путем затраты огромных трудовых и людских ресурсов многие места из непригодных и малопригодных для поселения превратились в заселенные. Жителям Ставропольской губернии приходилось бороться не только с "хищными горцами", но и "с природой и болезнями". Расчистка зарослей, осушение болот способствовали постепенному снижению числа заболевших малярией, другими эпидемическими заболеваниями. История села Покойного на реке Куме – яркий пример этих процессов [104]. Освоение края происходило не только напрямую, путем

создания сети лечебных учреждений, но и опосредованно, по мере приложения трудовых усилий, изменявших неблагоприятную природную среду.

Подводя некоторые итоги, отметим следующие моменты. Первые поселения русских появились на Кавказе еще в XVI в., однако планомерное заселение Кавказа началось в последней четверти XVIII в. На этот процесс воздействовали геополитические и социально-экономические причины. Отстаивать свои приоритеты в кавказском регионе России приходилось с помощью военной силы. Войска, находящиеся на Кавказе, необходимо было обеспечивать продовольствием, фуражом, предоставлять места для ночлега во время передвижения, причем делать это нужно было как можно ближе к месту военных действий.

Географически ближе всего к району ведения войны была территория Кавказской губернии. Для того, чтобы превратить ее в обеспечивающий потребности армии регион, губернию нужно было заселить трудоспособным населением. Помещичья колонизация не удалась, поскольку на территории губернии (области) административно-полицейский контроль был весьма слаб. Условия жизни в Кавказской губернии были таковы, что ее жители должны были не только трудиться, но и защищать себя. Поэтому в авангарде колонизационного процесса шли казаки. Они несли кордонную службу, защищая мирное население крестьянских сел от горских набегов, часто отвлекались для участия в военных кампаниях.

Основную роль в хозяйственном освоении губернии и обеспечении войск Кавказского корпуса, а затем и армии сыграли государственные крестьяне. Освоение заселения Кавказской губернии было задачей государственной, и государство воспользовалось своим ресурсом – государственными крестьянами. В этом коренное отличие российской колонизации от западной. Россия была представлена на Кавказе по большей части не чиновниками, купцами и миссионерами, а трудовым населением. Казачьи станицы продвигались вслед за войсками, начиная осваивать "замирненную" территорию. За станицами основывались крестьянские села, жители которых могли чувствовать себя относительно защищенными. Когда казаки несли особенно большие потери, их численность пополнялась не только за счет новых переселенцев, но за счет перевода в казаки государственных крестьян.

Заселение территории губернии славянским населением стало одним из важнейших средств решения геополитических задач России на Кавказе. Благодаря созданию инфраструктуры сельских и городских поселений, во-первых, появилась возможность обеспечения кавказской армии в непосредственной близости от мест военных действий; во-вторых, территория губернии (области) стала очагом российской цивилизации на Кавказе.

Рассмотрев медицинскую инфраструктуру Кавказской/Ставропольской губернии, можно заключить, что процесс формирования медицинской инфраструктуры был неразрывно связан с удовлетворением потребностей российского военного контингента, находившегося на Кавказе.

Как показывают изученные документы, источники минеральных вод впервые были использованы военными. По мере "замирения" Кавказа там могло лечиться все большее число посетителей. Военачальники кавказских войск, выполнявшие одновременно административные функции, совместно с гражданскими властями способствовали обустройству Кавказских Минеральных Вод, более рациональному использованию их рекреативных ресурсов.

В условиях, когда борьба с эпидемиями сосредотачивалась в основном на мероприятиях, направленных на нераспространение инфекции, военные играли практически главенствующую роль. Им приходилось нести карантинную службу, эвакуировать больных, препятствуя, таким образом, расширению эпидемических очагов.

Анализируя развитие системы военных госпиталей Ставрополя, можно утверждать, что в первую очередь они, конечно, служили для лечения раненых солдат и офицеров. Удовлетворение материальных потребностей военных госпиталей на Кавказе возлагалось на гражданскую администрацию губернии (области). Здесь прослеживается общая тенденция, когда Ставрополье служило базой для кавказских войск. Однако в условиях нехватки медицинских кадров и лечебных учреждений гражданское население получало медицинскую помощь именно в военных госпиталях. Функционирование госпиталей напрямую зависело от военно-политических факторов.

Закономерными итогами российского присутствия на Ставрополье стало постепенное развитие гражданской медицинской инфраструктуры и превращение непригодных для жилья мест в заселенные в результате приложения трудовых усилий.

Глава 2

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ТОРГОВЛИ КАВКАЗСКОЙ (СТАВРОПОЛЬСКОЙ) ГУБЕРНИИ

2.1. ФОРМИРОВАНИЕ АГРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАВКАЗСКОЙ (СТАВРОПОЛЬСКОЙ) ГУБЕРНИИ

Стремясь закрепиться на Кавказе, России приходилось сталкиваться с такими противниками, как Османская империя и Персия, а также "неблагонамеренными" кавказскими горцами. В таких условиях включение региона в сферу своего влияния могло быть сделано только при поддержке войск.

Но здесь возникла очень острая проблема – снабжение армии. Кавказ был окраиной, снабжать войска, расположенные на Кавказе, из внутренних губерний было очень дорого, а растянутые коммуникации снижали боеспособность армии. В этих условиях создание материальной (в первую очередь продовольственной) базы для войск непосредственно в самом кавказском регионе было наилучшим выходом. К тому же создание в регионе экономической инфраструктуры скорее бы позволило ему влиться в состав империи, чего так добивалось правительство.

Районом, где климат благоприятствовал виноделию, можно назвать Кизляр. Этот город и притеречные казачьи станицы в силу своих благоприятных климатических особенностей были центрами виноделия Кавказской губернии. Южные рубежи губернии были менее всего защищены от горских набегов и поэтому там основывались казачьи станицы.

На рубеже XVIII-XIX вв. в Кизляре и вокруг него развивалось виноградарство и виноделие, там насчитывалось до 1250 садов, с которых в урожайные годы получали до 50 тысяч сорокаведерных бочек вина. Торговали в Кизляре и возле него виноградной водкой, которую поставляли в столичные и другие города России. Виноградарство получило распространение и во многих помещичьих имениях. Этому благоприятствовал климат и нахождение в регионе постоянного покупателя – воинских частей Кавказского корпуса.

Еще в конце 60-х гг. XVIII века терским казакам разрешалось продавать вино оптом (бочками), чтобы не составлять конкуренции казенной продаже вина, производившейся как оптом, так и в розницу.

По характеристике генерал-майора Вердеревского, инспектировавшего губернию в 1810 году, в окрестностях г. Кизляра имелось 1120 виноградных садов, "принадлежащих большею частью Армянам и другим жителям с коих при хорошем урожае винограда получается в год вина до 40 т. бочек, полагая каждую в 40 ведер, из которого выделяется и спирт" [1].

Чтобы уточнить характеристику Вердеревского, стоит привести данные о виноделии в Кизляре. В 1810 г. число виноградных садов достигало 1120, спиртокурительных заводов было 46, вина было произведено 40000 бочек, спирта – 658, "из одного обращено в водку" – 768 бочек; из этого количества было продано: спирта – 43 бочки, водки – 768, вина разных сортов – 2862 бочки [2]. Данные цифры подтверждают слова Вердеревского о том, что виноделие в Кизляре широко развито. В 1811 г. в Кавказской губернии работало 49 водочных заводов (46 – в Кизляре и 3 – в Моздоке).

Как центр виноделия, Кизляр находился под контролем властей Кавказской губернии, а впоследствии области. Генерал Ермолов в отношении к министру финансов Гурьеву, опасаясь, что может наступить упадок в экономическом развитии Кизляра, писал: "... вместе же с сим упадок и казна неминуемо лишится знатного своего дохода, который до сего времени ежегодно простирался до 300 т.р. одних акцизных денег за продажу водки, добываемой из виноградных садов, в Кизляре разводимых" [3]. Поэтому Ермолов, основываясь на просьбах гражданского губернатора Малинского и самих жителей Кизляра, просил правительство оказать помощь и не дать кизлярской промышленности "упасть".

А.П. Ермолов представлял экономику губернии весьма реалистично. В ответ на предписание министра финансов Гурьева об устройствах казенного винокуренного завода на Кавказской Линии, возле источника Карабин, в 3-х верстах от Ставрополя Ермолов отмечал, что Кавказская губерния "не в состоянии собственным производением хлеба продовольствовать войск, расположенных для защиты оной от хищных соседей". Поэтому казна вынуждена закупать провиант в "соседних и даже отдаленных внутренних губерниях, за цены с доставкой весьма тягостные". В губернии, не только строевой, но и "дровяной" лес, необходимый "для удовлетворения крайних нужд, как обывателей, так и войск, находится в безмерном оскудении". Винокуренный завод, для которого хлеб и дрова составляют "первейшие надобности", едва ли может принести пользу государству, особенно если выгоду от производства на месте "горячего вина" сравнить с затратами, которые могут возрасти от повышения цен на хлеб и "от умножения народных нужд в таких потребностях, кои необходимы для самого существования" [4]. Таким образом, Ермолов находит сельское хозяйство и ресурсы Кавказской губернии едва достаточными, чтобы обеспечить ее население, и явно недостаточными, чтобы удовлетворить потребности войск, находящихся на ее территории. Это неудивительно, ведь территория губернии начала осваиваться около полувека назад, что для экстенсивной экономики совсем немного. И если строительство казенного винокуренного завода в окрестностях Ставрополя было признано нерентабельным, то в Кизлярском уезде частное виноделие процветало. В 1827 году была написана "Записка о виноделии в Кизляре". В ней содержатся данные, характеризующие кизлярское виноделие (таблица 8 Приложения).

Кизлярский уезд по своему климату был благоприятен для развития виноградарства и виноделия. Заселяя его казаками, правительство защищало рубежи губернии, но, кроме того, казаки становились производителями одного из продуктов, имевших устойчивый спрос, что способствовало экономическому развитию губернии и вхождению ее во всероссийские экономические отношения, во всероссийский рынок.

Правительственные мероприятия по созданию в Предкавказье сырьевой базы для русской текстильной промышленности, как и попытки развития шелководства и хлопководства, окончились неудачей. Но освоение переселенцами южных культур обусловило заметное расширение площадей под виноградники и рост местного виноделия.

Переселение значительного по тем временам количества трудоспособного населения должно было привести к экономическому росту в крае. В 1830 году в 5 терских казачьих станицах (999 домохозяев) имелось 1559 десятин земли, занятой под виноградниками, с которых казаки получали 174705 ведер вина.

Виноделие являлось одной из отраслей аграрной экономики, напрямую связанной с обеспечением войск Кавказского Корпуса, поскольку в войсках в то время полагалась "винная порция".

Не в лучшем виде находилось в 30-х гг. XIX в. виноделие в Кизляре: с 1830 по 1837 гг. земельные площади, занятые в Кизляре под виноградниками, сократились с 6957 до 4069 десятин, то есть на 2334 десятины, практически на 1/3. Однако, начиная со второй половины 30-х гг. XIX века, заметно расширились географические границы виноградарства, а на базе его и виноделия, несмотря на спад виноградарства в Кизлярском округе. "Помимо Кизляра и низовьев Терека виноделие распространилось в Моздокском, Пятигорском и частично Ставропольском округах, приобретая все более товарный характер" [5].

Для более полной характеристики виноделия в Предкавказье необходимо привести статистические данные, характеризующие объемы производства и продажи "на манер французской виноградной водки, называемой "Кизляркою" на спиртокурительных заводах" (таблица 9 Приложения).

Из пяти рассмотренных производителей виноградной водки "Кизлярки" только один по каким-то причинам не стал ее продавать. В остальных же случаях было продано 100% произведенной продукции. Владельцами всех 4-х спиртокурительных заводов, работавших на рынок, были казаки Гребенского полка, станицы Шелкозаводской. В области, которая только начала заселяться, одним из крупных покупателей мог быть только Кавказский корпус. Таким образом, наличие в регионе войск способствовало изначальному приобретению хозяйственной инфраструктурой Предкавказья товарного характера, прямой ориентации на рынок.

"В 1837 году в Кавказской области под виноградными садами считалось 6957 дес., в том числе в Кизляре 4069 дес., или 4/7 всего пространства, выделано вина 640 тыс. ведер и чихиря для выгона водки 620 тыс. ведер; в том числе в Кизляре: вина 363 тыс. ведер" [6]. Занятие виноделием в области давало хорошие результаты, продукция пользовалась устойчивым спросом на Кавказе, в столицах и во внут-

ренных губерниях. Виноделием занимались казаки, жившие в притеречных районах. По данным 1838-1839 гг., в семи притеречных станицах имелось 1362 семьи, владевшие 2771 десятиной виноградных садов, с которых они получали 5316,8 бочки вина.

Однако, с течением времени и под воздействием ряда факторов как внешнего, так и внутреннего характера, виноделие в Кавказской области претерпевало изменения. "В 1819 году в Кизляре под виноградными садами было более 5-ти тыс. дес. и, следовательно, садоводство сие в течение 20 лет в Кизляре упало на 1/5 часть против прежнего; напротив того, в казенном селе Прасковья в 1819 году выделано вина 1200 ведер, а в 1837 году более 27 тыс. ведер" [7]. В "Записке о причинах упадка Кизлярского виноделия", написанной в 1838 году, сделана попытка проанализировать обстоятельства, приведшие некогда хорошо развитое кизлярское виноделие к упадку. Автор, оставшийся неизвестным, первой и главной причиной считает как разливы реки Терека, так и бездеятельность комитета, учрежденного в Кизляре в 1811 г., который должен был заниматься строительством береговых укреплений. Строительство береговых укреплений велось, но они оказывались недостаточными и разливы Терека уничтожали и виноградники, и деньги комитета. Кроме этой, как считает автор, основной причины, был еще ряд частных. "В 1828 и 1829 годах сильные морозы истребили многие сады, холера в 1830 году не позволила большей части садоводов и заводчиков: первым ни собрать виноград, ни обработать для будущего года, а вторым ни производить спиртокурение, ни делать сбыт этого произведения". Нападение в ноябре 1831 г. Кази-Муллы на Кизляр "...лишив многих жителей города всего состояния, а других, подвергнув плену и смерти, были причиною, что также многие сады остались необработанными, ибо, сверх лишения капиталов, чрез это несчастное событие был крайний недостаток в работниках". Горцев, которые нанимались на виноградники в период сбора урожая, в силу сложившейся неблагоприятной обстановки, не пропустили в Кизляр. Здесь можно наблюдать прямую взаимосвязь между процессами экономического развития области и "замирением" Кавказа. Набег Кази-Муллы не просто нанес экономический ущерб Кизляру, он разрушил систему экономических связей, столь необходимую для развития кизлярского виноделия. Поэтому для становления экономики региона нужно было прекратить набеги, создать условия для мирного труда.

Между тем, как считает А. В. Фадеев, наемный труд занимал значительное место в хозяйстве казаков. Развитие товарного производства и предпринимательская деятельность зажиточных слоев казачества расширяли сферу применения наемного труда в районах казачьей колонизации. "Тем из казаков, кто держал "гулевые табуны" необъезженных степных коней, большие стада коров и отары в сотни голов овец", уже не возможно было обойтись без найма годовых и сезонных работников". Для переработки сельскохозяйственной продукции на салотопенных, винокуренных и кожевенных заводах, мельницах, крупорушках и маслособойках также необходимы были наемные рабочие". Наконец, приходилось искать дополнительную рабочую силу и для обработки виноградников и ухода за тузовыми садами [8].

Голод 1833 года тоже был не последней причиной упадка виноделия в Кизляре. Надо сказать, что все вышеуказанные причины в большинстве своем были природного характера, лишь нападение Кази-Муллы в 1831 году было следствием бушевавшей на Кавказе уже более 10 лет войны. Но все вышеперечисленные факторы, отрицательно повлиявшие на виноделие в Кизляре, были независимы от верховной власти. Однако "Положение Комитета Министров 27-го декабря 1832 года о Кизлярских водках" исправило эту ситуацию, установив детальный государственный контроль над кизлярским виноделием. Согласно этому документу "... постановлено взимать вместо прежнего акциза, 2-х руб. с ведра водки, без различия крепости ея, от 3-х до 6-ти руб. – соразмерно уже крепости этой водки..." согласно решению Комитета Министров, акцизы на кизлярскую виноградную водку повысились в 1,5-3,3 раза, были введены штрафы за "недогар или перегар" свыше 3-х градусов. Все это делало производство алкоголя менее доходным. Производство его сокращалось. Между тем, "... это промышленность есть единственный источник благосостояния не только Кизляра и его округа, но и самих жителей – казаков линейных казачьих полков: Кизлярского, Гребенского и Моздокского..." [9].

Таким образом, неблагоприятные условия для кизлярского виноделия создали природные факторы – наводнения, заморозки, голод, эпидемия; следствием Кавказской войны было нападение Кази-Муллы; стремление правительства увеличить свои доходы за счет повышения акцизов привело к снижению производства вина и водки, а значит, к падению благосостояния жителей Кизляра и казаков Кизлярского, Гребенского и Моздокского полков. Политика правитель-

ства не всегда была продуманной. Стремясь извлечь больше дохода в казну от акцизных сборов, центральная власть не замечала того, что подобный подход вел к упадку в облагаемой отрасли.

Однако развитие частной инициативы в губернии, постоянный спрос на продукты виноделия, теплый климат восточных районов Ставрополья не давали виноделию исчезнуть вовсе. В 1849 году в Ставропольской губернии производилось 1377826 ведер вина и 30224 ведра водки и на общую сумму 788499 рублей серебром. В 1844 году 9 кизлярских помещиков имели в общей сложности свыше 200 садов (до 2-х млн кустов), из которых они получали до 200 тыс. ведер вина, тысячи ведер водки и спирта.

В имениях помещиков Пятигорского уезда в 1848 г. насчитывалось 8 крупных виноградников, принадлежащих самим помещикам и 194 виноградника, принадлежащих их крестьянам.

Можно заключить, что виноделие, хоть и не было распространено в губернии повсеместно из-за того, что требует теплых климатических условий, но в юго-восточных ее районах (Кизляр, в гораздо меньшей степени – Моздок, притеречные казачьи станицы) стало одной из доминирующих отраслей агроэкономической инфраструктуры. Продукция кавказского виноделия пользовалась спросом в столицах, во внутренних губерниях и что самое важное – закупалось военными интендантами для снабжения кавказских войск "винной порцией".

С самого начала создания русских поселений на Кавказе там развивается хлебопашество. В 1777 г. генерал Якоби докладывал о развитии хлебопашества у казаков. Сельскохозяйственное производство развивалось, поскольку край становился более обжитым, население его росло. В 1789 г., по 6 уездам Кавказской губернии, всех злаковых культур посеяно 8511 четвертей, собрано 37362 четверти; в 1790 г. – соответственно 25629 и 133489 четвертей. Урожайность в 1789 г. всех зерновых культур составила сам-4,4, в 1790 – сам-5 [10].

Приоритетными направлениями экономического развития степного Предкавказья можно было считать те, которые были связаны с обеспечением войск кавказской армии – в первую очередь продовольствием. Это такие направления, как хлебопашество, мясное животноводство и коневодство, виноделие. В 1791 г. 11 селений Александровского уезда произвели 700004 четверти хлеба. Из этого количества на продажу было выделено 34157 четвертей, то есть почти половина. В таком малозаселенном к тому времени регионе, как Предкавказье, единствен-

ным крупным покупателем хлеба могла быть только армия, военное ведомство. Войскам, естественно, было гораздо проще закупать хлеб на месте дислокации, чем делать это во внутренних губерниях России и оттуда везти на Кавказ. В четырех селениях Ставропольского уезда – Пелагиаде, Михайловке, Надежде, Старо-Марьевском, где проживало 6716 душ, было посеяно злаковых в 1791 году 16761 четверть, урожай составил 94260 четвертей, из него на продажу поступила 38281 четверть, а на посев было оставлено 17021. По данным И. Ф. Штукенберга, в 1803 г. было посеяно озимого и ярового хлеба 83984 четверти, сжато 351094; в 1804 г. соответственно 97375 и 596363 четверти [11].

Таким образом, нахождение на Кавказе армии способствовало тому, что крестьянское хозяйство Предкавказья изначально формировалось как товарное, ориентированное на рынок с тем лишь отличием, что покупателями сельскохозяйственной продукции здесь были представители военного ведомства.

Почвы Кавказской губернии – один из основных ресурсов земледелия – не везде были одинаково плодородны. По сведениям И. В. Ровинского, "для земледелия... лучшие земли видны на возвышенном месторасположении, где лежат Ставропольский, Александровский, Георгиевский уезды и часть Моздокского; и чем ближе к северо-западу или к Кавказским горам – тем лучше для хлебородия находятся почвы". В некоторых местах в Ставропольском уезде толщина чернозема достигала 10 вершков (44 см), но чем дальше к востоку и югу – тем тоньше слой [12].

Как уже отмечалось, одной из основных экономических функций Кавказской губернии было материальное (в основном продовольственное) обеспечение войск, способствующих реализации Россией своих геополитических интересов на Кавказе и в Закавказье. Так, 25 июня 1803 года начальник Моздокской городской полиции обращался к Кавказскому гражданскому губернатору Клапроту: "Моздокский провиантский магазин долженствуется всегда иметь для всяких случаев особливо воинских команд следующих в Грузию тысячу четвертей сухарей, покорно прошу вашего высокопревосходительства приказать от того магазина взять муку и велеть обывателям того уезда перепечь и пересушить в сухари" [13]. Роль хозяйства Кавказской губернии в обеспечении хлебом российских войск показана в документе 9 Приложения.

Важным источником, характеризующим экономическое развитие Кавказской губернии, является "Замечания генерал-майора Вердеревского о разных частях промышленности и хозяйства Кавказской губернии", который по высочайшему повелению инспектировал Кавказскую и Астраханскую губернии. Он отмечал в своем отчете: "Кавказская губерния по изобилию своему в жизненных потребностях и других произведениях может быть причтена к классу лучших Российских губерний".

Однако, отмечает Вердеревский, есть трудности, с которыми приходится сталкиваться жителям Кавказской губернии. Одним из факторов, мешающих развитию хозяйства и промышленности, он считает то, что "... поселенные на Линии казенные обыватели подвержены всегдашним нападениям хищников, которые не только отгоняют у них скот, но нередко берут в плен и жителей, а иногда нападают на целые селения и препятствуют производить свободное хлебопашество...". Так, как уже отмечалось выше, прекращение набегов и экономическое развитие региона были тесно взаимосвязаны между собой.

Еще одним фактором, стесняющим развитие хозяйства губернии, по мнению Вердеревского, являлся дефицит рабочей силы, возникающий после введения карантинных застав, призванных оградить население губернии от эпидемических заболеваний. Если раньше жители Кизляра нанимали для работы на виноградниках представителей местных народов Кавказа, живущих за чертой Линии, то после введения карантинных застав это стало невозможно. Это вызывало резкий взлет цен на найм рабочей силы и на лес, который привозили горцы: "... прежде работник нанимался в Кизляре за 40 к. в день, а ныне нанимается по 2 р. 40 к.; лес покупался по 5 р., но теперь платят по 25 р. за арбу или один воз. Через такое возвышение и невозможность отыскать рабочих людей многие виноградные сады остались нынешний год необработанными..." [14]. Таким образом, можно сказать, что Вердеревский находит экономику Кавказской губернии в довольно развитом состоянии, но своеобразие Кавказа, трудности его освоения не дают пока хозяйству губернии стать на более высокий уровень.

Так, например, развитие зернового хозяйства по уездам Кавказской губернии было неравномерным. В 1812 году в Ставропольском, Александровском, Георгиевском уездах озимыми было засеяно более 67 тысяч десятин; в Ставропольском – 44254 десятины, Георгиевском – 15413, Александровском – 7362 десятины. Ставропольский уезд зани-

мал первое место, почти 50% из общего числа посева озимого хлеба. Вместе эти уезды давали 95% всего хлеба по губернии, что объяснялось, во-первых, более мягким климатом этих уездов, а во-вторых, их удаленностью от мест военных действий.

По данным Ровинского, урожайность зернового хозяйства губернии была следующей: "посо от одной посеянной меры приносит урожая до 9 мер, пшеница яровая – до 8, рожь яровая – до 8, рожь озимая – до 7, ячменная – до 8, овес – до 8, горох – до 7" [15].

Одним из необходимых шагов к хозяйственному освоению Кавказа было отмежевание земель, правила которого указаны в документе 10 Приложения. Как видно из этого документа, генерал Ртищев стремился ввести экономическое освоение Кавказа в "регулярные" рамки, принять правила наделения землей, общие для всех. Особо он отмечает роль казачества в крае, которое не только занимается его экономическим освоением, но и защищает остальных его жителей от набегов горцев, а значит, должно иметь больше земли в качестве компенсации за тяжесть службы. Подобный подход к распределению земельных ресурсов Кавказской губернии нельзя назвать необоснованным.

Одной из важных особенностей экономического развития Предкавказья в дореформенный период являлось наличие здесь казачьего землевладения. Поскольку к тому времени казачество превратилось в особое военное сословие, казачье землевладение приобрело феодально-сословный характер. Землей, находящейся во владении данного казачьего войска, могли пользоваться только лица, принадлежащие к казачьему сословию. Они получали из войскового фонда земельные наделы или паи и за пользование ими обязаны были отбывать длительную военную службу со своим конем, вооружением, снаряжением. "Именно потому, что это был самый дешевый для государственной казны вид войска, царизм поддерживал существование казачьего сословия и средневековую форму казачьего землепользования" [16]. Таким образом, военно-политическая обстановка на Кавказе напрямую отражалась на способах и формах ведения хозяйства в регионе.

О развитии производства хлеба в Кавказской губернии в 1811 году могут свидетельствовать следующие цифры: посеяно было озимого хлеба 47684 пуда, ярового – 69247, было собрано озимого 218922 пуда, ярового – 373172. На посев было оставлено соответственно 53315 и 97081 пуд, на продовольствие – 99256 и 124652, а остаток, который

был продан, составил 66351 пуд озимого и 151438 пудов ярового. Исходя из этих цифр, можно утверждать, что урожайность озимого хлеба равнялась сам-4,6, а ярового – сам-5,4. На посев было отделено 24,4% озимого хлеба и 26% ярового, на продовольствие соответственно – 45,3% и 33,4% на продажу – 30,3% и 40,6%. Причем из 5 уездов Кавказской губернии – Георгиевского, Ставропольского, Александровского, Моздокского, Кизлярского – Ставропольский уезд занимал лидирующее положение по производству хлеба [17].

Специализация различных территорий Кавказской губернии на производстве тех или иных продуктов зависела от природно-климатических особенностей данной местности, ее рельефа, обеспеченности водными ресурсами. Но надо учитывать, что темпы развития экономической инфраструктуры Предкавказья напрямую зависели от того, как скоро Кавказ превратится в регион, где частная инициатива могла бы проявить себя во всех сферах. Но в начале XIX века, да и ряд десятилетий спустя, Кавказ все еще оставался районом военных действий. А это очень сильно повлияло на облик его агроэкономической инфраструктуры, поскольку одним из основных потребителей сельскохозяйственной продукции степного Предкавказья являлась действующая армия. Рост этих отраслей был обеспечен не только более или менее подходящими географическими и климатическими условиями, но и наличием в регионе постоянного покупателя – войск кавказской армии, чьи запросы мало зависели от рыночной конъюнктуры.

Но земледелие и животноводство были развиты в крае неравномерно и имели ряд местных особенностей, на что влияли как природные, так и социально-экономические факторы.

Особо стоит обратить внимание на социально-экономические факторы, делающие занятие земледелием менее выгодным, чем животноводством, а именно "затруднения с вывозом зерна, обусловленные бездорожьем и недостатком транспортных средств". Анализируя эти обстоятельства в разрезе решения Россией своих геополитических задач в кавказском регионе, мы получаем ряд связанных между собой факторов. Для реализации своих геополитических целей на Кавказе Российская Империя была вынуждена использовать войска. Развитие земледелия в степном Предкавказье, во-первых, позволило бы обеспечивать зерном (в первую очередь рожью) кавказские войска, а не везти его из внутренних губерний России, что было намного дороже. Во-вторых, развитие земледелия в Предкавказье было одним из

решающих факторов его экономического освоения, а от этого, в свою очередь, в немалой степени зависело то, насколько быстро и успешно пойдет процесс "замирения" Кавказа. В-третьих, развитие зернового хозяйства Предкавказья позволило бы активно торговать с горцами, вовлекая их в орбиту мирных экономических отношений. То есть развитие одной из ведущих отраслей аграрной экономики дало бы возможность более быстро и успешно решать не только экономические, но и политические задачи.

Особенно актуальным решением вышеуказанных экономических проблем стало в 1817 году, когда российские войска начали планомерную борьбу с сопротивлением горцев. Несмотря на поражения в 1819-1821 гг., в первой половине 20-х гг. произошли новые восстания кавказских горцев. В этих условиях обеспечение войск Отдельного Кавказского корпуса продовольствием было напрямую связано с развитием агроэкономической инфраструктуры Кавказской губернии.

Однако, по мнению местного начальства, во втором десятилетии XIX века экономика Кавказской губернии находилась в прекрасном состоянии. Одна из наиболее полных характеристик экономики Кавказской губернии содержится в донесении исполняющего должность Кавказского гражданского губернатора, где он просит дать Кавказской губернии герб, основываясь на отраслях ее хозяйства (документ 11 Приложения).

Важно отметить, что хлеб, скот, соль, алкогольные напитки производились не только для употребления внутри губернии, но и для снабжения войск, столиц империи и ее внутренних губерний, торговли с горцами. Можно сделать вывод, что экономика Кавказской губернии во многом зависела от военно-политической обстановки на Кавказе, поскольку армия создавала условия, благоприятные для производительного труда, защищая от набегов "немирных" горцев и она же являлась основным покупателем излишков хлеба.

Переселенцы, приспособившись к новым условиям и климату, стремились обеспечить себя зерном, производя его по возможности не только для личного потребления, но и на продажу, о чем свидетельствует таблица 9 Приложения. Даже в засушливый 1817 год отдельные ставропольские села выделяли хлеб на продажу. В том же году в Александровском уезде было продано 34157 четвертей. Кавказский корпус частично обеспечивался продовольствием путем его закупки в Кавказской области. Так, развитие зернового хозяйства области в 1829

году характеризуют показатели, приведенные в таблице 10 Приложения.

В условиях масштабного военного конфликта экономика Кавказской области продолжала играть важную роль. Так, например, состояние зернового хозяйства в казачьих станицах области характеризуют ведомости о посеве и урожае хлеба в 1837 году. Данные о посеве и урожае хлеба жителями Кубанского казачьего полка озимого в 1837 году и ярового в 1838 году представлены соответственно в таблицах 11 и 12 Приложения.

Таким образом, вклад казачьего населения области в развитие зернового хозяйства был довольно значительным, особенно если учитывать то, что казакам приходилось нести еще и кордонную службу, принимать участие в военных походах. Наличие в области запасных хлебных магазинов, своего рода "страхового фонда" от неурожая, делало ее экономику более стабильной, более защищенной от разного рода природных неурядиц. В условиях, когда от благополучного состояния аграрной экономики Кавказской области зависело материальное обеспечение кавказских войск, решавшей геополитические задачи России в этом регионе, наличие хлебных магазинов было жизненно необходимым.

Государство в лице кавказской администрации следило за тем, чтобы запасные хлебные магазины были не только у казенных поселян, но и в помещичьих имениях, что показано в документе 12 Приложения.

Из документа видно, что, во-первых, администрация требовала хранить господский хлеб отдельно от крестьянского, очевидно для того, чтобы при использовании запасного хлебного фонда не возникало споров и разногласий; во-вторых, приведение амбаров в "мерное устройство" позволяло сразу определить, какое количество хлеба находится в том или ином хранилище. Кроме того, доклад губернатора дает основание утверждать, что помещичьи имения, особенно крупные, были достаточно редким явлением в Кавказской области. Причины этого были рассмотрены в первой главе. То есть основной производительной силой в степном Предкавказье являлись государственные крестьяне.

Что же касается хлебных магазинов государственных крестьян Кавказской области, то в сентябре 1837 года Кавказская Казенная Палата с одобрения гражданского губернатора постановила "в селениях казенных поселян Кавказской области устроить магазины на третью часть

полной пропорции запасов, предписав всем волостным правлениям, чтобы сельскими мирскими обществами были составлены о том приговоры и сметы по форме" [18].

К сентябрю 1838 года запасные хлебные магазины были построены в казенных селениях: Терновой Балке, Новорождественском, Тихорецком, Новопокровском, Белоглинском, Медвежьем, Ладовской Балке, Новогорлыцком, Преградном, Пелагиаде, Дубовке, Тугулуке, Кугульте, Московском, Петровском, Константиновке, Донской Балке, Песчанокоспском, Среднегорлыцком, Летницком, Благодарном, Александровке, Новоалександровке, Черном Лесе, Солдато-Александровском, Обильном, Безопасном, Новогеоргиевском, Донском, Птичьем [19]. Специфика области заключалась в том, что эти запасы продовольствия страховали от неурожая и голода не только самих крестьян, но и кавказские войска, которые они обеспечивали продуктами земледелия. Боеспособность российских войск на Кавказе во многом зависела от успешности решения задач экономического развития Кавказской области. Создание зерновых запасов на случай неурожая было одним из важных шагов в этой сфере.

В 1838 году, по мнению Кавказского гражданского губернатора, "главнейшими занятиями кавказских жителей были скотоводство и земледелие" [20]. В 1839 году было посеяно 132257 четверти хлеба, а собрано – 557981. Важным вопросом, как в экономическом, так и в политическом смысле, оставалось снабжение хлебом Кавказского Корпуса. Состояние дел в этой сфере в 1838 г. показано в документе 13 Приложения. Таким образом, поставки хлеба из Кавказской области покрывали от 16,6 до 21 % от необходимого количества для армии. Причины этого губернатор видит в следующем: 1) более выгодно было сеять и продавать пшеницу, а не рожь (а для армии по нормам продовольственного обеспечения того времени нужна была рожь); 2) земледелие вообще в Кавказской области было менее доходным занятием, чем скотоводство.

Контингент российских войск на Кавказе за несколько лет был увеличен на три пехотные дивизии. Теперь правительство, чтобы обеспечить продовольствием кавказские войска, должно было более активно заселять и силами переселенцев экономически осваивать Кавказскую область.

Развитие зернового хозяйства области в начале 40-х гг. XIX века характеризуют следующие данные. В 1842 году было собрано по всей

Кавказской области 1451959 четвертей, то в 1844 году – только государственными крестьянами было собрано 1470673 четв., из которых в Ставропольском округе – 1098468 (74%), в Пятигорском – 369105 (25%), в Кизлярско-Моздокском – 4090 (менее 1%). В 1845 году, с включением данных по Кавказскому линейному войску и по "магометанским народам, живущим в области" – посеяно 425385, снято – 195667. Можно с уверенностью утверждать, что Ставропольский округ был наиболее заселенным и производил основную массу хлеба.

Достаточно полная характеристика экономического состояния Кавказской области в начале 40-х гг. XIX века содержится в отчетах гражданского губернатора. Согласно данным отчета, государственными крестьянами было высеяно в 1839 году 114082 четверти, в 1840 г. – 149329, в 1841 г. – 187907, а в 1842 г. – 196196. Таким образом, в течение 4-х лет наблюдается устойчивый рост количества высеваемого хлеба. Этот факт говорит о том, что экономика Предкавказья продолжала развиваться, хотя и экстенсивными методами. Задача обеспечения кавказских войск продовольствием лежала в первую очередь на плечах казенных крестьян Предкавказья.

Помещичьи крестьяне особой роли в экономике Кавказской области не играли, но, тем не менее, вносили в ее развитие свой вклад, в частности в развитие зернового хозяйства. По данным отчета, в 1842 году самый высокий урожай среди помещичьих крестьян был в Ставропольском округе (для которого характерен хороший урожай зерновых культур), а самый низкий у крестьян Моздокского и Кизлярского округов, что объясняется плохими почвами в этих округах. Пятигорский округ, всегда отличавшийся хорошими урожаями, в 1842 г. "потерпел" от весенних засух и от саранчи.

Урожай 1842 г. "за отчислением на посев" составил "на душу оседлого поселенина" 3,5 четверти. Избытки хлеба сдаются "помещиками и земледельцами" для поставки в магазины Кавказской линии "на продовольствие войск". Однако, как отмечает гражданский губернатор, поставки из Кавказской области не удовлетворяют полностью запросы кавказских войск в продовольствии: "и в дополнении к здешним заготовкам" значительное количество хлеба для армии доставляется ежегодно из России. Это доказывает тот факт, что зерновое хозяйство области, земледелие были еще недостаточно развиты, поскольку не удовлетворяют даже "местные потребности". "Обыватели сбывают хлеб также при мене с мирными горцами".

Характеризуя экономическое состояние области, губернатор рассматривает также основной производящий класс региона – крестьян государственных и помещичьих. По его мнению, благосостояние государственных крестьян зависит от того, насколько долго они находятся на территории Кавказской области. На этом основании он делит крестьян на "старожилов" и "переселенцев, недавно водворившихся". "Старожилы живут в довольствии, особенно в селениях по реке Куме, где сверх отличного грунта земли для хлебопашества, имеют виноградники и занимаются виноделием". Крестьяне, которые переселились недавно, не успели еще "обзавестись достаточным хозяйством и потому не так зажиточны". Кроме указанных двух, существует еще и третья категория государственных крестьян, "которые, по приходу из других губерний, не получили еще прочного водворения и проживают у старожилов или по казачьим станицам". В области, производящий класс которой только формировался, равно как и хозяйственная инфраструктура, длительность пребывания на территории региона являлась одним из основных факторов, определяющих благосостояние крестьянского хозяйства. Что же касается помещичьих крестьян, то они "отличаются благосостоянием в имениях значительных, каковых очень мало". Такими именами являются "Слобода графа Воронцова, Александровская", "селение Черный Рынок Всеволожских" и "селение Владимировка, Реброва". У мелкопоместных владельцев крестьяне находятся "большею частью в жалком состоянии". Причиной этого автор считает бедность помещиков, которые, не имея других средств, "требуют от крестьян на содержание несравненно больше, нежели богатые владельцы". Помещичье хозяйство в Предкавказье не получило широкого распространения, основным производящим слоем в дореформенный период являлись государственные крестьяне, причины чего были рассмотрены выше [21].

По причине недостатка "запасов в провиантских магазинах Кавказской линии" и для обеспечения продовольствием "войск, назначенных по Высочайшему повелению и прибывших из России, как для докомплектования 20 пехотной дивизии, так и особо для военных действий против горцев" командующий войсками Кавказской Линии и Черномории генерал-адъютант Граббе в июне 1840 года обращался к кавказскому гражданскому губернатору с требованием пополнить хлебные запасы кавказских войск. Хлеб предлагалось "позаимствовать из сельских магазинов обывателей Кавказской области". Это подтверж-

дает правильность вывода, о том, что в Кавказской области хлебные магазины предназначались не только для спасения крестьян от голода в случае неурожая, но и для снабжения войск в случае какой-либо экстренной надобности, например, увеличения их численности.

Хлеб из магазинов в количестве 27 тысяч четвертей муки взяли потому, что при заготовке хлеба пополнение войск в расчет не принималось. Кроме того, сразу закупить большую партию хлеба не представлялось возможным и было бы "весьма обременительным" для казны. Даже если бы комиссионерам удалось закупить сразу большую партию зерна, то "по экстренности случая, это послужило бы поводом к непомерному возвышению цен" и в дальнейшем пришлось бы закупать хлеб по более высоким ценам [22]. Этого, конечно, допустить было нельзя, и военные воспользовались хлебными запасами жителей области. Экономика Кавказской области, сельское хозяйство, были напрямую связаны со снабжением кавказских войск. От поставок военным здесь зависела экономическая конъюнктура, цены на хлеб. Агроэкономическая инфраструктура области была ориентирована на удовлетворение потребностей войск, с помощью которых Россия решала свои геополитические задачи на Кавказе.

На продовольствие войск Кавказской линии с 1 июня 1840 по 1 июня 1841 года "по числу составляющих тогда налицо 64 т. человек было заготовлено: муки – 188280 четвертей, круп – 17588. Из этого количества Ставропольским провиантским комиссионерством было заготовлено 3300 четвертей, пшеницы – 32000, круп – 3093" [23]. Понятно, что сельское хозяйство Кавказской области, еще только формировавшееся, не могло обеспечить потребности кавказских войск полностью. Остальная часть продовольствия была доставлена "от внутреннего провиантского ведомства".

После того, как были сделаны распоряжения об увеличении поставок хлеба в войска, на Кавказ прибыли новые пополнения. Как уже говорилось, в начале 40-х гг. российским войскам пришлось достаточно тяжело, поскольку движение горцев под предводительством Шамиля приобретало все более широкий размах. Поэтому "Государю Императору благоугодно было назначить: а) на укомплектование войск Кавказской Линии, сверх прибывших рекрут, 24 роты 6 пехотного корпуса в полном их составе и всю резервную дивизию 3 Пехотного корпуса, б) для военных действий 14 пехотную дивизию 14 Артиллерийскую бригаду, 6 Донских казачьих полков и 1 Донскую конно-артиллерийс-

кую батарею и сверх того в Грузию 24 роты 6 пехотного корпуса и до 5 тысяч человек рекрут, находящихся при Резервной дивизии 3 пехотного корпуса" [24].

Исходя из сложившейся ситуации, было решено вновь прибегнуть к помощи сельских запасных магазинов, причем перемолка зерна в муку возлагалась "на самих жителей", а на склады провиантского комиссионерства мука доставлялась тоже крестьянами на их подводах. За "позаимствованный" хлеб крестьяне получали деньги "по ценам, какие состояли по торгам на поставку хлеба в Кавказской области с провозом в магазины" [25]. Подобным образом, путем займа "из запасных магазинов овса и ячменя" удовлетворялись потребности в "фуражном довольствии лошадей трех полков 14 пехотной дивизии и 14 артиллерийской бригады" [26].

В 1842 году Ставропольское Полевое комиссионерство, заведовавшее провиантским довольствием войск, расположенных в Кавказской области, на 11000 человек закупало продовольствия в самой области, остальное количество доставлялось из Саратовской и Воронежской губерний [27]. Этот факт служит еще одним доказательством роли мирного населения Ставрополя в обеспечении войск. Особая роль отводилась провиантским магазинам. Развитие экономики области, а значит снабжение армии, во многом зависело от благосостояния государственных крестьян, которые являлись основными производителями сельскохозяйственной продукции. В отчете за 1843 год губернатор делит государственных крестьян "на 3 класса". Первый класс – богатые, "которые при значительном хлебопашестве занимаются и обширным скотоводством". Второй класс – средние, "которые имеют скотоводство посредственное". Третий – бедные, "имеющие по одной или две коровы, от десяти до пятнадцати овец и одной лошади". Отсюда видно, что благосостояние крестьян в Предкавказье было выше, чем в целом по России, где к бедным относили крестьян, вообще не имевших лошади и/или коровы. Как уже говорилось ранее, к богатым крестьянам относятся те, которые давно поселились в области и "устроили в оной прочное хозяйственное обзаведение". К главным причинам бедности крестьян третьего класса можно отнести, как считает губернатор, "бывший в области неурожай хлеба и трав и существование от того голода, так что крестьяне были продовольствованы из казны"; "скотный падеж"; "недавнее переселение в область, где крестьяне с бедными своими средствами не успели еще обзавестись прочными

домами и в благосостоянии сравниться со старожилами". То есть причины бедности здесь достаточно понятны: это или недавнее поселение в области, или природные неурядицы.

Самыми зажиточными из помещичьих крестьян автор отчета называет жителей селения Маслов-Кут помещиков Калантаровых и слободы Александровка Григория Воронцова, где кроме посевов хлеба, почти все крестьяне занимаются "извозною промышленностью" [28]. Можно сказать, что к началу 40-х гг. XIX века агроэкономическая инфраструктура области находилась в стадии активного развития.

Сельское хозяйство в Ставропольской губернии продолжало развиваться, этого требовала не только экономическая конъюнктура, но и политические реалии региона, когда войска, теснившие Шамиля, нуждались в регулярных поставках продовольствия. На фоне увеличения масштабов сельскохозяйственного производства в Ставропольской губернии в 40-е годы XIX века помещичьи хозяйства по-прежнему производили сельскохозяйственную продукцию в небольших количествах.

В 1843 году данные о посеве и урожае в помещичьих имениях кавказской области выглядели следующим образом (таблицы 13.1 и 13.2 приложения).

Основное количество хлеба получали государственные крестьяне, посевы и урожаи которых увеличивались с каждым годом (таблицы 14.1, 14.2 и 14.3 Приложения).

Зерновое хозяйство Ставрополя к середине XIX века принимало все более товарный характер благодаря росту поставок хлеба увеличивающемуся количеству войск, находившихся на Кавказе; умножению поставок в казачьи районы Черномории, за границу, для обмена на товары горских народов. Общее количество посевных площадей быстро возрастало и к середине XIX века (1849 г.) достигало в Ставропольской губернии 659797 десятин. Количество высеваемого хлеба и засеваемых площадей все время увеличивалось, особенно в Ставропольской (Кавказской) губернии. "С 1803 по 1849 производство его здесь увеличилось с 351094 до 1809372 четвертей, то есть более чем в 5 раз" [29]. Данные о посеве и урожае хлеба в 50-х гг. XIX в. в Ставропольской губернии выглядели следующим образом (таблица 15 Приложения). Как видно из приведенных цифр, урожайность составляла не менее сам-3.

"В посевах Ставропольской губернии до 1861 года главными хлебными культурами были рожь и овес... Ставрополье уже в первой поло-

вине XIX века благодаря быстрому росту посевных площадей имело значительный избыток хлеба, который предназначался в то время, в основном для продовольствия Кавказской армии и черноморского казачества" [30]. Средний урожай основных сельскохозяйственных культур представлен в таблице 16 Приложения.

В 50-х гг. XIX века в развитие сельского хозяйства Ставропольской губернии сохранились прежние тенденции. Одной из таких тенденций была зависимость экономики губернии от военно-политической обстановки на Кавказе.

К середине XIX века агроэкономическая инфраструктура Ставропольской губернии имела вполне развитый характер. Развитие аграрной экономики Предкавказья стимулировали два фактора. Во-первых, наличие в регионе постоянного потребителя – войск кавказской армии и способствовали тому, что сельское хозяйство губернии (области) формировалось как товарное изначально; во-вторых, государство было заинтересовано в развитии экономики Ставропольской (Кавказской) губернии не только, и не столько с целью получения экономической выгоды, но и по причинам политическим. Экономическое развитие Предкавказья способствовало процессу "замирения" Кавказа, формированию устойчивых экономических связей, вхождению Кавказа в состав Российской Империи не только де-юре, но и де-факто.

Военный статистик Забудский характеризует экономику Ставропольской губернии с точки зрения ее возможностей для снабжения кавказских войск. "Земледелие есть исключительное занятие здешних оседлых жителей и их главное богатство. В отношении снабжения войск по провиантской части, Ставропольская губерния даже и теперь представляет большие средства в сравнении с тем огромным количеством провианта, какое потребно для войск Кавказской линии. Третья часть всего продовольствия войск Кавказской линии мукою и крупую закупается на месте". Кроме подрядчиков и комиссионеров интендантского ведомства, постоянными покупателями хлеба в Предкавказье являлись кочевые ногайцы и калмыки, а также закубанские горцы. Некоторая часть товарного зерна вывозилась из Ставропольской губернии для продажи черноморским казакам.

Распахка большого количества целинных и залежных земель в Предкавказье свидетельствовала о большом и напряженном труде русских и украинских переселенцев в освоении столь обширного и богатого края за сравнительно короткое время. "И хотя распаханные

земли все еще составляли небольшую (1/13) долю земельных площадей, тем не менее, это был огромный шаг на пути развития производительных сил не только Предкавказья, но и всего российского государства" [31].

Важной отраслью экономики региона было животноводство. Развитие этой отрасли имело на Северном Кавказе свою специфику, которая обуславливалась военным положением края. Развитию животноводства в Предкавказье в дореформенный период способствовало то, что оно существовало здесь непрерывно на протяжении многих веков, составляя главное занятие кочевников ногайцев и тех кавказских горцев, которые обитали в предгорьях, но в мирные годы пользовались зимними пастбищами на правобережье Кубани и особенно в прикумских и прикаспийских степях.

Русские и украинские переселенцы застали в Предкавказье и давно выведенные местные породы скота, и опытных чабанов, и проверенные вековой практикой испытанные методы выращивания скота и ухода за ним в сложных климатических условиях этого края. Трудности, которые встречали крестьяне-новоселы на пути освоения целинных земель в засушливых районах Предкавказья: частые неурожаи, колебания цен и затруднения с вывозом зерна, обусловленные бездорожьем и недостатком транспортных средств – все это нередко заставляло и оседлых жителей отдавать предпочтение животноводству. При обширности пастбищных угодий и сравнительно мягком климате оно требовало от переселенцев меньших затрат труда, чем хлебопашество или садоводство. Животноводство на протяжении всего дореформенного периода сохранило экстенсивный характер. Не повышение продуктивности скота, а увеличение его поголовья являлось в данном случае основным показателем развития этой отрасли хозяйства.

Сенатор Дмитрий Мертваго вместе с сенатором Гермесом, ревизовавший Кавказскую губернию в 1818 году, высказал ряд предложений об ее экономике и улучшении управления краем. Характеризуя экономику, он писал: "В настоящее же время она (Кавказская губерния – Р.Г.) есть хутор России, где плодятся и возвращаются лошади, быки и овцы для потребности ея. Смотря с сего пункта, надлежит признать, что чем пространнее тут живут люди, тем более размножается скотина, – следовательно, край полезнее для государства" [32].

Осваиваемые переселенцами районы Северного Кавказа стали важной базой для получения мяса внутренними губерниями России. В

1813 году указывалось, что Кавказская губерния снабжает скотом обе столицы и другие губернии.

Как мы видим, использование ресурсов Кавказской области было направлено на решение насущных задач Кавказского корпуса. В ходе ведения войн тем или иным государством все ресурсы этого государства, в том числе и природные, направляются на удовлетворение потребностей действующей армии. "Взаимоотношения" Кавказской области и Кавказского корпуса отличны от общего правила тем, что экономика Предкавказья создавалась с целью материального обеспечения войск, сражавшихся на Кавказе, тогда как в большинстве других случаев армия просто "использует" уже сложившуюся экономическую инфраструктуру. Причиной подобного положения вещей можно считать значительную по тем временам удаленность Кавказа от основных производящих центров России, что делало доставку товаров в кавказский регион достаточно дорогой, а значит, необходимо было развивать сельское хозяйство в первую очередь недалеко от территории военных действий, в Предкавказье, чтобы обеспечить действующую армию продовольствием.

Формирование агроэкономической инфраструктуры Ставропольской губернии постоянно стимулировалось продолжавшейся в регионе Кавказской войной. Для успешного ведения военных действий Кавказскому Корпусу была нужна ресурсная база, находившаяся неподалеку. Такой ресурсной базой была Ставропольская губерния.

Животноводство являлось важной отраслью сельского хозяйства Предкавказья. Состояние скотоводства в Ставропольской губернии и в Кавказском Линейном войске в середине XIX века характеризуют данные таблицы 17 Приложения. Основная масса скота принадлежала зажиточному крестьянству и казачеству.

Скотоводство, по мнению военного статистика Забудского, находилось еще в лучшем состоянии, чем земледелие. "Цветущее состояние скотоводства в губернии, изобилие и дешевизна скота дает войскам средства иметь хорошую пищу и довольствоваться на отпускаемые деньги круглый год ежедневно мясом, такой выгоды не доставляет ни одна из русских губерний" [33]. Ни одну войну нельзя назвать легкой, но условия ведения Кавказской войны, войны "горной и лесной" были особенно тяжелыми. Непривычный климат, труднопроходимая местность были особенно тяжелыми для европейца. В этих условиях пол-

ноценное и калорийное питание войск было одним из важнейших условий успешного ведения войны.

Можно заключить, что Ставропольская губерния в конце XVIII – первой половине XIX века была районом довольно развитого экстенсивного скотоводства и коневодства. Развитие скотоводства и коневодства у горских и кочевых народов на огромных степных просторах способствовало развитию его среди русских и украинских переселенцев в этом крае в дореформенный период. Переселенцы, используя веками накопленный опыт кочевого, полукочевого и отгонного скотоводства, заимствовали у горских народов те породы скота, которые лучше всего были приспособлены к местным условиям.

Основу экономики Кавказской области составляло аграрное производство, часть продукции которого шла на удовлетворение потребностей Кавказского корпуса. Кроме сельскохозяйственной продукции, кавказские войска привлекала и другие ресурсы Кавказской области для решения задач в сфере жизнеобеспечения. Командир Навагинского пехотного полка генерал-майор Полтинин обращался к Кавказскому гражданскому губернатору генерал-майору Сотникову в апреле 1842 года: "Батальоны вверенного мне полка, по окончании в настоящем году военных действий, должны возвратиться на те же квартиры, которые были назначены по возвращении из экспедиций прошлого года. Заботясь о своевременном заготовлении фуража для продовольствия полковых подъемных и ротных артельных лошадей, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство не оставить сделать зависящее от Вас распоряжение, дабы пастбищные и сенокосные места были отведены в тех самых местах, где были в прошлом году..." [34].

Штаб Навагинского пехотного полка был расположен в селе Воронцовка Пятигорского округа, другие подразделения полка были расквартированы по селам округа. В соответствии с указом Министерства Государственных имуществ гражданские власти были обязаны обеспечивать военные части фуражом. Разные подразделения Кавказского корпуса на основании этого указа пользовались пастбищными и сенокосными угодьями в различных частях Кавказской области. В августе 1842 года аналогичное прошение об отводе сенокосных земель поступило на имя гражданского губернатора от командира Минского пехотного полка.

Как было отмечено выше, войска Кавказского корпуса использовали не только сельскохозяйственную продукцию, произведенную в области, но ее природные ресурсы – пастбищные и сенокосные угодья. За-

ботясь о подчиненных ему войсках, командующий войсками Кавказской линии и Черномории генерал-майор Траскин в апреле 1843 года в отношении на имя кавказского гражданского губернатора В.С. Сотникова изложил свои соображения об отводе "войскам Отдельного Кавказского корпуса сенокосных мест".

По его мнению, количество сенокосных земель должно быть отведено с таким расчетом, чтобы сена можно было заготовить с излишком. Излишек был необходим в силу причин, изложенных в документе 14 Приложения. Командование войск стремилось использовать ресурсы Кавказской области как можно полнее, объясняя это причинами климатическими – из-за недостатка влаги в предкавказских степях трава становилась грубой. Кроме того, постоянное участие войск корпуса в войне с горцами делало "службу" лошадей настолько тяжелой, что по окончании военных действий не было возможности использовать их еще и на хозяйственных работах, что требовало привлечения дополнительного рабочего скота, а следовательно и дополнительного количества сена. Наличие в регионе очага войны стимулировало экономическое развитие Кавказской области, поскольку действующая армия была постоянным потребителем ее сельскохозяйственной продукции.

Кроме скотоводства, развивалось коневодство, многие навыки которого были заимствованы у местных народов. Наличие войск на Кавказе и Предкавказье способствовало развитию коневодства, поскольку действующая армия постоянно нуждалась в лошадях, особенно кавалерийские и артиллерийские части.

По мысли И. В. Бентковского, история коневодства на Кавказе имеет прямую связь "с распространением русского владычества и колонизацией". Слава о кабардинских лошадях распространилась по России еще в последней четверти XVIII века, когда русские войска начали вплотную сталкиваться с горцами [35].

Моздокские казаки, в поданном ими генералу Ртищеву в 1811 году прошении, упоминают, что по прибытии их на линию в 1770 году "весь скот без остатка пал от нового климата" [36]. Поэтому казакам пришлось приобретать лошадей у местных народов – покупать или захватывать в бою. Так была основана кавказская отрасль российского коневодства.

Коневодство было неразрывно связано со всем укладом жизни большинства оседлого горского населения, кочующих народов, казачества, русских и украинских переселенцев из числа крестьян.

Разведение лошадей носило обычно табунный характер. Круглый год они находились под открытым небом. В этих условиях у лошадей вырабатывалась выносливость, резвость, неприхотливость к корму, то есть качества, которые были особенно ценны в условиях постоянных, длительных и изнурительных походов.

Изначальное формирование экономики Предкавказья как товарной (поставки для армии, экспорт во внутренние губернии России и в столицы, местная торговля) способствовало ее вовлечению в хозяйственный оборот империи, налаживанию внутрирегиональных связей, что в конечном итоге должно было сыграть положительную роль в деле "замирения" Кавказа, его вхождении в состав Российской Империи не только юридически, но и фактически. Развитие хозяйственной инфраструктуры в регионе можно считать экономическим обоснованием превращения Кавказа в часть Российской Империи.

Хотя помещичьи хозяйства в целом не сыграли значительной роли в освоении Кавказской области (губернии), но среди них встречались отдельные имения, которые отличались от основной массы и масштабами экономического производства и более рациональным ведением хозяйства. К такого рода помещикам относились Воронцовы. Имение, расположенное в Георгиевском уезде Кавказской области, было пожаловано А. Р. Воронцову в 1788 году. Эти земли на Кавказе были пожалованы с целью насаждения русского землевладения на окраинах как одна из форм освоения приобретенной территории. В этом имении значилось земель: пашни – 11053 дес. 1200 саж., леса – 400 дес. 730 саж., покоса – 3430 дес. 570 саж. [37]. С 1783 по 1801 г. в Георгиевском уезде Кавказской губернии Воронцовыми было приобретено 16791 дес. пахотной земли [38].

Земля (кроме разданной крестьянам для пахоты) использовалась владельцами под пастбища. Не заводя в этом имении своей запашки, Воронцовы использовали самое ценное – равнинные луга. Обилие пастбищ обещало выгоды от разведения скота и в 1792 году здесь был организован конный завод, который был значительно расширен в 1817 году (очевидно, это связано с началом планомерного распространения российской власти на Кавказе).

В то время в районе Георгиевска проходил левый фланг Кавказской укрепленной линии, и для армейских нужд имелся постоянный спрос на лошадей. Воронцовы разводили специальную местную "гор-

скую" породу, которая была приспособлена к местным условиям и давала, благодаря устойчивому спросу, стабильный доход.

В схватках с горцами гибли не только люди, но и лошади, поэтому постоянно приходилось пополнять их количество. Майор Нижегородского драгунского полка Луневский был направлен в Кавказскую область в январе 1843 года для покупки 232 лошадей. Начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майор Коцебу в связи с этим обращался к кавказскому гражданскому губернатору Сотникову, с тем, чтобы последний оказал Луневскому помощь "как в покупке лошадей, так и в отводе для провода их людей" [39].

Позже, в марте того же года, в Кавказскую область были направлены штабс-капитан Мингрельского егерского полка Кореницкий, для закупки 50 лошадей; Грузинского гренадерского полка штабс-капитан Рихтер – 150 лошадей; в мае – Тифлисского егерского полка прапорщик Галич, для покупки в полк лошадей [40]; в октябре 1843 года, по просьбе командира 20 артиллерийской бригады полковника Гана в распоряжение части были отправлены 36 лошадей [41].

Впрочем, кавказские лошади пользовались спросом и во внутренних губерниях России. Из Уланского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича полка, расквартированного в г. Торжке, в 1843 г. в Кавказскую область был направлен для покупки 162 лошадей ротмистр Маслов. Командир полка просил кавказское областное начальство снабдить командированного офицера "открытым предписанием о делании ему со стороны градской и земской полиции при покупке лошадей законных вспомоществований" [42]. Предписание ротмистру Маслову было выдано.

Несмотря на то, что основными производителями сельскохозяйственной продукции в области были государственные крестьяне, с коневодством дела обстояли иначе – его центрами являлись крупные помещичьи имения. Эта особенность коневодства, очевидно, была связана с тем, что оно требовало больших материальных затрат, значительного количества рабочих рук, пастбищных угодий. Такие условия можно было создать только в крупном помещичьем хозяйстве. Наличие в регионе действующей армии, постоянно нуждавшихся в лошадях, делало коневодство весьма выгодным занятием и окупало все затраты.

По свидетельству помещика князя Бековича-Черкасского – владельца конного завода, у него в 1843 году находилось 1000 лошадей

таких пород, как персидская, турецкая, английская, кабардинская, чепиловская. Наибольшим спросом пользовались лошади "местной", то есть кабардинской породы, поскольку они "весьма полезны для кавалерии здешнего края". Лошади эти "продаются ремонтерам" и "прогоняются для продажи в Грузию ценою от 60 до 80 рублей серебром". Главной целью тренировки лошадей было "воспитание" у них качеств, необходимых для военной службы. К таким качествам относились "привычность" к выстрелам из огнестрельного оружия "и дабы во всей прыти всадник мог попасть в цель, сверх сего при пылом с неприятелем сражении по управлению всадником же могла во все стороны делать быстрые и верные извороты, и, наконец, в мгновение ока могла лошадь остановиться на желаемое место или избегнуть неминуемой опасности" [43]. Как видно из этой характеристики, коневодство в Кавказской области было связано с обеспечением потребностей Кавказского корпуса.

Достаточно подробно коневодство на Ставрополье рассмотрено в рапорте Кавказского областного предводителя дворянства гражданскому губернатору [44]. Рапорт этот был написан в связи с тем, что развитие коневодства на Кавказе в начале 40-х гг. стало одним из направлений правительственной политики, об этом последовали указы императора и сената. Лошадь оставалась практически единственным транспортным средством, и в регионе, где шла война, коневодство становилось жизненно необходимой отраслью. Для того, чтобы владеть информацией о состоянии коневодства в области, губернатор приказал предводителю дворянства написать этот рапорт.

Как отмечает предводитель (который тоже был владельцем конного завода), в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX века на Ставрополье произошло некоторое уменьшение численности лошадей. "Причины сему уменьшению очевидны". Раньше, до активного заселения Предкавказья славянскими переселенцами, на степных просторах паслись многочисленные конские табуны, "паств было в избытке". С началом заселения территории Кавказской области крестьянами и казаками степи стали распахиваться и превращались в поля, а площадь пастбищ сокращалась. Для защиты лошадей от плохой погоды и холодов нужны конюшни, для постройки конюшен – строительные материалы. Кроме того, каждый год конюшни требуют ремонта, для прокорма и содержания лошадей нужны сено и солома. Наконец, для ухода за лошадьми нужны люди, а крепостных крестьян на Ставрополье было немного,

причины этого указаны в главе 1. При небольшом количестве крепостных трудно выделить специальный персонал, а значит, и обеспечить надлежащий уход. Как пишет конезаводчик, крестьяне в его имении одновременно "... и хлебопашцы, и садоводы, шелководы и огородники; мельники и плотники; каменщики и кирпичники; кузнецы и слесари". Данные характеристики коневодства подтверждают высказанные ранее предположения о его трудоемкости и капиталоемкости, что делало его доступным далеко не каждому помещику или крестьянину.

Несмотря на эти трудности, предводитель дворянства все равно занимался торговлей лошадьми, поскольку на них в области был устойчивый спрос, "для кавалерии, для артиллерии и для разъездов, даже для почтовой гоньбы". Выбор лошадей для разных нужд на ярмарках был весьма широкий, так как их выставляли на продажу крупные и "мелочные" заводы, "кочевые калмыки, трухмяне, ногайцы, горские черкесы".

Лучшими конскими заводами в области предводитель дворянства считал хозяйства помещиков Ростованова, Бековича-Черкасского (Пятигорский округ), в Ставропольском округе – у Мойвалдова и Рослякова. Небольшие конные заводы были у старшин Кавказского казачьего войска.

Как уже говорилось ранее, запросы кавказских войск оказывали прямое влияние на экономическую конъюнктуру в сфере торговли лошадьми, наличие очага войны в регионе стимулировало развитие коневодства. Однако для дальнейшего развития этой отрасли был нужен мир. "Для постепенного улучшения породы дозволить помещикам и всем заводчикам содержать лошадей на летнее время на возвышениях к хребту Кавказа, где прохлада, лучшие корма и здоровые воды в реках горных, много бы содействовали хорошему состоянию лошадей". Использование аграрных ресурсов области и региона в полной мере, в частности, для коневодства, возможно было только в условиях мира, чтобы заводчики могли беспрепятственно пользоваться горными пастбищами. Мир в регионе зависел от того, насколько успешно будут действовать кавказские войска России, а материальное обеспечение войск во многом зависело от развития агроэкономической инфраструктуры Кавказской области.

Что же касается коневодства в хозяйствах казаков и крестьян, то от казаков "исправных лошадей требовало свойство самой службы". В крестьянских хозяйствах области лошади мало уступали казачьим, а

некоторые "поселяне" разводили их для продажи, но в небольших количествах. У крестьян Ставрополя лошади "мало употреблялись в работу тяжелую, а хлебопашество или тяжелый извоз отправлялся на волах, лошади же служат только для скорой езды". Помещичьи крестьяне улучшают породу своих лошадей за счет того, что содержат кобылиц в помещичьих табунах. Как считает областной предводитель дворянства, перспективы "коннозаводства" на Кавказе лучше, чем внутри России, поскольку там крестьяне "землепашество свое отправляют на лошадях работой изнуряемых и скудно содержимых".

Для сравнения предводитель дворянства приводит статистические данные о количестве лошадей в области в разные годы у разных сословий (таблица 18 Приложения).

Кроме областного предводителя дворянства, гражданский губернатор обратился к одному из известнейших коннозаводчиков области – помещику Ростованову для того, чтобы последний поделился сведениями об условиях содержания и сбыта лошадей.

Ростованов писал, что является постоянным жителем Кавказской области и конеководством в масштабах завода начал заниматься еще тогда, когда "большая часть здешних помещиков не обращала должного внимания на эту отрасль, столь необходимую в крае, где земледелие еще младенчеству". Завод был основан еще в 1797 году предками Ростованова, основу для него составили лошади кабардинской породы, "время от времени улучшался завод кровными жеребцами арабскими и карабагскими", а в 1813 года стали покупать жеребцов "из известных в России заводов".

Что же касается сбыта лошадей, то Ростованов являлся постоянным поставщиком кавалерийских полков, причем "по известности завода" ремонтеры приезжали как из кавказских полков, так и из России [45]. Кроме Ростованова, лошадей в кавказские войска поставляли конный завод помещика Столыпина, расположенный в деревне Новосталыпинной Пятигорского округа [46], завод камергера Скаржинского, в его слободе Бургон-Можарах [47] и завод помещиков Калантаровых в селе Маслов Кут того же округа [48]. Заводы казенных крестьян были весьма малочисленны, в них содержалось от 15 до 30 лошадей, значительной роли в снабжении войск Кавказского корпуса лошадьми они не играли [49].

Достаточно много помещичьих конных заводов было в Ставропольском округе (таблица 19 Приложения).

Председатель Ставропольского земского суда также отмечает, что "сбыт лошадьми большей частью бывает ремонтерам кавалерийских полков" [50]. Можно заключить, что конные заводы помещиков Кавказской области ежегодно в значительной мере восполняли убыль лошадей в войсках Кавказского корпуса и в полках Кавказской Линии. Лучшие конные заводы были в Ставропольском и Пятигорском округах.

К концу 50-х годов XIX века общая численность войск Кавказской армии достигала 200 тысяч "штыков и сабель", то есть в 5 раз превысила число войск, находящихся на Кавказе в начале столетия. Это было вызвано стремлением российского правительства как можно скорее покончить с Шамилем. Соответственно возросла и потребность в продовольствии. При этом следует иметь в виду, что войска на Кавказе обеспечивались хлебом и мясом, как правило, за счет закупок продовольствия у линейных казаков и государственных крестьян степного Предкавказья и лишь частично путем подвоза муки и крупы из внутренних губерний России.

Одним из важнейших следствий вовлечения Кавказа и Предкавказья в сферу геополитических интересов России в конце XVIII века стало экономическое развитие этого региона, в особенности аграрной экономики степного Предкавказья. Если до 70-х гг. XVIII века обширный степной край, простиравшийся от Маныча и Еи до Терека и Кубани, оставался в течение многих столетий аренной примитивной хозяйственной деятельности небольшого числа кочевников-скотоводов, то к середине XIX века здесь уже были распаханы значительные массивы целинных земель и зерновое земледелие приобрело серьезное экономическое значение. К этому же времени кочевое скотоводство отступило здесь перед степным животноводством иного типа, основу которого составило оседлое хозяйство новоселов.

2.2. МЕНОВАЯ ТОРГОВЛЯ КАК СПОСОБ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ГОРЦЕВ НА СТОРОНУ РОССИИ

Торговля издревле считалась одним из средств сближения, развития дружественных, взаимовыгодных отношений между разными на-

родами, государствами. На Кавказе перед Россией тоже стояла задача привлечения коренного населения на свою сторону. Среди российских военных деятелей был целый ряд сторонников торгово-экономических, а не военных мер, с помощью которых можно было "привязать к себе горцев". Это адмирал Мордвинов, генерал Раевский, полковник Чайковский, генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин.

Меновая торговля достаточно хорошо изучена советской историографией, однако для советских исследователей основным вопросом было то, как меновая торговля "способствовала вовлечению Северного Кавказа во всероссийский рынок" [51]. Для нас же целью исследования является то, какое значение процесс торгового обмена имел для самого региона, его экономики, развития, взаимовыгодных отношений между славянским населением Кавказской (Ставропольской) губернии (области) и коренным населением кавказского региона.

В целях развития торговли горскими народами, правительство еще в 1764 году освободило кумыков и кабардинцев от уплаты пошлин при продаже и покупке товаров в Кизляре. В связи с увеличивающимся привозом товаров с 1771 года стали брать пошлины только с покупателей. При этом подчеркивалось, чтобы горцам при проезде и выезде "ни малейшего озлобления чинено не было" [52].

Вопрос об организации меновых отношений с горцами поднимался еще до открытия Кавказского наместничества. В 1780 году предлагалось проводить меновую торговлю в таких пунктах, как Екатериноград, Георгиевск и Ставрополь [53]. В указе от 9 мая 1785 года об открытии Кавказского наместничества также говорилось о необходимости заводить города не только "для обуздания своевольных народов", но и для развития торговли с ними. В 1789 году Екатерина II разрешила дагестанцам беспошлинно ездить для торговли с Кабардой по русской стороне. В донесении Екатерине II 12 января 1793 г. генерал Гудович, командовавший в то время войсками на Кавказе, писал: "Горы закубанские изобилуют годными не только на дома, но и на корабли лесами" и просил "позволения закубанцам брать у нас соль. Можно было бы выговорить право рубить у них лес под их охранением" [54]. За соль на меновых дворах выменивали бурки, кожи, хлеб, мед, воск, лес, скот и даже пленных [55].

В сентябре 1807 года в рапорте на имя командующего 19 дивизией, расположенной на Кавказской линии генерала Булгакова сообщалось, что для обмена с горскими народами "исполняющей должность кара-

ногайского пристава штабс-капитан Филатов взял 52 человека и 26 араб и отправился на Кумское соленое озеро для выломки и складывания в бугры указанного главным начальством количества соли" [56].

По свидетельству "Описания соленых озер Кавказской губернии", на ее территории находилось 11 соляных озер самосадочной соли: "в Кизлярском уезде – 1, 2 – Моздокском, в Георгиевском – 1, в Александровском – 5, в Ставропольском – 2, но из всех сих озер по пробам и навыку выломщиков и возчиков из двух только добывается соль, коею довольствуется все губерния, а именно, с Кумского для Кизлярского магазина, а с Моджарского для всех остальных 4-х уездов сей губернии и для мены с горскими народами, в прочих же озерах соль по большей части горькая" [57].

1810-1811 годы – это период, когда такое важное средство вовлечения горцев в сферу российского влияния, как меновая торговля, получила на Кавказе прочные законные основания. В июле 1810 года состоялось решение Комитета министров, в котором было постановлено начать меновую торговлю с горцами. Тогда же, по представлению военного министра, высочайше подтвержден "Журнал Комитета министров на установление с горскими народами сношений через меновую торговлю", то есть документ, в котором были зафиксированы все соображения и установления верховной власти в отношении меновой торговли. Копии этого журнала были препровождены к генералам Булгакову и Торماسову, командующему в то время войсками в Грузии и на Кавказской линии. 4 января 1811 года генералу Тормасову было предписано "обратить особое внимание на восстановление прочного спокойствия на Кавказской линии и установить сношения с горскими народами чрез меновую торговлю и наблюдать строгую справедливость во взаимных обидах" [58].

Это решение было более чем своевременным, поскольку один из подчиненных Торماسова – генерал Дельпоццо рапортовал ему в январе 1811 года о том, что ряд кавказских народов, как то "Кабардинцы, Осетинцы, Кумыки и мирные Чеченцы,... имеют желанья привозить свои продукты в наши границы и продавать оные по сходным ценам сами, да и с нашей стороны гораздо выгоднее оные покупать из первых рук...".

Выгоды такого рода торговли, по мнению генерала Дельпоццо, в следующем. От горских народов приходят в пределы Кавказской губернии "мастеровые люди – серебряки, слесаря, кузнецы, седельни-

ки", которые живут в ней все лето или даже круглый год. Ремесленников в губернии в это время было еще не так много, и миграция квалифицированных кадров во многом способствовала бы развитию экономики губернии. Те же, кто не был искусен в каком-то ремесле, нанимался на работу в сельском хозяйстве "для жатвы, сенокосов, молотыбы, обработки винограда". В малозаселенной губернии приток рабочей силы играл большую роль, тем более, что это позволяло казенным крестьянам и горожанам засеивать хлебом большие площади, а цена на него была ниже.

Для тех из горцев, кто не захочет привозить свои товары в границы губернии, следует учредить меновые торги при карантинах, как считал Дельпоццо. Далее генерал перечислял, какие горские народы какими товарами могут торговать, причем спектр их весьма широкий [59].

Понимая необходимость укрепить позиции России на Кавказе с помощью меновой торговли, Тормасов в марте 1811 года составляет подробное предписание Кавказскому гражданскому губернатору Малинскому. Одной из причин учреждения меновых дворов на Кавказской линии Тормасов называет "надобность в хлебе" горских народов, что являлось заботой правительства. На гражданского губернатора Кавказской губернии возлагались обязанности оповестить желающих продавать хлеб горцам, о том, что это можно делать на меновых дворах. Из сумм своего распоряжения Тормасов "заимообразно" выделял 5 тысяч рублей ассигнациями для покрытия расходов на доставку хлеба и соли к меновым дворам, а так же для постройки самих меновых дворов и "прочих по сему предмету заведений".

Меновую торговлю с горскими народами на Кавказской линии Тормасов предполагал учредить на следующих основаниях. Для кабардинцев меновой двор был открыт в Прохладном, где уже была карантинная застава и соляной магазин, из которого кабардинцы "два года уже довольствовались солью". Для "мирных" чеченцев – в Науре; для "горских" чеченцев – в Лашурине; для закубанских народов – в Константиногорске, Прочном Окопе и Усть-Лабе [60]. Кроме упомянутого Прохладненского соляного магазина открывались еще 3 – Прочнокопский, Усть-Лабинский и Константиногорский. На их устройство предполагалось затратить 11900 руб. [61].

Поскольку горцы нуждались в хлебе, его предполагалось закупать у жителей Кавказской губернии и доставлять на меновые дворы за

казенный счет. Продажу хлеба было решено "производить по цене, во что покупка онаго с доставкой в меновые дворы обойдется" [62]. Как мы видим, торговля хлебом с горцами организовывалась не для получения коммерческой выгоды, а для вовлечения местного населения в орбиту российского влияния. Для крестьянских хозяйств возможность торговать хлебом с горцами способствовала повышению их товарности, создавала дополнительный источник дохода.

Все желающие торговать могли привозить свои товары на меновые дворы и продавать их горцам, но не иначе как "посредством карантинных предосторожностей". Покупка и обмен хлеба, соли и товаров были беспошлинными. Горцы обменивали на меновых дворах у русского и украинского населения скот, воск, мед, арбы, лес и другие предметы. Цены и таксы обмена определяли сами торгующие (меняющиеся). Администрация меновых дворов – приставы – должны были следить за тем, "чтобы не было обмана в мене, весе и доброте товаров". Оказавшиеся виновными российские подданные должны были отдаваться под суд, а горцы – "отправляться к их обществу для наказания по их обычаям". Разбирательство в спорах возлагалось на посредников с обеих сторон. Посредников определяли сами спорящие [63].

Особое внимание уделялось "карантинным предосторожностям" – мерам против распространения эпидемических заболеваний. Эпидемии оставались одной из жестоких реалий жизни на Кавказе. Те, кто собирался "сам смотреть и выбирать своими руками товары", должен был, прежде чем попасть на территорию менового двора, пройти вместе со своим товаром "карантинное очищение". Те, кто карантин проходить не хочет, тоже могли торговать, но на расстоянии не менее двух саженей между продавцом и покупателем. Для этого на меновом дворе строились специальные ограды. Полученный от горцев в ходе торговли товар, если его прежний владелец не прошел карантин, должен был подвергнуться "очищению" [64].

Запрещалось продавать горцам золотые и серебряные монеты, как российские, так и иностранные, золото и серебро в слитках, сталь, железо и оружие [65].

Кроме хлеба, на меновых дворах горцы могли обменять свои "произведения" на соль, для чего и были построены соляные магазины. Для них из соляных озер Кавказской губернии должны были привезти 10 тысяч пудов соли [66].

Поскольку предполагалось не облагать пошлиной покупаемые и вымениваемые товары, то на меновые двory направлялись только казенные чиновники и приставы. Основной функцией последних был надзор за тем, "чтобы не впускать к горским народам запрещенных товаров". За работой приставов и другой администрации шести меновых дворов должен был наблюдать инспектор [67]. Планировалось также два раза в год проводить на меновых дворах ярмарки [68].

Как мы видим, меновая торговля должна была стать одним из важных средств развития региональной экономики, сближения славянского и горского населения. В январе 1812 года была разработана такса, по которой следовало производить обмен с горцами (таблица 20 Приложения).

Меновая торговля с горцами достаточно легко нашла свою нишу в экономике Кавказской губернии. Наличие на границах губернии меновых дворов давало возможность получить дополнительный доход жителям. Так, гражданский губернатор сообщал на Константиногорский меновый двор о том, что "Ставропольский 2 гильдии купец Плотников принял на себя комиссию доставить в меновый двор назначенное на первый раз количество соли" и что "нанятые им для сего фурщики, приняв соль на можарских озерах, отправились в немалом количестве по меновым дворам". Вследствие существования меновых дворов и купец Плотников, и нанятые им фурщики получали возможность для получения дохода. Поскольку меновые двory учреждались не на один день, а на длительный период, а запасы соли необходимо было пополнять, можно говорить о формировании устойчивых экономических связей, когда "капиталы действовали в рамках одной и той же цели – привлечения горцев на сторону России, и каждый – с выгодой для себя" [69].

За расходом соли также следил гражданский губернатор, смотрители меновых дворов должны были регулярно отчитываться перед ним. Цена за пуд соли назначалась 18,5 коп. [70].

Всем смотрителям меновых дворов приказывалось руководствоваться "мнением господина Главнокомандующего в здешнем крае генерала от кавалерии Александра Петровича Торماسова". Особое внимание смотрителей обращалось на то, что поскольку горцы "имеют вообще недостаток" хлеба и соли, то "от губернского правления обещано помещикам, городским и сельским обывателям, что предоставяется сим свобода доставлять всякого рода хлеб к меновым дворам".

Таким образом, у жителей губернии, производивших сельскохозяйственную продукцию, в первую очередь "хлеб разный", появилась еще одна возможность для сбыта излишков зерна.

Предметами непосредственного ведения смотрителей меновых дворов были также надзор за соблюдением "правил установленных для безопасности от занесения заразительных болезней", за качеством товаров и правильностью мер и весов, организация разбора споров между торгующими согласно "мнению" генерала Торماسова.

Если на меновые двory будет доставлено недостаточное для удовлетворения потребностей горцев количество хлеба, то гражданский губернатор, по предписанию главнокомандующего войсками на Кавказской линии и в Грузии должен был поручить уездным предводителям дворянства при содействии земских исправников "искупить и доставить проса коего горцы более другого хлеба употребляют в пищу себе".

По возможности смотрители должны были стараться, чтобы хлеб и соль обменивались на такие горские товары, которые можно было бы потом продать, чтобы компенсировать "издержки казны" [71].

Меновые двory прочно вошли в структуру экономики Кавказской области, да и кавказского региона в целом. Предложения Торماسова по организации меновой торговли оказались весьма реалистичными. Подтверждением сказанного может служить отношение кавказского вице-губернатора на имя министра финансов Российской Империи. В отношении говорилось, что по утвержденному в 1811 году проекту бывшего Главнокомандующего в Грузии и на Кавказской линии генерала Тормасова, учреждены шесть меновых дворов "для торга с горскими народами и особенно для продовольствия их солью".

Поставка соли и озер на меновые двory осуществлялась с помощью найма "вольных фурщиков". Меновая торговля, как и ранее, давала дополнительную статью дохода для тех, кто занимался извозом – в основном казенных крестьян. "Торговля в меновых дворах солью производится донныне сообразно проекту генерала Тормасова чрез вымен соли на представленные горцами и другими азиатскими народами заграничные продукты, которые смотрители принимают по той цене, какая на продажу соли установлена. Продаются уже оные по таксе на сии произведения утвержденную Губернатором или Начальником области" [72].

В крае, охваченном войной, меновая торговля, пусть не лишенная ряда недостатков, была одним из верных средств формирования вза-

имовыгодных связей между коренным и пришлым населением. Меновая торговля служила прежде всего политическим целям, об этом говорила и разница в ценах, по которым отпускалась соль, например, из Владикавказского соляного магазина. Так, по "билетам горским народам" соль отпускалась по 1 рублю за пуд; в кавказские линейные батальоны – по 1 рублю 40 коп. за пуд; по предписанию Владикавказского коменданта – по 2 рубля [73].

Из приведенного документа – приложения к рапорту смотрителя Владикавказского соляного магазина поручика Моргунова – видно, что торговля солью с горцами велась не столько с целью извлечения прибыли, сколько для привлечения горцев на сторону России. Основы подобной "ценовой политики" были заложены еще в 1811 году генералом Торماسовым.

Ряд товаров, как уже отмечалось, запрещалось "пропускать" к горцам. В числе этих товаров было железо. На первый взгляд, продавать его горцам действительно было рискованно, предполагалось, что они будут использовать его для изготовления оружия. Но были и иные мнения по поводу продажи горцам запрещенных товаров. Начальник Черноморской береговой линии Раевский в письме от 14 февраля 1839 года к военному министру графу Чернышеву предлагает разрешить продавать (или обменивать) железо горцам.

Свою позицию Раевский аргументирует. По его мнению, железо горцам "столь же необходимо, как и соль". Если легализовать торговлю железом с горцами на Северном Кавказе и Причерноморье, то "из рук турецких контрабандистов" она перейдет "в наши руки". Железные предметы нужны "для бесчисленных употреблений" и поэтому очень небольшая часть "обратиться на делание оружия". У горцев "нет недостатка в оружии", так что выгоды от легальной продажи им железа намного превысят неудобства, которые могли возникнуть из-за изготовления оружия. Точно также медь может "иметь большой сбыт в горах". А в "сие время", пишет Раевский, горцы получают медь из "Требизондских рудников чрез турецких контрабандистов" [74]. Несмотря на ряд разумных доводов, предложение это на практике применено не было.

Как одна из мер экономического воздействия на "непокорных" горцев применялось запрещение продажи им соли. Вместе с тем, многие из офицеров, служивших на Кавказе, понимали, что "одно из важнейших средств к прочному покорению полудиких горцев состоит в сбли-

жении их с нами". Сблизиться с горцами можно было при условии, что "выгода и необходимость будет побуждать их к тому" [75].

Исходя из этих соображений, генерал-лейтенант Головин, командующий Кавказским корпусом, в январе 1839 поручил генерал-лейтенанту Граббе, командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории, начальнику Кавказской области рассмотреть "пользы и невыгоды проистекающие от воспрещения отпуска соли горцам по соображениям местных обстоятельств" [76]. Об этом Головин сообщал военному министру генерал-адъютанту Чернышеву.

Генерал Граббе, изучив указанную проблему, докладывал Головину, что "свободный отпуск соли" горцам – "самое лучшее средство" для установления торговых контактов между горским и славянским населением Кавказа. Одновременно это заставит горцев прекратить "сношения с турками", поскольку цена, по которой они покупали соль на меновых дворах, во много раз ниже той, которую им приходилось платить туркам. Благодаря этому в скором времени прекратится и контрабандная торговля с "прибрежными" горцами. Запрещение же отпуска соли горцам неизбежно усилит их "сношения с турками и контрабандную торговлю" [77]. По этой причине генерал-лейтенант Граббе считал необходимым "разрешить на прежних основаниях отпуск соли по Кавказской линии, на всех меновых дворах" [78].

Середина 40-х годов XIX века на Кавказе – время перемен. В 1845 году на должность наместника в Кавказском крае был назначен князь Воронцов. Торговля, как он считал "есть одна из важнейших и действительнейших мер к сближению нашему с горцами, к упрочнению наших сношений с ними и к положению предела неприязненным их действиям..." [79].

Торговля с горцами производилась на меновых дворах, которых в Кавказской области в 1845 году насчитывалось 3, при карантинных заставах Прохладненской, Прочно-Окопской и Усть-Лабинской. О масштабах торговли с горцами солью говорят данные таблиц 21.1 и 21.2 Приложения.

Изменились при Воронцове и система завоевания Кавказа, и юридические основания меновой торговли. В соответствии с указом от 3 декабря 1845 года горским покупателям отдавались явные преимущества при покупке соли: русским соль продавали по 52 коп за пуд, а горским жителям по 28 коп. [80]. В 1846 году было принято "Положение о меновой торговле с горцами по Кавказской линии". Главной це-

лью "меновых сношений" признавалось "приобретение доверия горцев и ознакомление их с разными полезными и необходимыми для них потребностями". Расположение меновых пунктов должно было определить "кавказское начальство" [81]. Меновая торговля на Кавказе по-прежнему имела цели политические, но реализация этих целей достигалась путем формирования региональной экономики, комфортной как для коренного, так и для пришлого населения. Создание именно такого типа экономики способствовало бы прекращению вражды на Кавказе.

Провоз через Кавказскую линию товаров "как русских, так и горских", должен был осуществляться при соблюдении карантинных правил, как и ранее. "Дабы не стеснять" в этом отношении горцев рекомендовалось меновые дворы учреждать впереди таможенных и карантинных линий. Но даже если меновых двор находилась "по сию сторону линии", приказывалось "при таможенном осмотре и карантинном очищении... не делать горцам никаких обид и притеснений" [82]. Виновные должны были наказываться со всей строгостью.

Кроме соли, на меновых дворах горцы могли купить "все вообще товары и вещи, дозволенные к привозу...". Продавать горцы могли все товары горского происхождения, 73 наименования которых были перечислены в приложении к "Положению" [83]. В торговле на меновых дворах могли участвовать "русские промышленники", и более того, их участие только приветствовалось. Многие из купцов стали проявлять значительную заинтересованность в меновой торговле. Например, купец 3-й гильдии Иван Никонов подал главному попечителю докладную записку такого содержания: "... я принимаю на себя обязанность споспешествовать цели правительства открытием торговой связи с горцами, дабы усердием моим подать первый пример и прочим соотечественникам разделить участие в деле столь важном для России, вполне убеждаюсь, что развитие промышленности и мирной связи с данными племенами принесет ощутительную пользу..." [84]. За успешное развитие торговли с горскими народами купцы, наиболее активно проявившие себя в этом деле, отмечались денежными награждениями, даже медалями или освобождались частично от налогов. В материалах архива Ставропольского края есть, например, данные о том, что моздокский купец Иван Лебедев получил в 1848 году серебряную медаль "За полезное" на Анненской ленте [85]. Русское купечество на

Кавказе организовывало многочисленные ярмарки с участием жителей горских селений.

Для надзора за меновой торговлей создавался особый штат чиновников. Общий надзор за меновой торговлей поручался "Главному Попечителю меновых сношений с горцами на Кавказской линии". Он должен был состоять "под главным начальством Кавказского Наместника и ближайшем ведении Начальника Кавказской области" [86].

Основную обязанность главного попечителя и всех подчиненных ему чиновников состояла в том, чтобы "оградить горцев, производящих меновую торговлю, от всяких обид, притеснений, обманов и подлогов и чтобы добросовестно с ними поступали, вселяя в них полную к нам доверенность и охоту сближаться с нами" [87].

Наместнику кавказскому предоставлялось право для лучшего устройства меновой торговли регламентировать деятельность всех подчиненных ему властных структур. На него также возлагалась обязанность разбора возникающих "при торге споров и жалоб" [88].

Отличительной чертой "Положения о меновой торговле" 1846 года являлось постоянное подчеркивание того, что меновая торговля нужна в первую очередь для привлечения горцев на сторону России, для прекращения вражды, а также недопустимость каких-либо притеснений горцев в процессе торгового обмена.

Что же касается штата чиновников и служащих, ведавших меновой торговлей, а также объемов меновой торговли, то выглядели они следующим образом (см. таблицы 22.1 и 22.2 Приложения).

В 1846 году главным попечителем меновых сношений с горцами был назначен Василий Васильевич Щевцов. По "Положению" 1846 года организация меновой торговли на местах считалась компетенцией кавказской администрации. По предложению начальника Кавказской области генерал-лейтенанта Завадовского В. В. Щевцов разработал "Порядок управления меновой торговли с горцами" [89].

На каждом меновом дворе назначались торговые дни, не менее одного в неделю. Об этом делалось "повсеместно горским племенам на татарском языке письменное извещение". Торговый день мог быть перенесен или отложен из-за военной обстановки. На меновых дворах должны были наличествовать меры и весы, как подчеркивалось, "для отвращения злоупотреблений со стороны промышленников наших" [90]. Споры между торгующими сторонами разбирались четырьмя авторитетными представителями, по два "благонамеренных и известных чес-

тностью торговцев" с каждой стороны [91]. Для сохранения порядка в меновые дни могла назначаться "военная стража".

При карантинном очищении попечитель меновой торговли и подчинявшиеся ему чиновники должны были "предохранять горские народы от стеснения" [92]. Чтобы не отвозить обратно товары, оставшиеся от "одного менового дня" и вторично не подвергать их "карантинному очищению", разрешалось устраивать склады при меновых дворах, "под надзором избранных между собою сторожей". Сторожа́м этим смотритель двора "должен был покровительствовать".

В случае драки, воровства на крупную сумму, убийства или других тяжелых преступлений виновный арестовывался. Следствие производилось на месте, участие в нем "чиновников со стороны Попечителя" было обязательным. Если виновным оказывался горец, то решение по "его делу", "минуя судебные инстанции", принимал наместник кавказский. Когда виновный был "со стороны нашей", его отсылали в ближайшее военное или гражданское "судебное место, смотря по званию подсудимого" [93]. Приезд горцев с оружием на меновые дворы не допускался.

Одной из главных обязанностей попечителя был "надзор за торговой промышленностью", причем не только на меновых дворах, а везде, где шла торговля с горцами. Посредством торговли попечитель меновых сношений должен был привлекать "народов полудиких к занятиям более мирным и благоугодным", а в процессе торговых контактов – "защищать от притеснений и обид". Достижение поставленных целей достигалось путем "соблюдения строгой справедливости цене, мер, веса и доброты привозимых на мену товаров и изделий, устранения всяких сомнений горцев" [94]. Попечитель должен был всеми "благоразумными мерами сохранить постоянное согласие между обеими сторонами" [95].

Попечителю давалось право публикации в ведомостях известия о торгах с горцами, с тем, чтобы привлечь купцов из внутренних губерний России и из столиц. Кроме того, он следил, чтобы на каждом меновом дворе на видном месте находилась такса обмена горских товаров на казенную соль, на русском и "татарском" (т.е. на языке одного из горских народов) языках.

В обязанности помощника попечителя входили объезд меновых дворов, а во время объезда – "строгое наблюдение... за правильностью производимой торговли, открытие всяких малейших злоупотреб-

лений". От него требовалось "не допускать до обид обе торгующие стороны, но более защищая от стеснения горцев" [96]. Кроме того, он должен был проверять документы финансово-материальной отчетности, приход и расход казенной соли и "вымененных материалов".

Непосредственно на меновых дворах за ходом меновой торговли должны были наблюдать смотрители, стараясь "всемерно приобрести общее доверие торгующих горцев и русских промышленников". В его ведении находилась меновая и денежная торговля казенной солью, цену на которую определяло правительство. Результаты этой торговли должны были фиксироваться в шнуровых книгах, то есть подлежали строгой отчетности [97].

Как видно из рассмотренного выше документа, первоочередной задачей меновой торговли было привлечение горцев на сторону России, это подчеркивается практически в каждом параграфе. Важность торговли как таковой признавалась, но лишь как средства прекращения вражды между горцами и Россией.

Главный попечитель меновых сношений с горцами статский советник Швецов в августе 1847 года послал рапорт кавказскому наместнику Воронцову. В этом рапорте сообщалось, что "меновая торговля с горцами приняла полное свое действие по новому образованию на всех пунктах". Соль, по признанию Швецова, была первой "потребностью горцев, увлекающей их в другие товарные нужды" [98].

Далее Швецовым и управляющим гражданской частью в Ставропольской губернии Завадовским на каждом меновом дворе были учреждены "базарные дни еженедельно, для большего привлечения желающих для торговли" [99]. Впоследствии Швецов планировал "для большего оживления торговли и привлечения торгующих, учредить еще общегодовые съезды в виде ярмарок" [100]. Это начинание впоследствии было реализовано. О сроках ярмарок на различных меновых дворах делались сообщения в Ставропольской губернии и Кавказском линейном казачьем войске [101].

Прежде чем учредить ярмарки на меновых дворах, Швецову пришлось советоваться с военной администрацией края – начальниками центра левого и правого флангов Кавказской линии [102]. "Военные обстоятельства" накладывали свой отпечаток на экономические процессы. Торговля с горцами как раз и была направлена на то, что этих "военных обстоятельств" стало как можно меньше.

Несмотря на пожелание кавказской администрации, торговля солью с горцами развивалась не так стремительно, как того хотелось начальству. Попечитель меновых отношений Швецов в 1847 году требовал от смотрителей меновых дворов указать "с возможною подробностью обстоятельства ослабления меновой торговли" [103]. Анализ рапортов смотрителей меновых дворов о причинах упадка меновой торговли [104] позволяет заключить, какие факторы ей мешали.

Смотритель Усть-Лабинского менового двора доносил, что упадок "торговли или мены" в сентябре и октябре 1847 года произошел "от существовавшей у здешних закубанских народов эпидемической болезни холеры и последовавшей за ней лихорадки, чрез что сами народы сделались слабыми и не имеют возможности заниматься работой, не только для мены, но даже и уборка хлеба осталась у них неоконченной" [105]. Эпидемические болезни были одной из трагических сторон быта кавказских народов, она не могла не повлиять и на их экономические контакты. Только с приходом России на Кавказе стали предприниматься меры против эпидемий (см. главу 1).

Заведующий Червленим меновым двором, расположенным на территории Чечни писал, что на его меновом дворе горцы только покупают соль за наличные деньги, а "меновая торговля никакой не происходит". Это случилось потому, что горцы "разные продукты, изделия и вещи сбывают за красные товары торговцам чеченцам, живущим у крепостей Воздвиженской и Грозненской" и в ряде деревень. А эти торговцы привозили свои товары в города Моздок и Кизляр, в станции Наурскую и Червленскую, где продают или обменивают их "на красные товары из армянских лавок". Продавали торговцы свои товары и в крепостях "русским жителям и маркитантам, на наличные деньги". Лес горцы продавали в тех же крепостях "на постройку тамошним водворяющимся разным лицам" и для строящегося в Грозной военного госпиталя. Поэтому горцам гораздо выгоднее приезжать на меновый двор "порожними, чем возиться с тяжестью".

Причем стоит отметить еще одно немаловажное обстоятельство: в августе и сентябре "горцы немирные с кунаками своими" начали было приезжать на меновый двор за солью, а с октября их проезд прекратился. Причины такой перемены в том, что наибы Шамиля запретили "в горах жителям под смертною казнию не знакомиться с русскою стороною по торговым сношениям" [106].

Рапорт смотрителя Червленим меновым двором позволяет проследить торговый оборот горских товаров на Кавказе и с уверенностью заключить, что условия, на которых предлагали горцам продавать свои товары торговцы, живущие возле крепостей, были более выгодными, чем те, которые им предлагали на меновых дворах. Меновая торговля со стороны российских властей носила характер прежде всего политический, направленный на сближение с горцами. Запрещение набив Шамиля горским жителям ездить на меновые дворы – лучшее тому подтверждение. Из всех видов торговых сношений на Кавказе в тот период меновая торговля была наиболее подвержена влиянию обстоятельств военного времени.

С Прочно-Окопского менового двора смотритель рапортовал, что продажа соли "азиатам на деньги производится с давних времен". Меновая же торговля совершенно прекратилась в 1841 году, а до этого масштабы ее были весьма незначительны. Это было обусловлено тем, что "мирные азиаты" привозили свои "продукты и разные изделия для сбыта во внутрь области", благодаря чему познакомились с существующими там ярмарками и базарами, а значит, стали сбывать свои товары там с большей для себя выгодой [107]. Как и в предыдущем случае, обычная торговля оказывалась более выгодной для горцев, чем меновая.

В Тенгинском меновом дворе "вещей и продуктов вымененных у горцев на казенную соль" не было, так как в силу военно-политических обстоятельств с 9 по 22 декабря 1847 г. "не впускали в станицу азиат" [108].

Причинами упадка торговли в Бургустанском меновом дворе, по мнению его смотрителя, было наличие в окрестностях станиц Суворовской и Бекешевской "лавок с разными красными товарами". Владели этими лавками армянские купцы. Горские народы обменивали и продавали свои товары не на меновом дворе, а в этих лавках, так как это было более выгодно. Кроме того, казаки имели право свободной добычи соли со своих соляных озер, которую они продавали горцам по более низкой, чем на меновом дворе, цене [109].

Таким образом, причинами падения объемов меновой торговли были следующие факторы. Обстоятельства военного времени – либо военные власти не пускали горцев в российские владения, либо наибы Шамиля запрещали им всякие торговые сношения с русскими. Эпидемические заболевания не были на Кавказе редкостью, и зачастую

они не давали возможности горцам полноценно участвовать в процессе экономического обмена. Наконец, наличие в области (губернии) и за ее пределами более выгодных условий для сбыта горских товаров (купцы, лавки, торговля при крепостях и в городах, ярмарки, базары) не способствовало повышению популярности меновой торговли.

Но, несмотря на все перечисленные обстоятельства, меновая торговля была очень важным компонентом как экономического развития региона, так и "замирения" Кавказа. По сути дела меновые дворы, меновая торговля были как бы своеобразным буфером между горским и славянским населением. Благодаря наличию меновых дворов горцы, даже "немирные", стали приезжать на Кавказскую линию, в губернию, к крепостям, где уже знакомились с иными способами сбыта своих товаров, подчас более выгодными. Таким образом, экономический смысл существования меновых дворов – вовлечение горцев во взаимовыгодные торговые отношения с населением Ставропольской губернии. Политический смысл – "замирение" путем торговли, ведь война всегда экономически невыгодна для рядового обывателя. Убедить горцев, что торговать гораздо более выгодно, чем воевать было основной политической задачей меновых дворов.

Меновая торговля продолжала выполнять свои задачи и в последующие годы. Так, в 1849 и 1850 гг. она "простиралась" на сумму 507875 рублей [110].

Как уже упоминалось, соль на меновых дворах отпускалась горцам по специальной пониженной цене, что служит еще одним подтверждением политических целей меновой торговли. Правило это кавказская администрация стремилась строго соблюдать. Так, в 1848 году моздокскому жителю осетину Данилу Тамбулову из Прохладненского менового двора было отпущено 250 пудов соли по "уменьшенной цене, для горских народов установленной". Ставропольская Палата Государственных Имуществ сделала по этому поводу заключение, которое впоследствии подтвердил управляющих гражданской частью в Ставропольской губернии генерал-лейтенант Завадовский. Согласно этому заключению от 18 января 1849 года, с Тамбулова следовало взыскать в 64 рубля 84,5 копеек серебром, причитающихся казне.

Сумма эта составляла разницу между специальной ценой для горцев и ценой для всех остальных "поселян". Поскольку Д. Тамбулов был уже городским, а не горским жителем, соль ему следовало продавать по общей цене. Завадовский обязывал попечителя меновых сноше-

ний Швецова строго следить за тем, чтобы "подобных отпусков соли никому, кроме горских народов, не производилось", под его личную ответственность [111].

В ряде случаев меновые дворы играли роль в ликвидации угрозы голода у коренных народов Кавказа. В апреле 1849 года общее управление Ставропольской губернии обратилось к попечителю меновых сношений с просьбой. Суть проблемы состояла в следующем: у ногайцев и абазин произошел неурожай хлеба, и возникла угроза голода. Для "отклонения этого зла" и учитывая, что ногайское ополчение "чрезвычайно полезно по разным случаям", общее управление разрешило им покупать хлеб у жителей Кавказской линии и Ставропольской губернии. Предполагалось, что хлеб ногайцы и абазины будут провозить через меновые дворы "в места их жительства". Общее управление губернии в связи с этим просило содействия у попечителя меновых сношений, чтобы ногайцев свободно пропускали с хлебом через меновые дворы "в их имения" [112], что и было исполнено. Меновые дворы здесь исполняли роль своеобразного буфера между местными народами и славянским населением губернии.

Стоит еще раз вспомнить предложение начальника Черноморской береговой линии Раевского о том, что нужно отменить запрещение на продажу горцам железа. 9 сентября 1849 года общее управление Ставропольской губернии сообщило главному попечителю меновых сношений с горцами о решении командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории отменить запрет на вывоз за Кубань полосного железа. Аргументировалось это тем, что "воспрещение отпуска за Кубань железа не может быть строго соблюдаемо без нарушения других важных и полезных отношений наших к покорным племенам закубанским" [113]. Определенный риск того, что полосное железо может быть использовано для изготовления оружия, конечно, существовал, но он был невелик, так как оружия у горцев было достаточно. Гораздо более важным было то, что торговля железом из рук турецких контрабандистов переходила к российским меновым дворам, появлялось еще одно средство для привлечения горцев на сторону России.

Одним из основных принципов меновой торговли, согласно "Положению" от 1846 года, было привлечение на меновые дворы российских промышленников и купцов. Ставропольскому мещанину Свищову были предоставлены права купца третьей гильдии, поскольку он с 1844 по 1851 гг. торговал "за карантинной линией при станции Пришибинс-

кой" на меновом дворе. Торговать на меновом дворе Свищову разрешалось без уплаты гильдейских пошлин, купеческое свидетельство ему тоже выдавалось бесплатно. Льготы эти сохранялись до тех пор, пока Свищов с семейством будет торговать на меновом дворе. От начальства менового двора при станице Пришибинской требовалось ежегодное подтверждение деятельности Свищова [114]. Позднее Свищов был награжден медалью за торговлю с горцами [115]. Как видим, меновые дворы способствовали привлечению жителей Ставропольской губернии в торговые отношения с горцами [116]. Благодаря им формировались устойчивые экономические связи между разными группами населения, столь важные для развития региональной экономики.

До мая 1852 года цена соли на меновых дворах для горцев составила 28 копеек за пуд, для всех остальных – 52. Подобная ценовая политика была оправдана, об этом речь идет выше. Но 19 мая 1852 года командующий Отдельным Кавказским корпусом по представлению командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории "признал справедливым цену на продажу горцам соли сравнить с установленной для русских покупателей, то есть по 52 копейки серебром за пуд". Об этом сообщалось попечителю меновых сношений, в через него – зрителям меновых дворов [117]. Возможно, что причина этой меры – падение меновой торговли и покупка горцами соли только за наличные деньги.

Именно о такой ситуации рапортовал зритель Солдатско-Малковского менового двора. Причины такого положения вещей он видит в том, что такса на меню горских товаров очень низкая, а цена на соль – слишком высокая. Поэтому горцам было выгоднее свои товары продать маркитантам, живущим в окрестных станицах – Екатериноградской, Прохладненской, Марьевской, Павловской, Зольской, а соль купить у казаков [118].

50-е гг. XIX века – время ожесточенных схваток российских войск на Кавказе с отрядами Шамиля и его наивов. Военные действия, конечно же, влияли на торговые отношения между горцами и населением Ставропольской губернии. Начальник левого фланга Кавказской линии генерал-лейтенант Барятинский предписывал в ноябре 1852 году прекратить все "сношения с непокорными горцами". Если таковые явятся за солью, приказано было их арестовывать. Арестованных горцев, по предписанию Барятинского, следовало отправлять в арестан-

тские роты, товары их конфисковывались в пользу "поимщиков". Тех, кто был обличен в содействии непокорным горцам, в продаже им соли, ждала, кроме личного наказания, конфискация имущества в пользу того, кто "открыл это зло" [119]. Барятинский старался покончить с горским сопротивлением в максимально короткие сроки, используя для этого широкий арсенал методов. В описанном выше случае он пытался сделать непокорность российским властям экономически невыгодной.

В начале 50-х гг. меновая торговля на Кавказской линии начинает постепенно приходить в упадок, сокращается даже "отпуск казенной соли". Повышение цены на соль на меновых дворах почти в два раза заставляло горцев искать другие пути для ее приобретения. И они их находили – казаки продавали соль горцам по более низким ценам. Кроме того, надо учитывать, что горцами были сделаны запасы соли еще тогда, когда она продавалась по пониженной цене [120].

Однако все эти факты еще не служат доказательством ненужности и бесполезности меновых дворов. Просто к середине XIX века Россия уже сделала определенные успехи в экономическом освоении Кавказа. На границах с горскими народами появились казачьи станицы. Благодаря существованию меновых дворов горцы познакомились с самой возможностью регулярных торговых связей со славянским населением Ставропольской губернии. Поскольку в этих связях было заинтересованно государство, оно и стало их первым организатором. Торгуя на меновых дворах, горцы и жители губернии одновременно искали возможность для более выгодных торговых отношений. Понятно, что они ее находили. Торговать напрямую, а не через меновые дворы было намного лучше, даже если это нарушало правила. Меновая торговля была как бы переходной стадией от отсутствия всяких отношений к обычной торговле. Свою основную цель, таким образом, меновая торговля все же выполняла – горцы сблизались со славянским населением.

Рапорты с меновых дворов о том, что казаки продают горцам "кочемную" (т. е. контрабандную) соль, стали в 1853 году практически нормой [121]. Иногда казаки, чтобы скрыть торговлю солью от начальства, выезжали с ней как бы на полевые работы, а сами доставляли ее "на коши" и там "производят сатовку оной, по условию с горцами, съезжающемся на то место". Отправляясь из станицы на озеро за солью, казаки возвращались обратно уже с нагруженными пшеницей,

а не солью повозками [122]. Указанные факты служат подтверждением высказанных предположений.

Стоит признать, что 50-е гг. XIX века – время кризиса меновой торговли. Сыграв свою положительную роль, она изжила себя. Передача меновых дворов в откуп различным лицам были попыткой преодолеть этот кризис. В Ставропольской губернии откупы на торговлю солью на меновых дворах в 1853-1859 гг. находились руках пятигорского купца 1-й гильдии Крутицкого.

Дальнейшая практика показала, что от продажи соли в Ставропольской губернии "казна всегда получала ничтожнейший доход, который по временам был недостаточен даже для покрытия издержек на содержание соляного управления и магазинов". "Корчемство" солью подорвало даже откуп. Оно было "выгодно для всех сословий, а то сего и преследование оно по полицейским порядком до крайности затруднительно" [123]. Свободная торговля, таким образом, оказывалась в сравнении с зарегистрированной меновой гораздо более выгодной, как для горцев, так и для населения Ставропольской губернии.

2.3. ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАВКАЗСКОЙ ГУБЕРНИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ РОССИЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ НА КАВКАЗЕ

Для контроля над определенной частью пространства необходимо установить контроль над коммуникациями, проходящими через этот участок и ведущими к нему. "Коммуникационный контроль" является одной из самых древних форм контроля над пространством. Тем не менее, он "оказывает непосредственное воздействия на совокупную степень контроля государства над тем или иным пространством" [124].

На Кавказе с конца XVIII века перед правительством стояли две задачи, вытекающие одна из другой. Во-первых, необходимо было прекратить сопротивление местного населения установлению российской власти на Кавказе, а во-вторых, чтобы "замирить", а не просто завоевать Кавказ, превратить "чужих" в "своих", нужно было экономически освоить присоединенную территорию.

Для решения обеих задач необходимо было создание дорожной сети на территории Кавказской губернии. Дороги нужны были как для

быстрой переброски войск, военных грузов, продовольствия к месту военных действий, так и для развития экономики, торговли в губернии. "Значимые по движению дороги обычно совпадают с торговой деятельностью", связывая между собой рынки и наиболее крупные городские поселения. Часто совпадая с первыми, идут дороги, имеющие административное или политическое значение.

"Таковы, например, дороги соединяющие политический центр государства с внутренними областями, а также дороги, идущие к границам. Некоторые дороги прокладываются колонизационным потоком на новые, незаселенные места". В целом дороги "отражают потребность во взаимной связи и там, где зажигается жизнь и развивается деятельность населения, растет и сеть дорог" [125].

Все вышесказанное с полной долей уверенности можно отнести к Кавказской губернии, переименованной впоследствии в Кавказскую область, а затем в Ставропольскую губернию. Проложение дорог должно было стать как средством превращения Кавказа в российскую территорию, так и следствием этого процесса.

Через Ставрополье проходила главная дорога, связывавшая Россию с Кавказом – Черкасский тракт. Дорога, о которой идет речь, начиналась от Черкасска на Дону, пересекала задонские степи и проходила по восточному берегу Егорлыка. В первую очередь подлежали заселению территории, находившиеся в непосредственной от нее близости, поскольку это имело важное стратегическое значение. Казачьи станицы и села государственных крестьян должны были оказывать необходимую помощь проходящим войскам и проезжающим чиновникам. Основные формы такой помощи – квартирная, подводная, дорожная повинности.

Так, в 1784 году, на основании представления князя Потемкина, по большой почтовой дороге на пространстве между реками Малкою и Средним Егорлыком были основаны восемь поселений: Екатириноградская, Павловское, Марьинское, крепость Святого Георгия, Александровское, Северное, Московское и Донское. Спустя год к этим поселениям прибавились еще три – Сергиевское, Сабля и слобода Малка [126]. Большие незаселенные и экономически неосвоенные пространства затрудняли передвижение войск, грузов, чиновников, почты.

В рассматриваемый нами исторический период почтовое сообщение было практически единственным способом обмена информацией, в том числе между центром империи и ее окраинами. В 1799 году

последовал указ, согласно которому все письма и пакеты с московской и иностранной почтой в Санкт-Петербург доставлялись без остановки на промежуточных станциях с нарочными курьерами под названием экстра-почты [127]. Известия с кавказских и азиатских районов военных действий тоже доставлялись в Петербург экстра-почтой.

Дороги были необходимы как для реализации военных целей России в регионе, осуществления коммуникационного контроля над территориями, входящими в состав империи, так и для развития хозяйства и торговли. В начале XIX века Кавказская губерния имела целую сеть грунтовых дорог. Почти все они проходили через Ставрополь.

Большой Черкасский тракт соединял Петербург и Москву с Кавказом, он проходил от Черкасска через Медвежье, Преградное, Безопасное, Донское, Ставрополь, Старомарьевское, Александровское, Георгиевск, Прохладное и далее в Закавказье. Этот тракт имел особо важное государственное значение. По нему двигались войска и военные грузы, осуществлялась связь действующей армии с Петербургом. Кавказская администрация уделяла особое внимание заселению территории возле главного почтового тракта.

Большая дорога, называвшаяся Большой Сальской шла из Ставрополя через село Петровское, по левому берегу Калауса на Каменный брод через Маныч. По ней двигались купеческий транспорт со строевым лесом с Дубовской пристани на Волге.

На Екатеринодар из Ставрополя вела дорога через села Рождественское, Новотроицкое, Новоалександровское, станицу Темижбекскую вниз по Кубани, через Лабинскую крепость. Эта дорога связывала далее Екатеринодар с Таманским полуостровом и Крымом.

Дороги Кавказской губернии нуждались практически в постоянном ремонте, особенно весной и осенью. Ремонт дорог возлагался в основном на государственных и помещичьих крестьян. Существовал специальный дорожный сбор. Наличие финансовых средств давало возможность отдавать исправление дорог в ведение подрядчиков, которые, однако, не всегда добросовестно выполняли договорные обязательства.

А поскольку дороги играли важную роль в военной и экономической сферах, этот факт не мог быть оставлен без внимания верховной власти. 25 февраля 1808 года последовал указ императора Александра I [128], сущность которого заключалась в следующем. По "Предварительному о земских повинностях положению", изданному 2 мая 1805

года, в губерниях вводились всеобщие сметы и по ним "раскладывались на обывателей денежные сборы на исправление дорог, мостов, гатей, также на препровождение колодников". Они могли быть "отдаваемы по контрактам на подряд". Но из представленных министром внутренних дел князем А.Б. Куракиным сведений императору Александру I стало ясно, что из-за "неисполнения подрядчиками своих обязательств" многие дороги находятся в неисправном состоянии. "Местные начальства" требовали от подрядчиков выполнения работ, но большей частью безрезультатно. В такой ситуации губернское начальство было вынуждено проводить ремонт дороги и мостов силами государственных крестьян, которые подвергались двойной эксплуатации – они и вносили деньги, и исправляли дороги.

Постановляющая часть указа императора требовала, чтобы заключенные на исправление дорог контракты оставались "в своей силе до срочного времени", а губернское начальство должно строго следить за тем, чтобы условия этих контрактов исполнялись с особой тщательностью. "Неисправные" подрядчики должны были подвергаться наказаниям. По истечении срока действия контракты не возобновлялись, поскольку были "сопряжены с различными затруднениями и впоследствии обращаются в тягость народа".

Дорожная повинность впредь должна была "отправляться... на прежнем основании натурою", то есть ремонт дорог производился силами государственных крестьян "с наблюдением... самого возможного между обывателями уравнения". Этот указ был направлен кавказскому гражданскому губернатору Н.М. Картвелину министром внутренних дел Куракиным. Впоследствии дороги и мосты в губернии ремонтировались только силами государственных крестьян, изредка привлекались другие группы населения.

21 марта 1811 года Главноуправляющему в Грузии генералу от кавалерии Торماسову был направлен утвержденный императором указ Главного директора путей сообщения принца Георгия Голштейн-Ольденбургского. Согласно указу Тормасов должен был оказывать содействие начальнику IV округа путей сообщения. На этого чиновника возлагалась обязанность составить "планы, описания и сметы" для "усовершенствования" путей сообщения на всем пространстве между Кавказской линией и Военно-Грузинской дорогой [129].

Тормасову предписывалось "инженерных и других чиновников при устройении означенных дорог" предоставить ведению начальника IV

округа путей сообщения. Солдат, откомандированных для дорожных работ, исключить из полков и отдать в ведомство путей сообщения "для обращения в Пионеры" [130], т. е. в саперные войска, привлекавшиеся для дорожного строительства.

Необходимым компонентом хозяйственного комплекса Кавказской губернии были извозный промысел и подводная повинность. Он играл важную роль в доставке провианта для действующей армии. Управляющий Георгиевским провиантским депо генерал-майор Рейтер в 1811 году обращался к наказному атаману Войска Донского с просьбой помочь провиантским комиссионерам нанять фуры для перевозки с Подполинской пристани двухмесячной нормы провианта для войск Кавказской линии [131]. Наказной атаман, несмотря на все свои усилия, "вольных возчиков" найти не смог. Тогда войсковому правлению было приказано "немедленно приступить к наряду обывательских подвод" в таком количестве, чтобы провиант можно было доставить двумя транспортом до Средне-Егорлыцкого карантина Кавказской губернии, а оттуда на подводах "обывателей Кавказской губернии" он должен был быть направлен в провиантские магазины Кавказской линии. Командующий войсками на Линии генерал-лейтенант Ртищев сделал об этом соответствующее распоряжение [132].

Занимались извозом и помещичьи крестьяне. Так, крестьяне села Александровского, принадлежавшего Воронцовым, считали самым выгодным занятием для себя извоз или перевозку грузов по порядкам казенным и частным. Они перевозили в разные места хлеб, соль, а осенью из Кизляра вино. В осеннее и зимнее время извозом занимались почти все крестьяне, имевшие лошадей или волов. Иногда от сельского общества в год выставлялось 3000 фур и перевозилось до 240000 пудов различных грузов [133].

Частная инициатива иногда проявлялась в стремлении улучшить пути сообщения. Кизлярский дворянин Макар Зурабович Ломидзев обратился к гражданскому губернатору М.Л. Малинскому с прошением [134]. В нем описывалась следующая ситуация. В Кизлярском уезде на землях помещицы Тарумовой на "большой транспортной дороге" был устроен через реку Борозду паром. По этой дороге доставлялся провиант в магазины левого фланга Кавказской линии. Этот паром был единственным способом переправиться на другой берег реки. Ломидзев обращал внимание, что дорога, о которой идет речь, сначала была проложена только для перевозки провианта для войск, а уже

потом стала служить и для других надобностей. Этот факт достоин внимания в том плане, что лишний раз подтверждает наше утверждение о влиянии российского военно-политического присутствия в регионе на формирование гражданской экономической инфраструктуры, в том числе транспортной сети. К 1813 году этот путь стал "всеобщей коммуникационной дорогой"

Помещица Тарумова за пользование паромом взимает плату: "с подвод и ароб порожних от 15 до 20, а с тяжестью от 25 до 30 коп. с каждой" [135].

В 1813 году 2000 ногайских ароб, которые должны были следовать за провиантом, вынуждены были возвратиться назад "по неплатежу". Таким образом, снабжение войск Линии провиантом было поставлено под угрозу, а видя эту ситуацию, желающих подряжаться для доставки провианта в магазины становилось все меньше [136].

Ломидзев предлагал на месте парома за собственные средства построить мост. Казенные транспорты с любыми грузами в любое время в любом количестве должны были пропускаться бесплатно. С "частных людей" за пользование мостом следовало взыскивать "с порожних повозок и ароб по 10 копеек, а с тягостями по двадцать" [137]. Полученные средства направлялись бы на жалование караулу из трех человек и на починку моста. На таком же основании Ломидзев хотел построить мосты и в других местах. Но просьба его удовлетворена не была, помещица Тарумова оказалась достаточно влиятельной, чтобы сложившуюся ситуацию обернуть в свою пользу. В итоге постройка моста была возложена на помещицу с оставлением его в ее владении. Право помещичьей собственности на землю сыграло здесь решающую роль и взяло верх над рациональным предложением Ломидзева. Тем не менее, беспрепятственное снабжение войск было восстановлено.

По территории Кавказской губернии осуществлялось практически постоянное передвижение войск, что было обусловлено военно-политической ситуацией на Кавказе. Обеспечение войск в период передвижения питанием, транспортом, ночлегом осуществлялось жителями губернии. В марте 1814 года александровский городничий Завацкий сообщил гражданскому губернатору Малинскому, что горожане Александровска "крайне стесняются". Происходит это потому, что "все проходящие воинские партии и команды идут не прямой дорогой, как следует на Северную станицу и на селение Калиновку", а нарушают маршрут. "Прогонные же деньги за подводы" платят только за то "чис-

ло верст, какое считается от Александрова до Северной станицы". В связи с этим гражданский губернатор приказал Александровскому земскому исправнику следить за тем, чтобы маршрут не нарушался [138].

Из приведенного выше документа видно, сколь важную роль играло наличие населенных пунктов по маршруту движения войск. В 1816 году из Главного Штаба поступило указание подать сведения о дорогах Кавказской губернии и возможностях для постоя войск. В связи с этим была составлена "Ведомость Большим, Средним и Малым дорогам, расположенным по Кавказской губернии" [139]. В этой ведомости указывались села и города, расположенные по дорогам, число дворов в них и расстояние в верстах от одного села до другого.

Протяженность большой почтовой дороги в 1817 году составляла 504,5 версты. От губернского города Георгиевска до границ Войска Донского протяженность этой дороги составляла 367,5 верст, а до границ Астраханской губернии – 137 [140]. Содержанию этой дороги в исправности властями губернии уделялось повышенное внимание, поскольку от этого зависела скорость обмена информацией между столицей России и одной из ее губерний. Кроме того, по этой дороге часто двигались войска, направлявшиеся для сражений с горцами или на русско-турецкие и русско-персидские войны. Движение войск осуществлялось в основном по большим и средним дорогам.

Согласно изданному в 1817 году "Общим правилам о дорогах" все дороги, в соответствии с их значением, делились на четыре разряда: к первому относилась только дорога между Петербургом и Москвой; ко второму – главные или генеральные тракты, то есть дороги, идущие от столиц к границам государства и связывающие губернские города; к третьему – следовало отнести дороги между уездными городами, а к четвертому – проселочные дороги. Дорога от Петербурга до Москвы вверялась непосредственному заведованию Главного Управления путей сообщения [141].

Дороги второго, а также третьего разрядов обслуживались местными жителями и были вверены попечению губернаторов. Губернаторам было указано довести дороги до ширины 30 сажен, составить точные карты этих дорог. Дороги третьего разряда повелевалось довести также до тридцатисаженной ширины, но постепенно, доведя сначала до десяти сажен. Ширина проселочных дорог должна была составить три сажени, но обращалось особое внимание на приведение в исправ-

ность мостов на тех проселочных дорогах, которые вели к каким-либо важным пунктам или были необходимы для передвижения войск [142].

Власти губернии не только стремились содержать дороги в исправности, но пытались сделать доставку почтовой корреспонденции более удобной и безопасной. Кавказский гражданский губернатор предложил перевести почтовую станцию из станицы Северной в селение Калиновку [143]. Причина этого – "крайне гористая и опасная для проезда" дорога от города Александрова через станицы Северную и Сергиевскую к городу Ставрополю.

Новая же дорога, проложенная от Александрова на Ставрополь через селение Калиновку, была сопряжена с гораздо меньшим риском. Предложение гражданского губернатора было утверждено начальником губернии генералом Ермоловым и министром внутренних дел графом В.П. Кочубеем [144].

В 1824 году в Кавказской области насчитывалось 30 почтовых станций, расстояние между ними составляло от 15 до 32 верст (это зависело от источников воды). С началом русско-персидской войны в 1826 году через Кавказскую область стал проходить маршрут экстра-почты, доставлявшей срочные военные донесения из Тифлиса в Санкт-Петербург. Почта "служила одним из средств русского господства в крае". На более опасных участках дороги почту сопровождал сильный казачий конвой, которому в некоторых случаях придавались даже пушки, но и они не всегда помогали. Так, в 1827 году около Георгиевска почтовая эстафета была настигнута горцами, которые убили одного из казаков, а почтальона, ямщика и остальных казаков увели в горы. После этого было отдано распоряжение, чтобы конвой при почтах состоял днем из восьми, а ночью из 12 казаков [145]. Появление почтовых станций на территории Кавказской области, движение почтовых эстафет были признаками, позволяющими говорить о превращении Центрального Предкавказья в часть Российской Империи не только декларативно, но и фактически. Правительство было крайне заинтересовано в бесперебойном информационном обмене с окраинами империи, на которых еще шла война, и почтовые станции Кавказской области играли в этом процессе первоочередную роль.

По дорогам Кавказской области проходили войска на Кавказскую линию, а оттуда – в Грузию. Это движение было особо активным в период русско-персидских и русско-турецких войн. В течение 1827 года были выведены с Кавказкой линии на войну с Персией три пехотных

полка – Тенгинский, Навагинский и Кабардинский, две пионерные роты, сборный казачий линейный полк, два конных полка Черноморского войска, полурота казачьей артиллерии и одни пеших казачий полк. Командование войсками Кавказской линии в этом году принял генерал Эмануэль [146].

Для прикрытия транспорта с провиантом была сформирована рота из состава Ставропольского гарнизона, которая тоже была направлена в Грузию. В 1828 году были потребованы с линии для пополнения действующей армии из резервных батальонов двадцатой пехотной дивизии 1120 человек старослужащих, замененных рекрутами [147]. Рекрутские партии двигались по территории Кавказской области. Задача их обеспечения во время следования к пункту постоянной дислокации возлагалась на крестьян селений, расположенных в непосредственной близости от дороги.

Тенденция отправки подготовленных войск с Кавказской линии на войну и замена их рекрутами сохранилась и в последующие годы. "Неблагоприятный поворот дел на азиатском театре военных действий, вследствие ненадежного мира, заключенного с Персией, которая находилась в тайных сношениях с турками, разгром нашей миссии в Тегеране, потребовали усиления войск действующего корпуса в Азиатской Турции" [148].

Секретным предписанием 26 февраля 1829 года граф Паскевич приказал генералу Эмануэлю направить с линии в Грузию два батальона Навагинского полка в составе 2000 человек, два сборных казачьих полка – каждый в 500 всадников и 6 конно-линейных орудий. Взамен на линии оставалось 1000 рекрут из 12000, назначенных на пополнение войск Отдельного Кавказского корпуса [149]. Как мы видим, кавказские войска в случае войны в Азии выполняли роль резерва обученного и опытного воинского контингента. Маршрут, по которому происходило пополнение войск, проходил по Кавказской области, состояние дорог здесь играло важную стратегическую роль.

С потребностями обеспечения армии был связан главный промысел крестьян Кавказской области – извозный. Крестьяне, кроме того, что занимались хлебопашеством, большую часть года перевозили военные грузы, а по найму купцов – строевой лес, доски, деревянную посуду, железные изделия из Ростова, Екатеринославской и Саратовской губерний. К примеру, чиновник Кавказской Казенной Палаты Пармалин рапортовал в 1827 г. Кавказскому вице-губернатору Е.И. Меч-

никову о том, что однодворец Себотаев из селения Михайловского подрядился на перевозку с Аристовской пристани казенного спирта [150].

Одним из показателей, свидетельствовавших о развитии транспортной инфраструктуры, было увеличение протяженности дорог Кавказской области. Так, длина большой почтовой дороги, о которой уже шла речь, составила в 1827 г. 763,5 версты [151]. Для сравнения – ее длина в 1817 году была равна 504,5 верстам. Увеличение протяженности дороги говорило о постепенной колонизации области. Наличие сел вблизи дорог, в свою очередь, давало возможность для доставки почтовой корреспонденции, позволяло войскам во время следования получать пропитание, транспорт – подводы, а также ночлег. Увеличивалось и число почтовых станций, что также свидетельствовало о развитии путей сообщения. В 1832 году в Кавказской области имелась 41 почтовая станция. В 1824 их было 30.

Россия, держава с большой территорией, должна была постоянно заботиться о транспортных коммуникациях. В 1833 году высочайше утверждены "Правила об устройстве и содержании дорог в государстве" [152]. Все дороги империи разделялись на 5 классов: 1) дороги главного сообщения; 2) дороги большого сообщения; 3) дороги обыкновенного почтового сообщения (губернские); 4) дороги уездного почтового и торгового сообщения; 5) дороги проселочные и полевые. Дороги первых двух классов определялось превратить постепенно в шоссе. Дорог главного сообщения в Кавказской области не было. Дороги большого сообщения должны были иметь прочный профиль и содержались за счет земства [153].

Дороги приобрели жизненно важное значение для обеспечения кавказских войск продовольствием. Главноуправляющий на Кавказе генерал-адъютант барон Розен в 1835 году обращался к кавказскому гражданскому губернатору барону Таубе. Суть вопроса заключалась в следующем: из-за паводков на реках в районе Кизляра пришла в негодность дорога, по которой должно было доставляться продовольствие в магазины левого фланга Кавказской линии. Розен требовал доставить провиант другой дорогой, более длинной, возлагая на всех местных начальников обязанность помогать транспортной команде. Перед кавказским гражданским губернатором и кизлярским комендантом ставилась задача скорейшего восстановления дороги, "дабы чрез задержку не оказалось недостатка в продовольствии войск" [154].

На Кавказскую область возлагались обязанности обеспечения продовольствием войск Кавказского корпуса и транспортная инфраструктура играла в этом процессе одну из важнейших ролей.

Большое значение, как для экономики Кавказской области, так и для снабжения войск Кавказского корпуса имели дороги, ведущие начало от пристаней на Каспийском море. Гражданский губернатор Семенов в 1838 году приказывал Кизлярскому окружному начальнику начать проложение новой дороги от недавно учрежденной Серебряковской пристани до станции Таракано-Бугровской [155]. Обслуживание дорог, поддержание их в рабочем состоянии возлагалось на крестьян: "... исправление дорог и построение состоящих на большом Черкасском тракте в Ставропольском округе деревянных мостов, производилось и производится уравнительно теми же самыми обществами казенных селений, которые причисляются к трактовым селам для отбывки постоянной и подводной повинностей" [156].

Нельзя сказать, что дороги и мосты в области всегда находились в хорошем состоянии. Ставропольский земский исправник Петровский в своем рапорте от 25 февраля 1839 года на имя гражданского губернатора Семенова описывает следующую ситуацию. Проезжая по делам службы по Черкасскому тракту, он обнаружил, что "все состоящие на этом тракте мосты от ненастной погоды заметно повреждены", а мост в селе Московском разрушен вовсе. Прибыв в это село, чиновник узнал, что "местное начальство несколько не заботится о целостности и прочности мостов". Петровский приказал начать исправление моста, но на обратном пути увидел, что новый мост построен из гнилого леса. Убедившись в нерадивости "местного начальства", земский исправник вносит предложение сделать мост каменным, а не деревянным [157].

Инспекция состояния трактов и мостов, описанная выше, была не единственной. Проанализировав результаты всех подобных проверок, Кавказская Палата Государственных Имуществ в марте 1839 года представила гражданскому губернатору правила содержания "мостов по трактам", которые вскоре были утверждены. Во-первых, мосты по дорогам, особенно по большим почтовым трактам, должны были содержаться в исправности. Обязанность их исправления возлагалась на "волостные и сельские начальства". Во-вторых, серьезные поломки мостов должны были исправляться незамедлительно. В-третьих, повинность по исправлению мостов должна была равномерно распределяться между сельскими обществами. В-четвертых, особое внимание

обращалось на "мосты по большому тракту, и на те из проселочных трактов, чрез кои по маршрутам проходят военные команды или провозятся военные тяжести". Близость территории военных действий накладывала свой отпечаток. На Кавказскую область возлагалось обеспечение российских войск на Кавказе, для этого нужно было в исправности содержать дороги [158]. Не только содержание дорог в исправности, но зачастую и перевозка грузов или людей возлагалась на казенных крестьян, отбывавших подводную повинность. Так, крестьянам приходилось осуществлять помощь в транспортировке воинских грузов и команд, арестантов, солдатских жен, идущих на поселение к мужьям, чиновников, едущих по казенным надобностям [159].

Почты Кавказской области находились в ведении VIII окружного почт-инспекторства с центром в Тифлисе. Чиновники этого ведомства периодически проверяли состояние почт в области. Во время своих инспекций они обращали внимание на расстояние между почтовыми станциями (по высочайшему указу от 17 января 1797 года – не более 30 верст), но в Кавказской области этот норматив довольно часто нарушался. Местоположение станций зависело от наличия источников воды, степени заселенности того или иного района области. Объектами инспектирования также были состояние дорог, здоровье и количество почтовых лошадей на станциях, скорость движения почт [160].

Почты и дороги Кавказской области, по словам инспекторов VIII почтового округа, имели ряд недостатков. Состояние дорог, скорость почтовых сообщений были общей бедой для России XIX века, Кавказская же область стала осваиваться Россией сравнительно недавно, поэтому в наличие разного рода недостатков было явлением вполне естественным. Однако почты Кавказской области имели особое значение. Они позволяли имперскому центру осуществлять коммуникационный контроль, обмениваться информацией с регионами, которые недавно вошли в состав России и были объектом соперничества ее с другими державами. По состоянию на май 1842 года в Кавказской области было 45 почтовых станций.

Зачастую почтовые станции помещались "в домах казенных поселян, без всякого за то вознаграждения хозяев". Так было в селах Летницком, Среднегорлыцком и Песчанокопском с 1825 г. Только в 1839 году было принято решение об освобождении хозяев этих домов от постоянной и подводной повинностей, в денежном вознаграждении им было отказано [161]. Дома на почтовых станциях Павловской, Саб-

линской, Базовой Балке, Московской, Медвеженской и Среднеегорлицкой в 1841 году были плохо отремонтированными и потому непригодны для ночлега в холодную и ненастную погоду [162]. Происходило это из-за недостатка средств. Поскольку через эти почтовые станции проходил "Главный тракт Кавказской области" – "от границ Войска Донского в Грузию", средства на ремонт домов нашли, 23 марта 1842 года они были приняты актом [163].

Военная администрация Кавказской области строго следила за тем, чтобы мосты и переправы через реки находились в исправности, так как от этого зависела скорость передвижения войск, снабжение действующей армии продовольствием. Штаб войск Кавказской линии и Черномории в августе 1839 года обратился к кавказскому гражданскому губернатору с просьбой восстановить мост через реку Малку, который был разрушен паводком. Казаки станицы Екатериноградской Горского казачьего полка сначала перевозили грузы на лодках, а потом ими была сделана временная паромная переправа. Тем не менее, от наличия прочного моста на реке Малке зависела своевременная "подвозка продовольствия для войск, расположенных по военно-грузинской дороге" [164].

От этой переправы "на реке Малке близ станции Екатериноградской" зависело также быстрое и безопасное движение почт "из Москвы в Тифлис и обратно". "Тяжелая почта", то есть грузы, отправленные из Москвы в Тифлис и из Тифлиса в Москву, переправлялись на лодках, принадлежавших 2 роте 8 линейного батальона. Однако это создавало угрозу для сохранности "тяжелой почты", и поэтому VIII окружное почт-инспекторство также требовало от кавказского гражданского губернатора восстановления моста [165].

Ремонт дорог и мостов находился в ведении кавказского гражданского губернатора. Но, несмотря на это, исправлением мостов иногда приходилось заниматься и казакам Кавказского линейного казачьего войска. Так, весной 1840 года были снесены мосты на реках Калаусе и Сабле, из-за чего прервалось сообщение через почтовые станции Сергиевскую и Саблинскую, находившихся на землях Кавказского линейного войска. На важность восстановления сообщения обратил внимание гражданского губернатора Наумова областной начальник генерал Граббе, так как эти мосты лежали на большой почтовой дороге [166]. Чтобы не было задержки в почтовом сообщении и движении войск "до получения всякого пособия от Гражданского Ведомства, перепра-

ва через реки Калаус и Саблю... казаками Хоперского полка восстановлена" по распоряжению наказного атамана войска генерал-майора Николаева [167]. Впоследствии областной начальник настоятельно требовал от гражданского губернатора, чтобы исправление мостов производилось силами "гражданского ведомства" [168].

Позднее, в мае 1841 года наказной атаман Николаев обратился к гражданскому губернатору Хомутову с просьбой приписать "казенные и помещичьи селения и казачьи станицы для исправления военных трактовых дорог" [169]. В 1841 году по Кавказской области пролегали три военные дороги: первая – от Ставрополя до Кизляра, к этой дороге крестьяне и казаки были приписаны; вторая – от Ставрополя через станицу Рождественскую до Черномории; третья – "от Черномории вверх по Кубани до Баталпашинска, а оттоль до Пятигорска" [170]. К последним двум дорогам "казенные обыватели" и помещичьи крестьяне приписаны не были, наказной атаман просил это сделать (таблица 23 Приложения).

Починка дорог была достаточно серьезной и важной проблемой в Кавказском крае. Еще в 1839 году командир Кавказского корпуса генерал Головин в рапорте военному министру генерал-адъютанту графу Чернышову предлагал деньги, выделенные на дорожное строительство на Кавказе, в том числе в Кавказской области, направить на ремонт старых дорог, а не на строительство новых. Это позволит, по его мнению, привести уже существующие дороги в "удобное для пользования состояние". Новые же дороги потребуют гораздо более значительных сумм, чем выделены, тем более что, неизвестно, когда новые дороги начнут функционировать. Другую часть средств он предлагал направить на наем рабочих, сформировать для дорожных работ военно-рабочие батальоны [171]. Предложение Головина было достаточно рациональным. Приведение в порядок существующих транспортных коммуникаций, создание постоянного штата тех, кто будет этот порядок поддерживать – все эти меры могли бы существенно улучшить дорожное сообщение в кавказском крае, в том числе в Кавказской области.

В то время, когда продолжались военные действия на Кавказе, дороги играли стратегически важную роль. Они служили материальной основой для коммуникационного контроля империи над присоединяемыми окраинами. Важную роль в осуществлении этого контроля играла скорость почтового сообщения. В рассматриваемый период

почта была чрезвычайно важна, поскольку являлась практически единственным каналом обмена информацией между различными частями империи. В непосредственной близости от района боевых действий значимость почты еще более возрастала, так как при их посредстве центр получал сведения о ходе боевых действий, а командование войск – приказы центра.

В 1840 году Николай I повелел доставлять корреспонденцию из Тифлиса "по важности получаемых известий о положении дел наших на Кавказе и за Кавказом" вместо одного, два раза в неделю [172]. Доставка этой корреспонденции осуществлялась экстра-почтой. Почт-инспектор VIII округа именно поэтому настоятельно требовал от кавказского гражданского губернатора ускорить доставку экстра-почт по вверенной ему территории. Дело в том, что имели место "большие промедления" экстра-почт во время их движения по Кавказской области. Происходило это по причине "худости лошадей" [173].

По этой причине почтовый департамент МВД поручил почт-инспектору "иметь бдительное наблюдение за поспешнейшим ходом экстра-почт". А почт-инспектор в свою очередь требовал от гражданского губернатора "чтобы почты возились так скоро, как только возможно". Для этого требовалось "изнуренных и слабосильных или неспособных курьерских лошадей заменить самыми лучшими выездными и надежными для скорой гоньбы". Кроме того, надзор за скоростью следования почт со стороны губернатора и полиции должен был стать более строгим [174].

При "обревизовании" в 1842 году Ставропольской, Старомарьевской и Базовобалковской почтовых станций обнаружилось, что хотя лошадей на них достаточно, но многие из них "пришли в крайнее истощение от испортившихся до чрезвычайности от ненастного времени дорог и по большому почтовому разгону" [175]. Содержателям почтовых станций было приказано заменить истощенных лошадей новыми за свой счет в семидневный срок. [176]. Подобные распоряжения были сделаны на станциях Песчанокопской [177], Донской, Безопасной, Преградной и Медвеженской [178].

Контроль за состоянием дорог осуществлялся как центральными, так и местными властями. Циркуляр МВД от 10 сентября 1842 года требовал от гражданских губернаторов следить за тем, чтобы ширина дорог была не уже установленной, особенно "на больших дорогах, ведущих к столицам. По обе стороны этих дорог должно было оставаться

пространство для прогона скота" [179]. Факт существования такого циркуляра свидетельствует о важном экономическом значении дорог Кавказской области, снабжавшей скотом столицы России.

Многие особенности экономического развития Кавказской области были связаны с тем, что ей приходилось обеспечивать потребности войск, следовавших через ее территорию на Кавказскую, русско-турецкую или русско-персидскую войны. В Российском государственном военно-историческом архиве хранится документ, озаглавленный "об удобствах квартирного размещения родов войск" [180]. В нем содержатся сведения о количестве населения Кавказской области, сухопутных сообщениях по ее территории, госпиталях, местах, удобных для размещения штабов. Все это говорит о том, что Кавказская область представляла собой плацдарм, базу для военного контингента, действовавшего на Кавказе. Формирование различных сегментов экономической инфраструктуры области было, таким образом, связано с удовлетворением потребностей этого контингента (таблица 24 Приложения).

При описании тех или иных дорог области обязательно указывались наиболее удобные маршруты для следования войск и перевозок грузов. Главным и "наиболее посещаемым путем" Кавказской области считалась почтовая дорога, идущая из Ростова через Ставрополь, Георгиевск и Екатериноградскую станицу в Грузию. Чтобы сократить путь от селения Среднегорлыцкого, лежащего на границе области до города Ставрополя, воинским частям рекомендовалось воспользоваться проселочной дорогой, проходившей через село Белую Глину, станицы Успенскую и Новотроицкую. Именно этой дорогой воспользовалась во время следования на Кавказ 14 пехотная дивизия в 1840 году [181].

Данный документ далеко не единственный, содержащий такого рода информацию. В "Описании Кавказской области" встречаем сведения, что дорога от селения Безопасного до городов Моздока и Кизляра лишена тех недостатков рельефа, которые присущи почтовому тракту. Дорога эта проходила через села Терновку, Кугульту и Константиновское и была "удобна для движения всякого рода войск с их тяжестями и есть самая кратчайшая" [182].

Почтовая дорога Кавказской области была признана неудобной для движения воинских команд как из-за сложностей рельефа, так и из-за "неудобств для ночлегов... в некоторых селениях... лежащих от селения Среднего Егорлыка" до города Ставрополя [183].

Новый маршрут движения воинских команд через Кавказскую область выглядел следующим образом (таблица 25 Приложения).

На этот тракт переводились с прежней почтовой дороги, как провиантские магазины, так и этапные команды. Во всех селениях и станицах, лежавших "на новом тракте" должны были быть приготовлены ночлеги [184]. Крестьяне тех селений, через которые следовали воинские партии, должны были их кормить. Но партионные офицеры не могли обращаться к крестьянам "ни с какими прихотливыми требованиями, и ограничивались бы в продовольствовании команд только тем, что крестьяне дать могут" [185].

1843 год был достаточно тяжелым для войск Отдельного Кавказского корпуса, убыль среди личного состава была высокой. На пополнение подразделений Кавказского корпуса были направлены рекруты набора 1843 года в составе 11-ти маршевых батальонов, которые 1 октября 1844 года должны были прибыть в Ставрополь. В связи с этим администрация Кавказской области должна была распорядиться о сопровождении этих батальонов, отводе или "в пути" квартир и "заготовление по 20 обывательских подвод" [186].

По прибытии в Ставрополь рекрутам, "по примеру прошлых лет", был "дан временный отдых" [187]. Рассмотренный выше эпизод позволяет утверждать, что на Кавказскую область было возложено обеспечение не только действующей армии, но вообще всех войск, проходивших через ее территорию. Таким образом, дороги, почты, села, расположение рядом с дорогами, города должны были функционировать как единый хозяйственный комплекс. От успешности его функционирования зависела реализация геополитических целей России на Кавказе.

Почты – единственное в то время средство информационного обмена – часто подвергались на Кавказе нападениям. Так, представлением от 3 апреля 1843 года Ставропольская областная Почтовая Контора сообщала, что "корреспонденция простая и денежная, следовавшая во Владикавказ, Душет и Тифлис" была "отбита горскими хищниками" вблизи Архонского укрепления [188].

Наместник Кавказа Воронцов был известен не столько своими военными подвигами, сколько рядом значительных преобразований в гражданской сфере, в сфере экономики и культуры. Основываясь на докладе одного из своих чиновников, Воронцов сделал строгое замечание кавказскому гражданскому губернатору по поводу "разстроено-

го положения, в котором находятся почтовые станции по тракту в Ставрополь" [189].

Движение почты в разных направлениях в середине 40-х гг. XIX века обеспечивало наличие системы из четырех почтовых трактов Кавказской области. Главный тифлисский тракт шел от Москвы в Грузию через Тулу, Воронеж, Новочеркасск и Ставрополь. Второй почтовый тракт, астраханский, проходил через Астрахань, Екатериноград, Кизляр и Моздок. Третий, царицынский тракт, связывал Ростов-на-Дону с Черноморией. Четвертый, анапский тракт, соединял Ставрополь с Анапой [190].

Одним из признаков обустроенной дороги в изучаемый период были верстовые столбы. В 1846 году наместником Кавказа было утверждено предложение Кавказской Палаты Государственных имуществ об устройстве "верстовых и указательных знаков по дорогам, пролегающим через казенные селения Большого Черкасского тракта" [191].

Создание экономической инфраструктуры Кавказской губернии (впоследствии Кавказской области и Ставропольской губернии) было подчинено в первую очередь удовлетворению потребностей, связанных с решением Россией военно-политических проблем на Кавказе. Экономические интересы жителей губернии не всегда принимались во внимание. Например, ставропольский городской глава предлагал для удобства торгового обмена между Ставропольской и другими губерниями через "Калмыцкую степь от Ставрополя к Царицыну" учредить почтовый тракт "или хотя и проселочный, но с поселением на нем русских жителей" [192], однако его предложение так и осталось на бумаге.

Вопросы, связанные с качеством дорог, с регулярностью почтового сообщения, волновали не только гражданские власти, но и военных. Курьерам, доставлявшим в войска "денежные суммы", платили "двойные прогоны", в случае, если тем приходилось ехать по дорогам, лишенным почтового сообщения [193]. Управляющий гражданской частью в Ставропольской губернии генерал-лейтенант Завадовский требовал от Ставропольского гражданского губернатора скорейшего налаживания почтового сообщения на дорогах губернии, чтобы "двойных прогонов уже не производить" [194]. Интересы армии и общества здесь совпадали, от степени развитости дорожно-транспортной инфраструктуры Ставропольской губернии зависела обеспеченность войск

Кавказской линии и Кавказского корпуса материальными и информационными ресурсами.

Дороги губернии часто приходилось ремонтировать, они страдали от сезонных ненастий. Наиболее вескими аргументами для привлечения дополнительной рабочей силы и ускоренного ремонта поврежденного участка дороги было то, что по этой дороге проходят войска. Весной 1848 года возле слободы Александровки, принадлежащей М.С. Воронцову, были разрушены два моста на реке Куме. Управляющий имением Воронцова Иван Скляров обратился с просьбой к Ставропольскому гражданскому губернатору заставить казенных крестьян села Новогригорьевского, расположенного с другой стороны Кумы, принять участие в ремонте мостов, от чего те отказывались. Желая убедить гражданского губернатора в том, что мосты играют важную роль, Скляров указывал, что через них "проходят нередко казенные транспорты и воинские команды" [195]. Решением гражданского губернатора и Ставропольской Палаты Государственных Имуществ казенные крестьяне села Новогригорьевского были "понуждены" принять участие в ремонте мостов [196]. На том же основании – обеспечить "проход войск и рекрутских партий" с привлечением казенных крестьян села Петровского через реку Калаус был построен "прочный каменный мост" [197].

Сухопутные сообщения играли доминирующую роль в Кавказском крае, а частности в Ставропольской губернии. Капитан Забудский писал, что реки Кавказского края "несудоходны и что ими нет возможности пользоваться как путем сообщений, для доставления различных потребностей для войск или для развития торговли и промышленности; перевозка всех предметов для Кавказского края производится сухим путем" [198]. Данное заключение, сделанное в 1851 году, подчеркивает важность ежегодного и ежемесячного ремонта дорог и мостов, производимых в основном государственными крестьянами губернии. Иногда для этих целей привлекались военно-рабочие батальоны. Кроме того, заключением Забудского подтверждается правота утверждения М.И. Васильева о первостепенном значении сухопутных, а не водных сообщений в России X – начала XX веков [199].

Мосты были одним из самых уязвимых звеньев в цепи дорожных сообщений. Военные, которые были крайне заинтересованы в надежных коммуникациях в Ставропольской губернии, сами часто занимались строительством дорог и мостов. Подполковник Корпуса инженеров военных поселений Иванов получил разрешение наместника

Кавказа на строительство каменного моста через реку Подкумок вблизи Георгиевска [200].

Наместник также распорядился в 1852 году отпустить Иванову необходимое количество пороха бесплатно, как это всегда делалось "на все дорожные работы на Кавказе, для рванья камня, и свинца, сколько потребуется, по казенной стоимости". Камень также разрешалось добывать бесплатно. Строили мост солдаты военно-рабочих рот Ставрополя и Пятигорска [201]. Финансирование строительства моста производилось из средств земских сборов.

Во время следования войск по дорогам Ставропольской губернии военнослужащие, а именно рекруты, от непривычного климата заболели. В связи с этим "на военной дороге, открытой в виде опыта с 1848 г. от Среднего Егорлыка до Екатеринограда" в 1852 году были открыты госпитальные отделения для "обеспечения заболевших из проходящих команд" [202].

Чтобы обеспечить беспрепятственный переход войск на территории Ставропольской губернии, мосты приходилось ремонтировать очень часто. Так, в феврале 1855 г. был разрушен мост через Егорлык из-за "вскрытия" этой реки. Во избежание остановки в "следования по тракту рекрутских партий и других воинских команд" мост был срочно починен [203].

На селения, расположенные вблизи дорог, падало большое бремя повинностей (подводная, квартирная). Но постепенно их близость к дороге, через которую проходили войска, стала приобретать экономическую выгоду. Начальник одной из рекрутских партий, майор Веймарн обратился в 1855 г. с запросом к ставропольскому гражданскому губернатору Волоцкому. Суть запроса в следующем: "Могут ли жители Ставропольской губернии продовольствовать улучшенную пищую проходящие рекрутские партии за кормовые деньги?" [204].

Ставропольская Палата Государственных Имуществ поставила этот вопрос на мирских сходах придорожных сел государственных крестьян. На предложение Палаты крестьяне ответили "полным согласием" [205]. В соответствии с наставлением партионным офицерам от 5 марта 1853 года крестьяне кормили проходящих рекрутов "щами с говядиной или рыбою, кашей крутой с постным или скоромным маслом, горохом или картофелем хорошо уваренным и могущим служить к лучшему насыщению" [206]. Как видим, движение войск по территории

Ставропольской губернии давало возможность для экономического роста крестьянских хозяйств.

Если дороги Ставропольской губернии служили, в том числе для передвижения войск, то благодаря почтам осуществлялся информационный обмен между разными частями империи. Две эти составляющие позволяли России осуществлять коммуникационный контроль над присоединенной территорией Кавказа. Каждая почтовая станция Ставропольской губернии, таким образом, играла роль звена в цепи информационного обмена. Если какая-то почтовая станция не справлялась со своими обязанностями, это вызывало замедление почтовых сообщений, сказывалось на их регулярности. Администрация Ставропольской губернии поэтому была заинтересована в сохранении каждой почты, ее бесперебойной работе.

Коллежский регистратор Плескачевский в июле 1855 года заключил контракт на содержание Русской почтовой станции по 1863 г., но уже в 1856 г., заявил, что не может содержать станцию "без пособия от казны", то есть фактически разорился. Казна в лице Ставропольского земского исправника приняла станцию на свой баланс. Вскоре начались торги "для отдачи станции в содержание другим подрядчикам". В итоге работа почтовой станции была восстановлена. [207]. Добавим, что в период Крымской войны на станции должны были находиться две дополнительные тройки лошадей, что дает основание судить о том, что через эту почту столица и территория военных действий обменивались донесениями и приказами [208].

Приведенные выше факты свидетельствуют о ряде недостатков в системе почтового сообщения Ставропольской губернии. Стремясь устранить эти несовершенства в работе почт, полковник Коханов, служивший управляющим почтовой частью на Кавказе и за Кавказом, свои соображения по этому предмету в 1857 году изложил в докладе, названном "Записка о предположениях Полковника Коханова на счет устройства почтовой части на Военно-Грузинском и на Черкасском Трактах" [209]. Предложения Коханова касались разных аспектов деятельности почтовых станций на двух стратегически важных дорогах. Так, на некоторых станциях, в частности Песчанокопской и Летницкой из-за "трудности пути и степени разгона лошадей" Коханов предлагал увеличить "комплект почтовых лошадей" [210].

На тех участках, где расстояние между станциями слишком большое, а дорога тяжелая он предлагал учредить новые почтовые стан-

ции. По его мнению (которое подтверждалось практикой), лошади быстро "приходят в истощение" из-за плохого состояния дорог, частого использования, большого расстояния между станциями. Чтобы беречь лошадей, было предложено после каждого перегона давать им час отдыха.

Важным вопросом был выбор почтосодержателей. Как считал управляющий почтовой частью на Кавказе и за Кавказом, "весьма многие беспорядки" на станциях происходили оттого, что "содержание их отдается без разбора всякому, кто только явится к торгам". Коханов настаивал на прекращении такой практики. Многие люди, не зная всей специфики дела, брались за содержание станций, передоверив затем непосредственную деятельность наемным лицам, но при этом платили им очень маленькое жалование. Это заставляло наемных почтосодержателей заботиться больше о личной выгоде, чем о пользе дела. Из-за такого отношения почтовые станции быстро приходили "в разорение". Страдали от этого прежде всего проезжающие и казна. Коханов, чтобы не допустить впредь таких случаев, предлагал отдавать почтовые станции в содержание "зачиточным и честным крестьянам или казакам, за поручительством их обществ или станиц". В руки одного почтосодержателя могло передаваться не более трех почтовых станций.

Срок отдачи станции в содержание, по мнению почтового чиновника, должен был ограничиваться тремя годами. Это давало возможность администрации губернии без длительных проволочек прекратить отношения с несостоятельным почтосодержателем. Если в адрес подрядчика нареканий не было, контракт мог быть продлен на новое трехлетие, но решающее слово всегда оставалось за губернским начальством.

Кроме того, Коханов обращал внимание на состоянии помещичьих почтовых станций и, по его мнению, приведение их в порядок должно было вменяться в обязанности почтосодержателей. На услуги по починке почтовых экипажей и на съестные припасы на станциях, как предлагал управляющий почтовой частью, нужно было установить "таксационные", то есть твердые цены, чтобы оградить проезжающих "от прижимок". Предложения Коханова были одобрены кавказским наместником и приняты с некоторыми изменениями.

Появление новых почтовых станций, развитие почтовых сообщений были свидетельствами того, что регион прочно вошел в состав

Российской Империи. К концу 50-х гг. XIX века заканчивается война на Восточном Кавказе, Шамиль был взят в плен. Основные силы Кавказской армии стали направляться на Западный Кавказ. Возможно, с переносом главных действий Кавказской войны на Западный Кавказ было связано учреждение почтового сообщения г. Ставрополя с Лабинским округом и устройство на этом пути девяти почтовых станций с 56-ю тройками лошадей. Тем более, что начальник правого фланга Кавказской линии настаивал на учреждении новой линии почтового сообщения. Как видим, роль почт была высока как в военном, так и в экономическом отношении.

То же самое можно сказать о дорогах Ставропольской губернии. Возникнув первоначально "для военных надобностей", для движения войск, по мере заселения и экономического развития Ставропольской губернии они стали приобретать значение торговых коммуникаций. Более того, сам факт движения войск по дорогам губернии служил стимулом для экономического роста придорожных сел.

Хозяйственная жизнь губернии, "распределение средств и торговля" зависели от направления движения войск. К концу 50-х – началу 60-х гг. XIX века через территорию Ставропольской губернии проходили три главных тракта: Черкасский, Царицынский и Тифлисский. По ним, как по главным артериям, "текла жизнь края". Села, расположенные по этим трактам, были в лучшем положении "в отношении сбыта своей продукции". Хотя из-за постоянной и подводной повинностей эти села несли "известную тяготу, но, несомненно, уровень зажиточности их постепенно повышался". Как видно из содержания параграфа, движение войск по дорогам Ставропольской губернии было очень интенсивным, что объясняется военно-политической ситуацией в кавказском регионе. А значит, возможностей для экономического развития сел, расположенных возле дорог, было достаточно много, чем и пользовались их жители.

Подведем некоторые итоги. Такие отрасли хозяйства, как выращивание зерна, скотоводство и коневодство, виноградарство и виноделие получили значительное развитие и приобрели товарный характер, Ставропольская губерния к концу 50-х гг. XIX века превратилась в крупный центр по производству хлеба, мяса и вина. Основной причиной столь стремительного (менее чем за 100 лет) преобразования экономического состояния довольно значительной территории Ставрополь-

ской (Кавказской) губернии является вхождение региона в сферу геополитических интересов России.

Решать военно-политические задачи в регионе была призвана кавказская армия. Снабжать армию, столь далеко находившуюся от основных агроэкономических районов Российской Империи, было сложно и дорого, и поэтому перед государством стала задача – организовать снабжение кавказской армии, прежде всего продовольствием, непосредственно на месте, причем сделать это в достаточно короткие сроки. Наиболее интенсивно развивались отрасли сельского хозяйства, связанные со снабжением воинского контингента России на Кавказе – производство зерна, скотоводство, коневодство, виноделие.

Меновая торговля была одна из средств привлечения горцев на сторону России, прекращения их сопротивления. Для российских властей получение экономической выгоды не было первоочередной задачей. Российское государство, присоединяя горские народы, брало на себя и обязательства по устройству их экономической жизни. Меновая торговля осуществлялась через систему меновых дворов. Горцы были в ней заинтересованы, так как выменивали на свои продукты хлеб и соль. Постепенно на меновых дворах стала развиваться и частная торговля, что поощрялось государством. Цены на соль для горцев были ниже, чем для остальных покупателей, этим также достигалось привлечение их на сторону России.

Положительная роль меновой торговли была в том, что она способствовала прекращению вражды между славянским и горским населением. Меновая торговля помогала горцам получать необходимые продукты, зачастую избавляла их от угрозы голода. К недостаткам меновой торговли можно отнести строгую регламентацию всех ее аспектов, повышение цены на соль в 1852 году, очевидное неудобство по сравнению с обычной торговлей. Из-за этих недостатков меновая торговля не могла составить достойной конкуренции обычной и стала постепенно приходить в упадок. Упадок меновой торговли еще не означал ее бесполезности. Просто меновая торговля была необходима на определенной стадии взаимоотношений между горским и славянским населением, в качестве переходного звена от противостояния к сотрудничеству.

Средствами коммуникационного контроля России над приобретенной территорией были дороги и почты, находившиеся на территории Ставропольской губернии. По дорогам осуществлялось движение войск к местам военных действий, доставлялись грузы. Почты давали воз-

возможность для обмена информацией между различными частями империи. Дороги играли важную роль в экономической сфере. Благодаря им развивалась торговля, придорожные села имели больше возможностей для получения экономической выгоды.

Почты были не только практически единственным средством информационного обмена между центром империи и ее окраинными территориями. Отдача содержания почтовых станций по контракту купцам, крестьянам, мещанам, казакам давала всем этим группа населения возможность для получения материальной выгоды, то есть создавало еще один сегмент экономики Кавказской губернии (впоследствии – Кавказской области, а затем – Ставропольской губернии).

Дороги, мосты, крестьяне, отбывавшие повинности и занимавшиеся извозом и сбытом своей продукции проезжающим, почтовые станции – все это представляло собой единый экономический комплекс, функционировавший с целью обеспечения потребностей войск, решавших военно-политические задачи России в кавказском регионе. По мере "замирения" Россией Кавказа этот экономический комплекс превращался в основу для мирной жизни.

Заключение

Подводя итоги исследования, остановимся на некоторых ключевых моментах. На наш взгляд, наиболее интенсивно процесс экономического-культурного освоения Ставрополя начался в последней четверти XVIII в. Объясняется это тем, что закончившаяся подписанием Кючук-Кайнарджийского мира русско-турецкая война давала России значительные права в кавказском регионе. Для закрепления этих прав, усиления своего влияния, в целях создания материальной базы для борьбы с Османской империей и Персией России следовало заселить и экономически освоить территорию, впоследствии получившую название Кавказская губерния.

Расширение территории, борьба за пространство – один из законов развития империй. Чтобы достигнуть успеха в этой борьбе, Российская Империя должна была создать необходимые материальные условия, совокупность материальных объектов (инфраструктуру), ориентированных на обеспечение процесса реализации своих геополитических целей в регионе.

Проблема распространения власти России на территорию всего Северного Кавказа стала особенно остро, начиная с 1801 г. – времени вхождения Грузии в состав Российской Империи. Территория страны теперь оказалась разделенной надвое независимым Кавказом, а такая ситуация Россию устраивать не могла, задача превращения кавказских горцев не во временных союзников, а в подданных империи стала особенно актуальной. Следовательно, актуальной становилась и другая задача – задача создания материальной инфраструктуры на Ставрополье. Эта инфраструктура должна была стать экономической основой процесса "замирения" Кавказа, а также исполнять роль материальной базы для российских войск, принимавших участие в войнах с Османской империей и Персией. Процесс "замирения" Кавказа растянулся более чем на полвека, поэтому создание такого рода системы

материальных объектов на территории Ставрополя было вполне оправданным.

Одним из средств формирования материальной инфраструктуры Ставрополя было его заселение славянским населением, обеспечение "демографического контроля" над территорией региона. Проведенные исследования позволяют утверждать, что колонизация Ставрополя во многом была подчинена геополитическим целям России в кавказском регионе. Этот процесс был ориентирован на достижение следующих целей: создание системы поселений (сел и городов), которые могли бы в последствии выполнять роль материальной базы для войск, двигавшихся на Кавказ, к местам военных действий (например, несение постоянной и подводной повинностей); именно крестьяне и казаки должны были экономически освоить территорию, на которой они проживали; наконец, сущность демографического контроля заключается в том, чтобы заселить определенную территорию "своим" населением, а именно такую линию проводило российское правительство в конце XVIII – начале 60-х гг. XIX в.; кроме того, переселение крестьян из внутренних губерний России помогало решать проблему малоземелья.

На казаков возлагалась функция защиты остального населения от горских набегов, несение караульной службы. Казаками были сделаны определенные успехи в экономическом освоении Ставрополя, однако из-за несения службы, большой убыли личного состава их участие в развитии экономики было не столь значительным, как участие государственных крестьян. Государственные крестьяне сыграли главную роль в развитии экономики Ставрополя. Хотя им приходилось выполнять различные повинности, их тяготы были несравнимо меньше тех, что приходилось нести казакам.

Что же касается помещичьих крестьян, то их число на Ставрополье было незначительным, следовательно, говорить об их роли в экономике губернии (области) можно лишь в отдельных отраслях. Неосвоенность Ставрополя, слабый административный контроль над территорией, ее довольно значительные размеры – все это не позволило помещичьему землевладению развиваться на Ставрополье в полной мере, что позволяет говорить о казенных крестьянах как об основном производящем слое.

То, насколько сильным было влияние военно-политических факторов на социальную структуру населения Ставрополя, говорит тот факт,

что в 20–40-е гг. XIX в., когда убыль в казачьих войсках была особенно высокой, ряд сел государственных крестьян было превращено в станицы, а крестьяне – в казаки. В 60-е гг. XIX в., после окончания Кавказской войны, начался обратный процесс – казаки становились крестьянами. На основе сделанных обобщений можно заключить, что заселение Ставрополя казаками и крестьянами было тесно взаимосвязано с реализацией Россией своих геополитических целей в кавказском регионе.

Во многом была ориентирована на решение военно-политических задач система медицинских учреждений Ставрополя. Но зачастую именно военным приходилось решать вопросы, связанные с медицинской защитой от болезней.

Одним из факторов, сильно затруднявших освоение кавказского региона, были эпидемические заболевания. Они были причиной высокой смертности как среди мирного населения, так и среди военных. Боролись с эпидемиями тогда не медицинскими, а скорее медико-полицейскими мерами. Военные привлекались для создания карантинных пунктов, несения службы на противоэпидемических кордонах, эвакуации жителей из эпидемических очагов. Подобного рода деятельность военным приходилось вести и на Ставрополье, на территории губернии (области) находились карантинные заставы, своеобразные барьеры на пути распространения инфекционных заболеваний.

Для оказания срочной медицинской помощи больным и раненым военным на Ставрополье создавались военные госпитали. Первые из них, судя по архивным источникам, стали появляться в начале XIX в., в городах, расположенных достаточно близко от мест военных действий – Кизляре, Моздоке, других населенных пунктах. Позднее, в 30-е гг. XIX в. военный госпиталь был открыт в Ставрополе. В госпитали, расположенные ближе к местам боевых действий, попадали в основном те, кому требовалось срочное лечение. В Ставрополе же, как правило, находились те, чье лечение требовало длительного периода времени.

Так же на дорогах губернии (области) создавались госпитальные отделения, госпитальные пункты или больничные избы "для оказания врачебной помощи заболевшим чинам военного ведомства". Во время следования рекрутских партий по дорогам Ставрополя заболевших, чтобы не задерживать движение остальных, оставляли в такой больничной избе, а оттуда его доставляли в ближайший госпиталь. В

летнее время – период наиболее интенсивного движения рекрутских и других воинских команд – создавались "военно-временные госпитали". Система оказания медицинской помощи гражданскому населению тогда еще находилась в стадии формирования, была развита слабо. Поэтому медицинская помощь крестьянам, мещанам, другим жителям губернии (области) достаточно часто оказывалась в военных госпиталях. Однако и врачи гражданского ведомства оказывали помощь воинским частям, находившимся на территории Ставрополя, например, вместе с военными врачами осматривали военнослужащих, отправлявшихся к местам сражений, выявляли носителей эпидемических заболеваний.

Важную роль в восстановлении здоровья раненных и больных играли бальнеологические курорты Кавказских Минеральных Вод.

В ходе освоения Россией территории и экономических ресурсов Ставрополя минеральные источники стали одним из объектов, развитию которых придавалось первоочередное значение. Целебные свойства источников были известны местному населению издавна, военнослужащим российских войск, действовавшим на Кавказе, они стали известны в конце XVIII в. Военачальники кавказских войск уделяли достаточно большое внимание развитию курортов, их использованию для лечения раненных и больных, строительству городов возле источников. Ртищев, Тормасов, Ермолов, Розен, Эмануэль, Граббе, Воронцов, Барятинский – это те военачальники, с чьими именами связано формирование архитектурного облика Пятигорска, Кисловодска, благоустройство источников, разработка системы их рационального использования. Сначала источники служили только для лечения военнослужащих, но по мере освоения Россией территории кавказского региона "на воды" стало приезжать и из центральных губерний. Кавказские минеральные воды посещали А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, декабристы. Общество, собиравшееся летом для лечения на курортах, представляло собой достаточно интересный историко-культурный феномен, и существование этого феномена было следствием российского присутствия на Кавказе.

Можно прийти к выводам, что система медицинских учреждений Ставрополя была ориентирована в первую очередь на оказание врачебной помощи военнослужащим, отстаивавшим интересы России на Кавказе. Из-за неразвитости системы медицинских учреждений для гражданского населения помощь ему весьма часто оказывалась в ле-

чебных заведениях военного профиля, в госпиталях. Кроме того, военнослужащие кавказских войск принимали непосредственное участие в противоэпидемических мероприятиях, проводившихся в губернии (области). Курортами КМВ, служившими первоначально только для лечения военных, по мере освоения Россией Кавказа стали пользоваться многие другие жители страны. Военачальники кавказских войск принимали самое непосредственное участие в обустройстве курортов.

Содержание продовольственной базы для войск, развитие сельского хозяйства были насущными задачами России в кавказском регионе, в том числе на Ставрополье. Именно сельское хозяйство должно было стать основным занятием населения, переселяемого российским правительством в Кавказскую губернию.

Южные рубежи губернии были наименее защищенными от горских набегов, поэтому одними из первых территории в районе Моздока, Кизляра стали заселять казаки. Климат там был жаркий, засушливый, для хлебопашества малопригодный. Зато виноград в этих природных условиях давал прекрасные урожаи, что стало основой для развития товарного виноделия. Вино пользовалось спросом и в столицах, и на месте производства, где его постоянным покупателем были подразделения Грузинского, а затем Отдельного Кавказского корпуса, так как в войсках в то время полагалась "винная порция". Важно заметить одну особенность сельского хозяйства Ставрополя в целом – его изначальную товарность. Наличие в регионе постоянного покупателя – войск Кавказского корпуса – было основной причиной того, что агроэкономика губернии (области) была с самого начала ориентирована на рынок.

Земледелие, хлебопашество получили широкое развитие в северных, западных и центральных районах Ставрополя, в местах расселения государственных и помещичьих крестьян. Земледелие было основой аграрной экономики России, и, по замыслу правительства, должно было занять надлежащее ему место в экономике Кавказской губернии. Стоит сказать, что занятие земледелием служило как бы показателем того, что данное крестьянское хозяйство получило прочное обоснование на Ставрополье. Конечно же, как и иные отрасли сельского хозяйства губернии, хлебопашество являлось изначально товарным, что объяснялось наличием в регионе контингента российских войск.

Создание продовольственной базы для войск недалеко от мест дислокации – одна из тех задач, которые ставило перед собой прави-

тельство России, заселяя Предкавказье. Потребность кавказских войск в хлебе удовлетворялась зерновым хозяйством Ставрополя примерно на треть, остальное доставлялось из внутренних губерний, в частности, из Саратовской. Однако даже этот показатель, на наш взгляд, следует считать высоким, поскольку развивать земледелие в Кавказской губернии приходилось практически с нуля. Климат кавказского региона существенно отличался от климата тех мест, откуда переселялись крестьяне, это создавало дополнительные трудности.

Запросы кавказских войск накладывали свой отпечаток на то, какие именно зерновые культуры выращивали ставропольские крестьяне. По нормам того времени армейские подразделения снабжались ржаным хлебом, мукой, сухарями. В связи с этим обстоятельством ставропольским крестьянам, чтобы снабдить кавказские войска хлебом, приходилось выращивать рожь, хотя природно-климатические условия степного Предкавказья не совсем подходили для этой сельскохозяйственной культуры. Позднее, когда Кавказская война закончилась, зерновое хозяйство Ставропольской губернии быстро переориентировалось на выращивание пшеницы, как культуры более ценной в коммерческом плане и более приспособленной к местным климатическим условиям. Были выведены новые сорта зерновых культур. Кроме ржи и пшеницы, ставропольские крестьяне и казаки выращивали и другие сельскохозяйственные культуры, в частности, просо, пшено, гречиху. Покупателем круп также выступали войска Кавказского корпуса. Приведенные факты позволяют утверждать, что зерновое хозяйство Ставрополя во многом было ориентировано на обеспечение российских войск на Кавказе хлебом и крупами.

Сенатор Д. Мертваго, посетивший в начале XIX в. Кавказскую губернию с целью ревизии, неслучайно назвал ее "мясным хутором России". Природные условия степного Предкавказья представляли собой прекрасную базу для скотоводства. Переселявшиеся крестьяне и казаки кто приводил скот с собой, кто обзаводился им на месте. Наличие скота, его количество служили показателем обеспеченности крестьянского хозяйства. Большинство тех, кто переселился недавно, имели небольшое количество скота, по мере становления, при благоприятных условиях, количество скота в крестьянских хозяйствах увеличивалось. В отдельные годы на Ставрополье бывали массовые скотские падежи в результате эпизоотий или неблагоприятных клима-

тических условий, но общая динамика роста поголовья скота была положительной.

Ставрополье снабжало скотом и обе столицы, и кавказские войска через систему контрактов на поставку. В целях приспособления к местным условиям были выведены новые породы скота. Скотоводство Ставрополя, в частности, его мясная отрасль, как и другие направления сельского хозяйства губернии, изначально приобрело товарный характер и сыграло свою роль в обеспечении продовольствием кавказских войск России.

Отдельно следует сказать о коневодстве, о его развитии на Ставрополье. Сразу заметим одну важную особенность. Если в целом рассматривать сельское хозяйство губернии, то основным производителем скота с полной уверенностью можно назвать государственных крестьян, поскольку казаков постоянно отвлекала служба, а помещичьи крестьяне были малочисленны (2% к концу 50-х годов XIX в.), но в сфере коневодства дела обстояли иначе: разведение породистых лошадей требовало достаточно высокой квалификации и финансово-материальных вложений, поэтому центрами племенного коневодства на Ставрополье были ряд помещичьих имений, хотя коневодством занимались также и зажиточные государственные крестьяне, и казаки.

Спрос на лошадей весь период, пока длилась Кавказская война, был достаточно высоким. На конных заводах лошадей не только выращивали, но и обучали навыкам, необходимым в бою. Коневодство, таким образом, также носило товарный характер, лошадей со ставропольских заводов покупали и для кавказских войск, они пользовались устойчивым спросом и в других частях империи. Все это говорит о том, что ставропольское коневодство играло особо важную роль в обеспечении боеспособности Кавказского корпуса.

Отдельно следует отметить то, что части Кавказского корпуса, находившиеся на Ставрополье на отдыхе, использовали пастбищные и сенокосные угодья губернии для восстановления сил и обеспечения фуражом лошадей.

Можно заключить, что одним из результатов российского присутствия в регионе стало формирование на Ставрополье агроэкономической инфраструктуры. Характерными чертами этой инфраструктуры были ее изначальная товарность и ориентация на материальное обеспечение войск России на Кавказе.

Будучи заинтересованными в мирных отношениях с горским населением, российские власти стремились привлечь его на свою сторону с помощью меновой торговли. Меновая торговля была в большей степени мерой политической, для российской стороны она зачастую оказывалась даже убыточной. Первоначально на мену горцам предлагалась только соль, затем ассортимент товаров стал расширяться. Благодаря хлебу, получаемому на меновых дворах, горские селения избегали угрозы голода. Меновая торговля являлась переходной формой между состоянием вражды и нормальными торговыми отношениями, и, сыграв свою политико-экономическую роль в определенный период, она стала постепенно отмирать, уступая место торговым отношениям, где вмешательство государства было не столь непосредственным.

Обеспечение коммуникационного контроля над присоединенной территорией было одной из важнейших задач России. С этой целью на Ставрополье прокладывались дороги, по которым двигались войска к местам военных действий, создавались почтовые станции, служившие тогда практически единственным средством информационного обмена между центром империи и ее окраинами. Протяженность дорог на Ставрополье в течение всего изучаемого периода росла, тяжесть их ремонта падала на плечи крестьян, но только так можно было достигнуть тех целей, которые стояли перед Россией на Кавказе. Формирование дорожно-транспортной инфраструктуры было одной из задач России в этом направлении и одновременно результатом ее деятельности.

Сформулируем основные выводы, которые позволяют говорить о положительной роли России в исторической судьбе кавказского региона.

Заселение губернии славянским населением служило целям установления демографического контроля России в регионе. Создание системы поселений было связано с присутствием российских войск на Кавказе.

Деятельность создаваемых медицинских учреждений была направлена на оказание врачебной помощи военнослужащим, хотя в них лечилось и гражданское население. Военные принимали непосредственное участие в борьбе с эпидемиями.

Итогом российского военного присутствия в кавказском регионе с последней четверти XVIII до начала 60-х гг. XIX века стало формирова-

ние на Ставрополье агроэкономической инфраструктуры, характерными чертами которой были изначальная товарность и ориентация на материальное обеспечение войск России на Кавказе.

Меновая торговля была инструментом, с помощью которого Россия привлекала горцев на свою сторону и служила целям скорее политическим, чем экономическим.

Дороги и почты были средствами установления коммуникационно-го контроля России в кавказском регионе и одновременно служили основой для налаживания мирной жизни в регионе.

Таким образом, создавая на Ставрополье инфраструктуру, направленную на обеспечение российских войск на Кавказе, реализующих геополитические цели империи, Россия заложила основу для экономического, социального и культурного развития всего кавказского региона. Процесс "замирения" Кавказа имел многоплановый характер и включал в себя не только военный компонент. Россия стремилась не просто завоевать Кавказ, а создать освоенное пространство, пригодное для жизни и деятельности подданных империи.

Примечания

ПРИМЕЧАНИЯ К ВВЕДЕНИЮ

1. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.) / под ред. Нарочницкого А.Л. – М., 1988. – С. 569.
2. Кузнецов В. А., Чеченов И. М. История и национальное самосознание. Проблемы современной историографии Северного Кавказа. – Владикавказ, 2000. – С. 7.
3. Полное собрание законодательства Российской Империи [ПСЗРИ]. I изд. Т.1-45. – СПб., 1830.
4. ПСЗРИ. II изд. Т.1-55. – СПб., 1830-1884.
5. Акты Кавказской Археографической Комиссии (АКАК). Т. 1-12. Тифлис, 1860-1893.
6. Кавказский календарь на 1847-1917 гг. – Тифлис, 1846-1916.
7. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии (ТСУАК). Вып. 1-8. – Ставрополь, 1906-1915.
8. Наш край. Документы и материалы. 1777-1977 гг. – Ставрополь, 1977.
9. Пятигорск в исторических документах. – Ставрополь, 1985.
10. Кисловодск в исторических документах. 1803-1917 гг. – Ставрополь, 1998.
11. Ермолов А. П. Записки. 1798-1826 гг. – М., 1991.
1. Плешаков К. В. Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь. – 1994. – № 10. – С. 37.
2. Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. – М., 1957. – С. 23-24.
3. АКАК. – Т. 4. – С. 460-461.
4. Край наш Ставрополье. Очерки истории. – Ставрополь, 1999. – С. 81.
5. Забудский. Обзорение Кавказского края по северную сторону главного хребта, в историческом, топографическом и статистическом описании // ТСУАК. – Вып. 6. – Ставрополь, 1914. – С. 16.
6. Чекменев С. А. Переселенцы. – Пятигорск, 1996. – С. 63.
7. Чекменев С. А. Переселенцы... С. 67.
8. Цит. по: Бентковский И.В. Дела наши на Северном Кавказе от высадки Петра I в Астрахани 1722-1804. – Б.м., б.г. – С. 71-72.
9. Чекменев С.А. Переселенцы... С. 101.
10. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. – М., 1958. – С. 179.
11. АКАК. – Т. 2. – С. 926-927.
12. АКАК. – Т. 3. – С. 94.
13. Там же. – С. 626.
14. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), ф. 87, оп. 1, д. 97, л. 5-5 об.
15. Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. Сочиненное по начертанию Императорского Вольного Экономического Общества. СПб., в Императорской типографии, 1809. – С. 412.
16. АКАК. – Т. 4. – С. 831.
17. Там же. – С. 837.

18. Там же. – С. 905-906.
19. Чекменев С. А. Указ. соч. – С. 121.
20. ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 425, л. 1-1об.
21. АКАК. – Т. 4. – С. 843-846.
22. Там же. – С. 909.
23. Там же. – С. 891-892.
24. ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 519, л. 1.
25. Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX века. (Заселение и хозяйство). – Ростов-н/Д.: Издательство Ростовского университета, 1977. – С. 60-61.
26. АКАК. – Т. 6. – Ч. 2. – С. 446.
27. Край наш Ставрополье. Очерки истории. – Ставрополь, 1999. – С.84.
28. РГВИА, ф. 232, оп. 1, д. 246, л. 41-44 об.
29. АКАК. – Т. 7. – С. 1.
30. Чекменев С. А. Указ. соч. – С. 134.
31. ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 632, л. 1.
32. АКАК. – Т. 8. – С. 339.
33. Наш край. Документы и материалы. 1777-1917 гг. – Ставрополь, 1977. – С. 76-78.
34. АКАК. – Т. 8. – С. 826.
35. Там же. – С. 827.
36. РГВИА, ф. 232, оп. 1, д. 246, л. 13-14.
37. Там же. Л. 19-27 об.
38. Там же. Л. 29-38.
39. Там же. Л. 66-68 об.
40. АКАК. – Т. 8. – С. 627.
41. Там же. – С. 796.
42. АКАК. – Т. 9. – С. 405.

43. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 443, л. 4
44. АКАК. – Т. 10. – С. 2.
45. Собриевский А. С. Князь Воронцов и наши архивы // ТСУАК. – Вып. 1. – Ставрополь, 1911. – С. 1.
46. АКАК. – Т. 10. – С. 891.
47. Забудский. Указ. соч. – С. 16.
48. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1167, л. 2.
49. Край наш... С.92.
50. АКАК. – Т. 10. – С. 100.
51. Там же. – С. 104-105.
52. АКАК. – Т.11. – Ч.1. – С. 1.
53. АКАК. – Т. 11. – Ч. 2. – С. 851.
54. Там же. – С. 860.
55. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 629, л. 9.
56. Цит.по: Кисловодск в исторических документах. 1803-1917. – Ставрополь, 1998. – С. 14-15.
57. ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 116, л. 277.
58. ГАСК, ф. 128, оп. 1, д. 2006, л. 30-30об.
59. Ованесов Б. Т., Судавцов Н. Д. Здравоохранение Ставрополья в конце XVIII – начале XX в. – Ставрополь, 2002. – С. 12.
60. Баррет Т. М. Линии неопределенности: северокавказский "фронт" России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. – Самара, 2000. – С. 169-170.
61. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 13454, оп. 1, д. 77, л. 92-93.
62. Севастопольское восстание 1830 г. // <http://www.sevastopol.org/hist5.htm>.
63. Голицын П. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. – СПб., 1851. – С. 107-109.
64. Ованесов Б. Т., Судавцов Н. Д. Указ. соч. – С. 14-15.

65. ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 408, л. 1.
66. Там же. Л. 9, 12-12 об.
67. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Кавказский календарь на 1855 г. – Тифлис, 1854. – С. 485.
68. ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 1808, л. 2.
69. ГАСК, ф. 71, оп. 1, д. 580, л. 1-1об.
70. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1175, л. 1-1об.
71. Там же. Л. 17.
72. ГАСК, ф. 71, оп. 1, д. 646, л. 3-3об.
73. ГАСК, ф. 71, оп. 1, д. 811, л. 1.
74. ГАСК, ф. 65, оп. 1, д. 48, л. 20-21.
75. ГАСК, ф. 71, оп. 1, д. 1057, л. 1-1об.
76. Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу. – М., 1952. – С. 59.
77. ГАСК, ф. 66, оп. 1, д. 6, л. 33.
78. ГАСК, ф. 68, оп. 1, д. 927, л. 2.
79. Там же. Л. 6-9, 13-16.
80. ГАСК, ф. 65, оп. 1, д. 306, л. 1.
81. Там же. Л. 1об.
82. ГАСК, ф. 66, оп. 1, д. 103. л. 64.
83. Там же. Л. 85.
84. Там же. Л. 91.
85. Там же. Л. 146.
86. ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 2341, л. 1-1об.
87. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 17. Ч. 1. // Ставропольская губерния. – СПб., 1851. – С. 273.
88. ГАСК, ф. 68, оп. 1, д. 927, л. 39-49.
89. Богословский В. С. Пятигорские и с ними смежные минеральные воды. – М., 1886. – С. 8-10; Дроздов Е. Н. О Кавказских минеральных

- водах. – Ставрополь, 1853. – С. 1; Святловский В. В. Путеводитель по Кавказским минеральным водам. – Пятигорск, 1897. – С. 4.
90. АКАК. – Т. 2. – С. 251-252.
91. Там же. – С. 930-932.
92. Пятигорск в исторических документах. – Ставрополь, 1985. – С. 41.
93. ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 196, л. 122-122 об.
94. ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 306, л. 1.
95. ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 840, л. 2-2об.
96. Радожицкий И. Прогулка к Кавказским минеральным водам // Отечественные записки. – 1824. – № 2. – С. 219.
97. Пятигорск... С.66-67.
98. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 71, л. 1.
99. Пятигорск... С. 99.
100. ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 47, л. 91.
101. Пирогов Н. И. Указ. соч. – С. 60.
102. Пятигорск... С.151.
103. ГАСК, ф. 70, оп. 1. д. 451, л. 18-18об.
104. Пантюхов И. И. Влияние малярии на колонизацию Кавказа. – Тифлис, 1899. – С. 41.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

1. АКАК. – Т. 4. – С. 922.
2. Там же. – С. 98.
3. АКАК. – Т. 6. – Ч. 2. – С. 567.
4. АКАК. – Т. 6. – Ч. 1. – С. 257.
5. Дон и степное Предкавказье... С. 164.
6. АКАК. – Т. 9. – С. 538.
7. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1960. – С. 168.

8. АКАК. – Т. 9. – С. 540-542.
9. Чекменев С.А. Переселенцы... С. 94.
10. Штукенберг И. Ф. Статистические труды Ивана Федоровича Штукенберга (в двух томах). Т.1. – СПб. : Издатель А.И. Штукенберг, Типография И.И. Глазунова и Комп., 1858-1860. – С. 16-17.
11. Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний... С. 497.
12. ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 7, л. 1.
13. АКАК. – Т. 4. – С. 922-923.
14. Ровинский И. В. Указ. соч. – С. 502.
15. АКАК. – Т. 5. – С. 893.
16. АКАК. – Т. 5. – С. 908-909.
17. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 821, л. 77, 87, 108, 132, 145, 154-154 об., 184, 189.
18. АКАК. – Т. 8. – С. 827.
19. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1787, л. 10об., 11 об., 12, 13 об., 14.
20. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1393, л. 48 об.
21. Там же. Л. 49.
22. Там же. Л. 51.
23. Там же. Л. 64-64 об., 78-79.
24. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 467, л. 28 об.
25. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2123, л. 26 об., 34 об., 35-35 об.
26. Дон и степное Предкавказье... С. 126.
27. Забудский Указ. соч. – С. 18.
28. АКАК. – Т. 10. – С. 703-704.
29. Дон и степное Предкавказье... С. 116.
30. АКАК. – Т. 5. – С. 578-579.
31. Забудский Указ. соч. – С. 18.
32. АКАК. – Т. 8. – С. 788.

33. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 31, л. 3.
34. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 35, л. 55-56.
35. Бентковский И. В. Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии // СГВ. – 1878. – № 6. – С. 4.
36. Индова Е. В. Указ. соч. – С. 170.
37. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2311, л. 11-11об.
38. Там же. Л. 60.
39. Там же. Л. 1.
40. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2365, л. 9об.-11 об.
41. Там же. Л. 19-22 об.
42. Там же. Л. 45.
43. Там же. Л. 25-27.
44. Там же. Л. 44-45.
45. Там же. Л. 45 об.– 46.
46. Там же. Л. 46.
47. Там же. Л. 56-57.
48. Там же. Л. 28 об.
49. История народов Северного Кавказа... Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. – Нальчик, 1962. Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период). – Черкесск, 1960.
50. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. – СПб., 1869. Т. 1. – С. 484.
51. АКАК. Т. 2. С. 11-12. Кумыков Т. Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. – Нальчик, 1962. – С. 25.
52. Цит. по: Дон и степное Предкавказье... С. 195.
53. Дебу И. О Кавказской линии. – М., 1828. – С. 419-420.
54. РГВИА, ф. 410, оп. 1, д. 124, л. 1.
55. АКАК. – Т. 5. – С. 898-899.

56. РГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 77, л. 1.
57. АКАК. Т. 4. С. 834-835.
58. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 52, л. 4.
59. АКАК. – Т. 4. – С. 925-929. – Т. 5. – С. 839.
60. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 52, л. 4 об.
61. Там же. Л. 5.
62. Там же. Л. 5 об.-6.
63. Там же. Л. 6.
64. Там же. Л. 7-7 об.
65. Там же. Л. 8 об.
66. Там же. Л. 9 об.
67. ГАСК, ф. 21, оп. 1, д. 4, л. 30.
68. Там же.
69. ГАСК, ф. 21, оп. 1, д. 1, л. 5-6 об.
70. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 52, л. 11-12.
71. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 422, л. 6 об.-7.
72. ГАСК, ф. 1260, оп. 1, д. 132, л. 12.
73. Там же. Л. 6.
74. Там же.
75. Там же. Л. 7.
76. АКАК. Т. 10. С. 569.
77. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. – М., 1965. – С. 266.
78. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 1, л. 3.
79. Там же. Л. 3 об.-4.
80. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 8, л. 1.
81. ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 353, л. 1-5.
82. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 1, л. 3.
83. Там же. Л. 3 об.

84. Там же.
85. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 1, л. 9-14.
86. Там же. Л. 9.
87. Там же. Л. 9 об.
88. Там же. Л. 10.
89. Там же. Л. 10 об.
90. Там же. Л. 11.
91. Там же.
92. Там же. Л. 12-12 об.
93. Там же. Л. 13 об.
94. Там же. Л. 191.
95. Там же. Л. 209.
96. Там же. Л. 216.
97. Там же. Л. 209 об., 210, 213-213 об.
98. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 43, л. 1об.
99. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 43.
100. Там же. Л. 3 об.-4.
101. Там же. Л. 5-6 об.
102. Там же. Л. 7-7 об.
103. Там же. Л. 8.
104. Там же. Л. 16 об.
105. Штукенберг И. Ф. Указ. соч. – С. 33.
106. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 98, л. 1-1 об.
107. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 120, л. 1-1 об.
108. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 144, л. 5-5 об.
109. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 194, л. 16-16 об., 19.
110. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 304, л. 1– 3.
111. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 337, л. 1-19.

112. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 305, л. 1.
113. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 307, л. 1-2.
114. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 312, л. 1-3об.
115. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 344, л. 2-2 об.
116. Там же. Л. 4-5.
117. Там же. Л. 6-7 об.
118. ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 4217, л. 1-1 об.
119. Плешаков К. В. Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь. – 1994. – № 10. – С. 37.
120. Базилевич К. В. Почта в России в XIX в. – М., 1927. – С. 6.
121. О поселении на Тереке кизлярских, гребенских и моздокских, а внутри Ставропольской губернии, по ныне существующей почтовой дороге-волжских и хоперских казаков// Кавказский календарь на 1858 г. – Тифлис, 1857. – С. 323.
122. Базилевич К. В. Указ. соч. – С. 8.
123. ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 165, л. 2-2 об.
124. РГВИА, ф. ВУА, оп. 2, д. 6196, л. 2.
125. Там же. Л. 2-3.
126. РГВИА, ф. ВУА, оп. 2, д. 6198, л. 1.
127. Там же. Л. 1 об.
128. Индова Е.И. Крепостное хозяйство в начале XIX в. По материалам вотчинного архива Воронцовых. – М., Наука. 1955. – С. 175.
129. ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 537, л. 1-3 об.
130. Там же. Л. 1 об.
131. Там же. Л. 3.
132. Там же.
133. ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 440, л. 2.
134. ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 694, л. 90-99.
135. РГВИА, ф. 422, оп. 1, д. 645, л. 1.

136. Георгиевский П. И. Исторический очерк развития путей сообщения в XIX в. – СПб., 1893. – С. 18.
137. Там же.
138. ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 985, л. 1.
139. Там же. Л. 1 об.
140. Базилевич К. В. Указ. соч. – С. 59-60.
141. Филонов С. Кавказская линия под управлением генерала Эмануэля // Кавказский сборник. Т. 15. – Тифлис, 1894. С. 333.
142. Там же. – С. 334.
143. Томкеев В. Кавказская линия под управлением генерала Эмануэля // Кавказский сборник. Т. 19. – Тифлис, 1898. – С. 139-140.
144. Там же.
145. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 114, л. 1.
146. РГВИА, ф. 422, оп. 2, д. 650, л. 2 об.
147. ПСЗРИ-2, № 6076.
148. Беляков А. А. Ведомство путей сообщения: от Сиверса до Клейнмихеля // Санкт-Петербургское общество историков и архивистов. – СПб., 1997. – С. 113-114.
149. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 291, л. 9-9 об.
150. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 822, л. 1.
151. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 823, л. 3.
152. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 823, л. 6-6 об., 13.
153. Там же. Л. 16-17.
154. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1036, л. 1-2.
155. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 825, л. 3-5 об.
156. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1420, л. 1, 7-7 об.
157. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1401, л. 19.
158. Там же. Л. 21, 25, 106.
159. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1128, л. 7-7 об.

160. Там же. Л. 9-9 об.
161. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1423, л. 1, 4.
162. Там же. Л. 9.
163. Там же. Л. 16, 17 об.
164. Там же.
165. РГВИА, ф. ВУА, оп. 2, д. 6450, л. 1-2 об.
166. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1374, л. 29.
167. Там же. Л. 13-13 об.
168. Там же. Л. 29 об.
169. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1983, л. 6.
170. Там же. Л. 6 об.
171. Там же. Л. 13-13 об., 21-21 об.
172. Там же. Л. 19
173. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1931, л.1-1 об.
174. РГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 467.
175. Там же. Л. 19-19 об.
176. Петухов. Описание Кавказской области между реками Егорлыком, Калаусом и Манычем составленное в 1843 г. // ТСУАК. – Вып. 1. Ставрополь, 1911. – С. 13.
177. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2406, л. 1.
178. Там же. Л. 1 об.
179. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2319, л. 1-1 об.
180. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2810, л. 1-1 об.
181. Там же. Л. 17 об.
182. ГАСК, ф. 22, оп. 1, д. 37, л. 69.
183. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 3303, л. 1 об.
184. Базилевич К. В.Указ. соч. – С. 60-61.
185. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 4004, л. 3.

186. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 4150, л. 2.
187. ГАСК, ф. 101, оп. 2, д. 75, л. 1.
188. Там же. Л. 1 об.
189. ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 499, л. 1-1об.
190. Там же. Л. 4-7.
191. ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 1171, л. 2-3.
192. Забудский. Указ. соч. – С. 77.
193. Васильев М. И. К вопросу о системе русских транспортных коммуникаций X – начала XX в. // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 5.
194. ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 2603, л. 2-2 об.
195. Там же. Л. 4-4 об.
196. ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 2341, л. 1-1 об.
197. ГАСК, ф. 101, оп.1, д. 3136, л. 1-1об.
198. ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 3157, л. 1-1 об.
199. Там же. Л. 3-3 об.
200. Там же. Л. 6-6 об.
201. ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 3308, л. 1-1 об.
202. Там же. Л. 25.
203. ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 3551.
204. Там же. Л. 2-2 об.
205. Там же. Л. 3-4.
206. Там же. Л. 4-5 об.
207. Там же. Л. 5-6 об.
208. Там же. Л. 8-8 об.
209. ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 3864, л. 1-2.
210. Там же. Л. 3.

Источники и литература

ИСТОЧНИКИ

1. Архивные материалы

Российский государственный военно-исторический архив

1. Ф. 414 "Статистические, экономические, этнографические, военно-топографические сведения о территориях бывшей Российской Империи".
2. Ф. ВУА "Военно-ученый архив".
3. Ф. 410 "Материалы о Российской Империи".
4. Ф. 232 "Архив В. И. Гурко".
5. Ф. 13454 "Штаб войск Кавказской линии и в Черномории расположенных".
6. Ф. 1058 "Войсковое правление Кавказского линейного казачьего войска".

Государственный архив Ставропольского края

1. Ф. 87 "Кавказский гражданский губернатор".
2. Ф. 444 "Канцелярия гражданского губернатора Кавказской области".
3. Ф. 79 "Общее управление Кавказской области".
4. Ф. 101 "Канцелярия Ставропольского гражданского губернатора".
5. Ф. 235 "Управление Наместника Кавказского".
6. Ф. 128 "Кавказское губернское правление".

7. Ф. 68 "Ставропольское губернское правление".

8. Ф. 71 "Общее управление Ставропольского округа".

9. Ф. 20 "Главный попечитель кавказских меновых сношений с горцами".

10. Ф. 21 "Меновые дворы Ставропольской губернии".

11. Ф. 22 "Главный смотритель меновых дворов и карантин по Кавказской линии".

12. Ф. 65 "Кавказская областная врачебная управа".

13. Ф. 66 "Ставропольская губернская врачебная управа".

2. Сборники документов

1. Акты Кавказской Археографической Комиссии. Т. 1-12. – Тифлис, 1860-1893.
2. Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX вв. – М., 1998.
3. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т.2. XVIII в. – М., 1957.
4. Кисловодск в исторических документах 1803-1917 гг. – Ставрополь, 1998.
5. Наш край. Документы и материалы. – Ставрополь, 1977.
6. Полное собрание законов Российской империи. I изд. Т. 1-45. – СПб., 1830.
7. Полное собрание законов Российской Империи. II изд. Т. 1-55 – СПб., 1830-1884
8. Пятигорск в исторических документах. – Ставрополь, 1985.
9. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. – Тбилиси, 1953.

3. Материалы официальной статистики

1. Бентковский И. В. Ставропольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 г. – Ставрополь, 1874.
2. Гизетти А. Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск. – Тифлис, 1901.

3. Дорожник Кавказский. Составлен в 1847, исправлен в 1858 г. – Тифлис, 1858.
4. Дорожник Кавказского края. Составлен в 1841 г. – Тифлис, 1841.
5. Забудский И. Н. Обзорение Кавказского края по северную сторону главного хребта в историческом, топографическом и статистическом отношении. – СПб., 1851.
6. Кавказский календарь. – Тифлис, 1846-1916.
7. Перечень лиц, управлявших Кавказом с 1800 по настоящее время // Кавказский календарь на 1889 г. – Тифлис, 1888.
8. Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе. – Вып. 2. – Тифлис, 1895.
9. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. I-VIII. – Ставрополь, 1906-1915.
10. Хронологический указатель важнейших для Ставропольской губернии событий (1722-1866) // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Вып. 1. Ставрополь, 1868.
11. Хронологическое показание достопримечательных событий в Кавказском и Закавказском крае и важнейшие постановления правительства, относящиеся к этому краю (с древнейших времен по 1859 г.) // Кавказский календарь на 1860 г. – Тифлис, 1859.

4. Мемуары

1. Андреев В. Воспоминания из кавказской старины. 1826-1834 // Кавказский сборник (К. с.). – Т. 1. – Тифлис, 1876.
2. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / перевод с французского, предисловие, комментарии И. М. Назаровой. – Нальчик, 1999.
3. Бриммер Э. В. Служба артиллерийского офицера // К. с. Т. 15. – Тифлис, 1894.
4. Граббе П. Х. Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. – М., 1873.
5. Ермолов А. П. Записки. – М., 1865.
6. Ермолов А. П. Записки, 1798-1826. – М., 1991.
7. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. (1842 – 1867). – СПб., 1879.

8. Красовский А. И. Дневник генерала Красовского 1826-1828 гг. // К. с. Т. 22. – Тифлис, 1901.
9. Лачинов Е. Е. Отрывок из "Исповеди" // К. с. Т. 1. Тифлис, 1876. – Т. 2. – Тифлис, 1877.
10. Лорер Н. И. Записки декабриста. – Иркутск, 1984.
11. Николай Л. П. Кавказская старина. Т. 1-2. – Тифлис, 1872-1874.
12. Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу. – М., 1952.
13. Розен А. Е. Записки декабриста. – Иркутск, 1984.
14. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. 1835-1838. – М., 1865.
15. Филипсон Г. И. Воспоминания. – М., 1885.

5. Картографические материалы РГВИА, ф. 422 "Описание и карты путей сообщения Российской Империи"

1. Генеральная карта земель между Черным и Каспийским морями с маршрутами следования войск, б. г.
2. Дорожная карта Кавказской губернии, 1817 г.
3. Дорожная карта Кавказской губернии, 1822 г.
4. Дорожная карта Кавказской губернии, 1824 г.
5. Дорожная карта Кавказского края, 1850 г.
6. Дорожная карта Кавказского края, 1853 г.
7. Дорожная карта Кавказского края, 1857 г.
8. Маршрутная карта Кавказского края, 1850 г.

ГАСК, ф. 1253 "Коллекция географических карт, планов и чертежей земельных и лесных участков"

1. Карта Кавказского края, 1799 г.
2. Генеральная карта Кавказской губернии, 1817 г.
3. Геометрическая почтовая карта Кавказской области, 1838 г.
4. План земель, принадлежащих помещикам Кавказской области, 1841 г.

5. Карта Кавказской области, 1844 г.
6. Карта земель Кавказского линейного казачьего войска, 1856 г.
7. Чертеж почтового тракта Ставропольской губернии, 1857 г.
8. Чертеж почтового тракта от г. Ставрополя до г. Прочноокопа, 1858 г.
9. План Большой почтовой дороги от г. Ставрополя до границ земель войска Черноморского, б.г.

Литература

1. Абакаров О.Г., Магомедов Н. А. Антироссийская деятельность Ирана и Турции в Южном Дагестане в начале XIX в. // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск, 2000.
2. Андреевский О. Б. О холере на Кавказской линии // Кавказский календарь на 1848 г. – Тифлис, 1847.
3. Апухтин И. М. Присоединение Кавказских земель к России. – Пятигорск, 1903.
4. Базилевич К. В. Почта в России в XIX в. – М., 1927.
5. Бегаулов Р. М. Карачай в Кавказской войне XIX в. – Черкесск, 2002.
6. Белоконь В. В. К проблеме изучения топонимии Ставрополя и Северного Кавказа // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. – М.-Ставрополь, 2001.
7. Беляков А. А. Ведомство путей сообщения: от Сиверса до Клейнмихеля // Санкт-Петербургское общество историков и архивистов. – СПб., 1997.
8. Беннигсен А. А. Народные движения на Кавказе в XVIII в. – Махачкала, б. г.
9. Бентковский И. В. Наши кочевники и их экономическое состояние. – Ставрополь, 1879.
10. Бентковский И. В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч.1. – Ставрополь, 1883.
11. Бентковский И. В. Дела наши на Северном Кавказе от высадки Петра I в Астрахани (с 1722 – по 1804 гг.). – Б. м., б. г.

12. Бентковский И. В. Кустарные промыслы в Ставропольской губернии. – Б. м., б. г.
13. Бентковский И. В. Кавказская губерния во времена А. П. Ермолова, с 1816 по 1824 г. – Б. м., б. г.
14. Бентковский И. В. Историко-статистические сведения о с. Безопасном // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 2. – Ставрополь, 1869.
15. Бентковский И. В. Движение гражданской колонизации на Северном Кавказе // Ставропольские губернские ведомости (СГВ). – 1876. – № 35, 38.
16. Бентковский И. В. Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе // СГВ. – 1876. – № 41.
17. Бентковский И. В. Крепостная колонизация в бывшей Кавказской, ныне Ставропольской губернии // СГВ. – 1884. – № 30.
18. Берже А. П. Чечня и чеченцы. – Тифлис, 1859.
19. Бирюков А. В. Российско-чеченские отношения в XVIII – середине XIX в. // Вопросы истории. – 1998. – № 2.
20. Блиев М. М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России // История СССР. – 1991. – № 6.
21. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. – М., 1994.
22. Богословский В. С. Пятигорские и с ними смежные Минеральные воды: сборник исторических, статистических, экономических и врачебных сведений, относящихся к Минеральным Водам. – М., 1886.
23. Бондаренко Г. Н. Топонимика города Ставрополя и края // Проблемы археологии и истории Северного Кавказа. – Ставрополь, 1999.
24. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1772 по 1869 г. Ч. 1-3. – СПб., 1869.
25. Васильев А. И. Историческая записка о Кавказской, ныне Ставропольской семинарии. – Ставрополь, 1897.
26. Васильев М. И. К вопросу о системе русских транспортных коммуникаций X – начало XX в. // Этнографическое обозрение (ЭО). – 2001. – №5.

27. Великая Н. Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. – Армавир, 2001.
28. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2001.
29. Виноградов В. Б., Шейха А. Н. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России. – Армавир, 1996.
30. Виноградов В. Б. Кавказская политика Павла I. – Армавир, 1999.
31. Виноградов В. Б., Нарожный Е. И. Россия и Северный Кавказ в исторических судьбах кавказоведов XVIII-XIX вв. // Северный Кавказ: геополитика... – М.-Ставрополь, 2001.
32. Вопросы колонизации. – СПб., 1913.
33. Гагемейстер Ю. Л. О распространении Российского государства с единодержавия Петра I до смерти Александра I. – СПб., 1833.
34. Гаджиев А.-Г. С. Влияние присоединения Дагестана к России на развитие просвещения и культуры. – Махачкала, 1966.
35. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. – М., 1965.
36. Гаджиев К. С. Введение в геополитику. – М., 1998.
37. Гатагова Л. С., Исмаил-Заде Д. И., Котов В. И., Некрасов А. М., Трепавлов В. В. Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? // Отечественная история (ОИ). – 1998. – № 5.
38. Георгиев В. А., Георгиева Н. Г. Кавказская война (1829-1864 гг.) // Преподавание истории в школе. – 1999. – № 6.
39. Георгиевский П. И. Исторический очерк развития путей сообщения в XIX в. – СПб., 1893.
40. Гинс Г. Народонаселение и колонизация. Вып. 1. – СПб., 1913.
41. Гниловской В. Г. План Ставропольской крепости 1811г. // Материалы по истории Ставропольского края (МИСК). – Вып. 1. – Ставрополь, 1949.
42. Гниловской В. Г. Территориальное развитие города Ставрополя в первой половине XIX в. // МИСК. – Вып. 4. – Ставрополь, 1952.
43. Гниловской В. Г. Очерк топонимии г. Ставрополя // МИСК. – Вып. 12-13. – Ставрополь, 1979.

44. Гниловской В. Г. План Ставрополя 1787 г. // МИСК. Вып. 14. – Ставрополь, 1976.
45. Голицын П. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля – СПб., 1851.
46. Гомаюнов С. Местная история в контексте руссификации // Общественные науки и современность. – 1996. – № 1.
47. Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000.
48. Госданкер В. В. Историк-кавказовед И. В. Бентковский (1812-1890) // МИСК. – Вып. 14. – Ставрополь, 1976.
49. Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края, V – середина XIX вв. – Ростов-на-Дону, 1984.
50. Громов В. П. Соотношение народной и правительственной колонизации Предкавказья в последней четверти XVII – первой половине XIX в. // Известия Северо-Кавказского Научного центра высшей школы (ИСКНЦВШ). – 1983. – № 4.
51. Громов В. П. Роль миграции и естественного прироста населения в заселении степного Предкавказья в первой половине XIX в. // ИСКНЦВШ. – 1987. – № 1.
52. Громов В. П. Сельское население Предкавказья в первой половине XIX в. Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. – Краснодар, 1987.
53. Гугов Р. Х. Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. – Нальчик, 1999.
54. Гудович И. В. Биография // Кавказский календарь на 1866 год. – Тифлис, 1865
55. Два века. – Ставрополь, 1977.
56. Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. 1816-1826. – СПб., 1829.
57. Дегоев В. В. Альтернативные подходы к изучению Кавказской войны // Вопросы истории (ВИ). – 1999. – № 6.
58. Дейнеко В. Суворов и город Ставрополь. – Б. м., б.г.
59. Деятельность управления государственными имуществами на Кавказе до 1883 года. – Б. м., 1883.

60. Дон и степное Предкавказье. XVIII-первая половина XIX в. Заселение и хозяйство. / Отв. редактор Пронштейн А. П. – Ростов-на-Дону, 1977.
61. Дроздов Н. Г. О Кавказских Минеральных водах. – Ставрополь, 1853.
62. Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир. – М., 1955.
63. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. – Т. 1-4. – СПб., 1871-1888.
64. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // ВИ. – 1995. – № 9.
65. Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений до-революционной России. – М., 1960.
66. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. – М., 1981.
67. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1997.
68. Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова. – СПб., 1837.
69. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978.
70. Заметка о генерале Торماسове // Кавказский календарь на 1866 г. – Тифлис, 1865.
71. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). Ч. 1-2. – СПб., 1879.
72. Зубов П. А. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. – СПб., 1835.
73. Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения. – М., 1971.
74. Ибрагимбейли Х. М. Россия и Северный Кавказ в XVIII и первой половине XIX в. в освещении современной буржуазной историографии // История СССР. – 1982. – № 2.
75. Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX в. По материалам вотчинного архива Воронцовых. – М., 1955.

76. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. – М., 1988.
77. Кабузан В. М. Заселение и освоение Северного Кавказа (Ставрополья и Черномории) в первой половине XIX в. // История географических знаний и историческая география. Этнография. Вып. 4. – М., 1970.
78. Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. – СПб., 1996.
79. Кавторадзе А. Г. Генерал А. П. Ермолов. – Тула, 1977.
80. Казанский кафедральный собор в Ставрополе на Кавказе. – Ставрополь, 1910.
81. Камынина О. И. Русские и горские женщины на Северном Кавказе в литературе XIX в. // Северный Кавказ: геополитика ... – М.-Ставрополь, 2001.
82. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905.
83. Кауфман А. А. Переселение: мечты и действительность. – М., 1906.
84. Кидырниязов Д. С. Роль русских городов в укреплении русско-ногайских экономических взаимоотношений в XVII – XVIII вв. // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск, 2000.
85. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в. – М., 1984.
86. Киняпина Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и Средней Азии в XIX в. // ВИ. – 1983. – № 4.
87. Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе. – Ессентуки, 1999.
88. Клычников Ю. Ю. Особенности горского менталитета во взглядах на набеговую систему // IV Минаевские чтения по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа. – Ставрополь, 2000.
89. Клычников Ю. Ю. Сбор сведений о Северном Кавказе в конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. // Из истории народов Северного Кавказа. – Вып. 4. – Ставрополь, 2001.

90. Клычников Ю. Ю. Политика российской администрации на Северо-Западном Кавказе по налаживанию торговых связей с городами в 30-е гг. XIX в. // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. – Ставрополь, 2001.

91. Ковалевский П. М. Пирогов Н. И. на Ставрополье // МИСК. – Вып. 5. – Ставрополь, 1953.

92. Козубинский Е. О русском энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (по отношению к Кавказу) // Русский архив. – 1894. – Кн. 1.

93. Колесникова М. Е. Источниковая база по историческому краеведению Северного Кавказа (начальный период) // Из истории народов Северного Кавказа. – Вып. 4. – Ставрополь, 2001.

94. Колесникова М. Е. Краеведение и источниковедение Северного Кавказа (XIX – начало XX в.) // Северный Кавказ: геополитика... – М.-Ставрополь, 2001.

95. Колесникова М. Е. Развитие северокавказского краеведения в дореволюционный период // Северный Кавказ: геополитика... – М.-Ставрополь, 2001.

96. Колмаков С. Д. Крепостная церковь в городе Ставрополе (по архивным документам). – Ставрополь, 1917.

97. Кравцова Т. Ю. Георгий Арсеньевич Емануэль // Ставропольский хронограф на 2000 г. – Ставрополь, 2000.

98. Кравцова Т. Ю. Николай Иванович Пирогов // Ставропольский хронограф. 2000 г. – Ставрополь, 2000.

99. Край наш Ставрополье. Очерки истории / под редакцией Кочеры Д. В., Невской В. П. – Ставрополь, 1999.

100. Краснов Г. Д. Ставрополь на Кавказе. – Ставрополь, 1957.

101. Краснов М. Ф. Историческая записка о Ставропольской гимназии. – Ставрополь, 1887.

102. Краснов М. Ф. Просветители Кавказа. – Ставрополь, 1913.

103. Краснов М. Ф. Русское дворянство на Кавказе до 1813 г. – Ставрополь, 1914.

104. Краткие биографии военных, гражданских и других деятелей, действовавших на Кавказе до 1856 г. // Кавказский календарь на 1889. – Тифлис, 1888.

105. Краткий исторический очерк заселения и гражданского устройства Ставропольской губернии // Памятная книжка Ставропольской губернии на 1893 г. – Ставрополь, 1893.

106. Краткий исторический очерк постепенного заселения русскими Северного Кавказа вообще и Ставропольской губернии, в частности. // Кавказский календарь на 1897 г. – Тифлис, 1896.

107. Крикунов В. П. Зарождение и развитие помещичьих имений в Ставропольской губернии в конце XVIII и первой половине XIX вв. // Сборник научных трудов Пятигорского педагогического института. Вып. 4. – Пятигорск, 1948.

108. Кудрявцев А. С. Очерки истории дорожного строительства в СССР (дооктябрьский период). – М., 1951.

109. Кузнецов В. А., Чеченов И. М. История и национальное самосознание. Проблемы современной историографии Северного Кавказа. – Владикавказ, 2000.

110. Кулибин С. Ю. Очерк истории развития Кавказских Минеральных вод (1717 – 1895). – СПб., 1896.

111. Куликова А. Н. Указ Екатерины II о первой в России школе с преподаванием основ языков народов Северного Кавказа // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. – М., 1982.

112. Кумыков Т. Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. – Нальчик, 1962.

113. Куприянова Л. В. Города Северо-Восточного Кавказа во второй половине XIX в. – М., 1981.

114. Курдюмов Е. Г. Кавказские Минеральные воды. Их прошедшее и настоящее. – М., 1909.

115. Лебедев П. С. Князь Павел Дмитриевич Цицианов // Русская старина. – Т. 66. – 1890.

116. Леденев А. Ю. О связи горских народов Кавказа с Россией в конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в. // История горских и кочевых

народов Северного Кавказа в XIX – начале XX в. (проблемы социально-экономического развития). – Ставрополь, 1980.

117. Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. – СПб., 2000.

118. Малис Ю. Г. Пирогов Н. И. Его жизнь и научно-общественная деятельность. – СПб., 1893.

119. Маргрграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882.

120. Марков Е. Д. Очерки Кавказа. Картины Кавказской жизни, природы и истории. – СПб.-М., 1887.

121. Матвеев В. А. Кавказская война: незамеченные итоги // Известия ВУЗов Северокавказского региона. Общественные науки. – 1995. – № 10.

122. Матвеев В. А. Россия и Кавказ в объективе исторического познания. – Армавир, 1998.

123. Милютин Д. А. Биография // Кавказский календарь на 1885 г. – Тифлис, 1884.

124. Мирзоян Е. В. К истории декабристов на Кавказе // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 3. – Ставрополь, 2000.

125. Мирзоян Е. В. Декабристы на Кавказе: социокультурный аспект проблемы // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск, 2000.

126. Муравьев Н. Н. Биография // Кавказский календарь на 1872. – Тифлис, 1871.

127. Мусукаев А. И. Труды П. А. Зубова по этнографии и истории Северного Кавказа // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск, 2000.

128. Надеждин П. П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула, 1895.

129. Нахаева И. В. Российская политика на Северном Кавказе в XIX в., как один из факторов изменения кочевого образа жизни ногайцев, калмыков и туркмен // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск, 2000.

130. Нахаева И. В. Отношение администрации к кочевым народам Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск, 2000.

131. Невская В. П. Присоединение Черкессии к России и его социально-экономические последствия. – Черкесск, 1956.

132. Невская В. П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период). – Черкесск, 1960.

133. Невская Т. А. Поселения и жилища сельского населения Ставрополя в XIX-XX вв. // МИСК. – Вып. 16. – Ставрополь, 1988.

134. Невская Т. А., Чекменев С. А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. – Пятигорск, 1994.

135. Некоторые города Ставропольской губернии: Ставрополь // Кавказский календарь на 1852. – Тифлис, 1851.

136. Николаи Л. П. Кавказская старина. – Тифлис, 1872.

137. Норман К. Кавказские Минеральные Воды. – СПб., 1846.

138. Носов Л. И. Описание города Ставрополя в 1840 г. – Ставрополь, 1843.

139. Ованесов Б. Т., Судавцов Н. Д. Здравоохранение Ставрополя в конце XVIII-начале XX в. – Ставрополь, 2002.

140. О виноградарстве и виноделии на Кавказе // Кавказский календарь на 1885. – Тифлис, 1884.

141. Описание о поселенных на Тереке кизлярских, гребенских и моздокских, а внутри Ставропольской губернии, поныне существующей почтовой дороге – волжских и хоперских казаков // Кавказский календарь на 1858 г. – Тифлис, 1857.

142. Очерк санитарного состояния войск Кавказской армии // Кавказский календарь на 1876 г. – Тифлис, 1875.

143. Очерки истории Карачаево-Черкессии / под ред. Невской В. П., Романовского В. А. Т. 1. – Ставрополь, 1967.

144. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. – Краснодар, 1996.

145. Очерки истории Ставропольского края. – Ставрополь, 1986.

146. Палимпсестов И. Г. Сборник статей о сельском хозяйстве юга России. – Одесса, 1868.

147. Пантюхов Н. И. Здоровые и нездоровые места на Кавказе // Кавказский календарь на 1894 г. – Тифлис, 1893.

148. Пантюхов Н. И. Влияние малярии на колонизацию Кавказа. – Тифлис, 1899.
149. Перепелицин А. И., Гранкин Ю. Ю. Торгово-экономические связи народов России и Северо-Западного Кавказа в конце XVIII-первой трети XIX веков // История Северного Кавказа... – Пятигорск, 2000.
150. Перепелицин А. И., Землянский А. В. Политика России в отношении народов Северного Кавказа во второй половине XVIII века // История Северного Кавказа... – Пятигорск, 2000.
151. Петухов. Описание Кавказской области между рекам Егорлыком, Калаусом и Манычем, составленное в 1843 г. // ТСУАК. Вып. 1. – Ставрополь, 1911.
152. Плешаков К. В. Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь. – 1994. – № 10.
153. Погодин М. П. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для биографии. – М., 1863.
154. Покровский Н. И. Перед Шамилем (из монографии "Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость") // Исторический архив. – 1995. – № 4.
155. Покровский Н. И. Кавказская война и имамат Шамиля. – М., 2000.
156. Попов А. В. Декабрист А. А. Бестужев на Ставрополье // МИСК. Вып. 1. – Ставрополь, 1949.
157. Потто В. А. Генерал-адъютант Иван Давидович Лазарев. – Тифлис, 1900.
158. Потто В. А. Кавказская война. Т. 1-5. – Ставрополь, 1994.
159. Прозрителев Г. Н. К 125-летию города Ставрополя // Сборник сведений о Северном Кавказе. – Ставрополь, 1910.
160. Прозрителев Г. Н. Печатное дело на Северном Кавказе (Ставропольская губерния) // ТСУАК. Вып. 2. – Ставрополь, 1910.
161. Прозрителев Г. Н. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1912.
162. Прозрителев Г. Н. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении. Ч.2. – Ставрополь, 1925.

163. Пятидесятилетие Ставропольской духовной семинарии. – Ставрополь, 1896.
164. Ратушняк В. Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. – Краснодар, 2000.
165. Ратушняк В. Н. Неустрашимый генерал. – Краснодар, 2001.
166. Ровинский И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. – СПб., 1809.
167. Розен Г. В. Биография // Кавказский календарь на 1869 г. – Тифлис, 1868.
168. Романенко Л. В. Культурный потенциал региона Северного Кавказа в XIX в. // История Северного Кавказа. – Пятигорск, 2000.
169. Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. – СПб., 1860.
170. Русско-адыгейские торговые связи (1793 – 1860) / под ред. М. В. Покровского, А. О. Хоретлева. – Майкоп, 1957.
171. Самойлова С. В. Европейец на Кавказе: историко-психологические проблемы управления Кавказом в начале XIX в. // Вестник Московского университета (Вестник МУ). Сер. 8. История. – 1995. – № 4.
172. Сарапуу Я. Г. Кавказский вопрос во взглядах и деятельности Д. А. Милютина // Вестник МУ. Сер. 8. История. – 1998. – № 3.
173. Святловский В. В. Кавказские Минеральные воды во врачебном, историческом, геологическом, этнографическом и других отношениях. – Пятигорск, 1897.
174. Симанонич Е. А. Кустарное адыгейское и казачье виноградарство и виноделие на Кубани во второй половине XVIII-первой половине XIX в. // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. – М.-Ставрополь, 2001.
175. Смирнов М. Г. Очерк хозяйственной деятельности Ставропольской губернии к концу XIX в. – Ставрополь, 1913.
176. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. – М., 1958.
177. Смирнов С. Н. Эссентукские щелочные воды на Кавказе в историческом и медицинском отношениях. – М., 1873.

178. Соколовский С. В. Понятие "коренной народ" в российской науке, политике, законодательстве // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 3.
179. Соллогуб В. Ф. Биография генерала Котляревского. – Тифлис, 1854.
180. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Кавказский календарь на 1855 г. – Тифлис, 1854.
181. Стащук Н. И. Заселение Ставрополя в конце XVIII века и в первой половине XIX в. // МИСК. Вып. 4. – Ставрополь, 1952.
182. Твалчрелидзе С. А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. – Ставрополь, 1897.
183. Томкеев В. Кавказская линия под управлением Емануэля // Кавказский сборник. Т. 19. – Тифлис, 1898. Т. 20. – Тифлис, 1899.
184. Турун П. П. Взаимодействие сети поселений российской колонизации и коренных народов // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. – М.-Ставрополь, 2001.
185. Успенский И. Определение сына Шамиля, Мухаммеда-Шефи, в конвой его императорского величества (по архивным данным). – М., 1860.
186. Ушакова Н. В. О документах по истории Северного Кавказа // Северный Кавказ: геополитика... – М.-Ставрополь, 2001.
187. Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. – М., 1957.
188. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М., 1960.
189. Фадеев Р. А. Письма с Кавказа к редактору "Московских Ведомостей". – СПб., 1865.
190. Фадеев Р. А. Записки о Кавказских делах. – СПб., 1869.
191. Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. – Тифлис, 1909.
192. Фарфоровский С. В. Из быта чиновничества в дореформенное время на Кавказе (по архивным документам). – Ставрополь, 1910.
193. Филонов С. В. Кавказская линия под управлением генерала Емануэля // Кавказский сборник. Т. 15. – Тифлис, 1894.

194. Цицианов П. Д. Биография // Кавказский календарь на 1865 г. – Тифлис, 1864.
195. Чекменев С. А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. – Пятигорск, 1967.
196. Чекменев С. А. Иностранцы поселения на Ставрополье в конце XVIII и в первой половине XIX в. // МИСК. Вып. 12-13. – Ставрополь, 1971.
197. Чекменев С. А. Переселенцы (очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII и в первой половине XIX в.). – Пятигорск, 1994.
198. Шамрай В. С. Краткий очерк меновых сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами с 1792 по 1864 г. // Кубанский сборник. Т. 18. – Екатеринодар, 1907.
199. Шатохина Л. В. Кавказская война XIX в. в ресурсах сети Интернет // Вестник МУ. – 2001. – № 1.
200. Шацкий П. А., Муравьев В. Н. Ставрополь. Исторический очерк. – Ставрополь, 1977.
201. Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. – М., 1975.
202. Шеуджен Э. А. Проблемы местной истории в новой историографической перспективе // Известия вузов Северо-Кавказского региона. – 1997. – № 4.
203. Шляпникова Е. А. Григорий Александрович Потемкин (исторический портрет на фоне эпохи) // Вестник МУ. Сер. 8. История. – 1998. – № 3.
204. Штукенберг И. Ф. Описание Ставропольской губернии с землею черноморских казаков. Статистические труды. Т.1. – СПб., 1857.
205. Щеглов И. Л. К вопросу об исследовании Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1910.
206. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1-2. – Тифлис, 1907.
207. Яковкина Е. И. Замечательные люди на Кавказских Минеральных Водах. – Ставрополь, 1962.

Приложения

ДОКУМЕНТЫ

Документ 1

"Кавказскую губернию по малому числу жителей переименовать в область;

Областным городом по неудобности и нездоровому климату в Георгиевске назначить Ставрополь;

Учредить все судебные и правительственные места в Ставрополе, единственном месте, на город похожем, и который всегда будет центром торговли и лучшим для жительства людей. Город Георгиевск должен был оставаться уездным, но лишь до того времени, когда умножится население Кавказских минеральных вод;

Управление областью возложить на "командира Кавказской линии под непосредственною зависимостью главноуправляющего в Грузии и губернии Астраханской";

Разделить область на 4 уезда, город Александровск упразднить, а земли его разделить между другими уездами;

Упразднить главный Пограничный суд в Моздоке, а производство всех судебных дел по округам возложить на уездные суды;

Линейным казакам, которые состояли "... под управлением военных, предоставить в делах тяжёлых разбираться на основании прежних их обычаев и где угодно, под наблюдением особенно определяемых для сего чиновников; в уголовных преступлениях подвергать военному суду";

"Комендантам Моздокскому и Кизлярскому подчинить городскую и земскую полицию".

Это положение было введено по предложению генерала А.П. Ермолова, который считал что "нравы и образ жизни людей в Кавказской губернии обитающих имеют более нужды в простом полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях, недостаток коего был досель причиною больших по части полиции упущений проволочки по судам в таких делах, кои легче и удобнее могли бы решиться беспристрастным рассмотрением одного надежного чиновника".

АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 579, 610-611, 621.

Документ 2

"а) Избрание заблаговременно и назначение для переселения достаточного количества земли в лучших местах и надлежащими угодьями;

b) отправка на сии земли поверенных"

c) проверка количества прибывших из других губерний по спискам. В случае отсутствия кого-либо – выяснение причины;

d) "Призрение" переселенцев в первое время после прибытия, оказание им различных "пособий".

e) По прибытии переселенцев на место их нового жительства, губернатор был обязан незамедлительно организовать постройку жилья и обеспечить новоселов нужными для этого материалами.

f) "производить необходимую на обустройство денежную сумму".

g) В случае необходимости губернатор должен был обеспечить переселенцев скотом и хозяйственным инвентарем "выдачей денег или покупной скота и орудий"

h) На случай, если понадобятся семена для первого сева, губернатор также обязан был выдать переселенцам или семена, или денег на их приобретение.

О том, насколько Кавказ был специфичным в геополитическом плане регионом, свидетельствует предоставление гражданскому губернатору Кавказской губернии расширенных полномо-

чий в сфере заселения крестьянами вверенной ему территории: "Дабы люди на Кавказскую линию приходящие, могли быть лучше и скорее водворены, предоставить гражданскому губернатору полную свободу действий, как он за лучшее признает для успеха водворения, не связывать его никакими канцелярскими формальностями, существенное препятствие в подобных делах производящих и за сим за всяким беспорядки или упущения, какие тут вкрасться могут, имеют быть на личной его ответственности". Переселенцам предоставлялась "льгота от платежа податей и повинностей" на пять лет, кроме повинности рекрутской.

РГВИА, ф. 232, оп. 1, д. 246, л. 63 об.– 65.

Документ 3

"1) Поселить их здесь, на линии, на дикопорозжих местах, где оные окажутся.

2) Дать им на 10 лет льготы, избавляя их от всяких податей.

3) Позволить свободное отправление исповедовать Мухамеданский закон и держать у себя мулл.

4) По миновании данной льготы обязываются вступить в казенные обыватели с понесением всех тех обязанностей, какие они отправляют, с тем различием только, чтобы рекрут с них не брать, а взыскивать за оных деньгами".

АКАК. Т. 4. С. 859-860.

Документ 4

В высочайшем повелении на имя Ермолова было сказано: "... для полков, расположенных по правому флангу линии в уездах Александровском, Ставропольском и Георгиевском, где земля, удобная к хлебопашеству, на каждую наличную душу служащих и неслужащих казаков по 30-ти десятинам; чиновникам же их: штаб-офицерам по 300, а прочим старшинам по 60-ти десятинам. Что же касается до тех, которые жительствоуют на левом фланге по р. Тереку, как-то: полкам Моздокского, Гребенского, Терско-

го Семейного и прочих, то по уважению, что земля у них большею частью песчаная и для хлебопашества весьма невыгодная, назначить каждому казаку, служащему и неслужащему, по 50-ти десятинам, штаб-офицерам их по 400, а прочим старшинам по 100 десятинам. Сверх сего количества для каждого селения тех и других полков отвести особо по 30-ти десятинам для разведения леса и особо для церквей, где оные имеются, узаконенную пропорцию".

АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 446.

Документ 5

В зависимости от свойств земли А. П. Ермолов делит ее на удобную и неудобную. К удобной первого класса он относит земли в "Ставропольском и Александровском уездах, приближенные к горам и возвышенностям. Толщина чернозема – более аршина." Поселянам такой земли, по его мнению, "достаточно 15 десятин на душу." Такие земли расположены возле Георгиевска и выше по Подкумку, Куме и Кубани.

Второй класс удобных земель расположен на склоне гор, к востоку по реке Куме и Тереку, к западу от Кубани, к северу "к донским пределам по Большому Егорлыку. Слой чернозема местами "не имеет двух вершков толщины". После трех-четырёх урожаев требуется отдохновение на 15-20 лет".

"Третий класс удобных земель составляет окружность около Кизляра". Удобность этих земель зависит "от напоения водою". Для отдыха такой земли редко требуется более четырех лет. По истечении этого срока бывает хороший урожай, а для "сарачинского пшена" и вовсе не требуется отдыха. При нормальном увлажнении такой земли нужно давать 30 десятин на душу.

Неудобную землю он тоже разделит на три класса. "Первый класс неудобных земель это:

а) Безводные степи, с хорошей почвой, но удаленные от источников воды. В зимнее время они пригодны для выпаса скота, чем пользуются кочующие народы, а значит, смогут пользоваться и поселенцы. Эти места: в Ставропольском уезде по Кубани и границы Черномории и по Егорлыку, в Георгиевском, Александр-

ровском и Моздокском уездах – между реками Томузловкой, Кумой, и Тереком;"

б) Земли, пригодные для хлебопашества и сенокоса, пригодные только для выпаса скота осенью и зимой, поросшие камышом и осокой. Такие земли расположены вниз по Куме, около Кизляра.

в) Земли с каменистым грунтом, имеющие балки и овраги. Распахивать такие земли можно, но для сенокоса они не пригодны. Камень можно использовать для строительства, вместо леса и для мельничных жерновов. Такие земли расположены около Ставрополя, Прочного окопа, станицы Александровской, сел "Новоселицы, Калиновой, Благодарной, в Георгиевском уезде около минеральных источников".

г) "Рыбные ловли по Тереку от Кизляра к морю". Места, где река разделяется на рукава, могут быть использованы только для рыболовства.

"Все четыре статьи неудобных земель можно полагать в дачу, считая по две десятины за 1 удобную". Сюда же можно отнести земли, бывшие удобными, но истощившиеся распашкой, пригодные только для выпаса скота. Подобного рода земли расположены в Георгиевском уезде – вниз по Куме, а в Моздокском – по Куре, Малке, Тереку.

"Второй класс неудобных земель представляется собой:

д) Земли, поросшие камышом. Расположены во многих местах губернии, особенно вниз по Куме и в Кизлярском уезде по рекам и близ моря;

е) Солонцеватые степи, непригодные для пашни и сенокоса, только для выпаса.

ж) "Рыбные ловли по реке Кубань от Ладожской станицы вниз до Черноморской границы, а по Тереку от станицы Ищорской до разделения на рукава около Кизляра".

Эти "Три статьи" неудобных земель можно было раздавать из расчета 3 десятины вместо 1 десятины удобной.

Наконец, третий класс неудобной земли или "совершенно неудобная, по межевым правилам в дачу не подлежащая:

з) Солончаки, лишенные растительности, а ненастья временно превращают их в топи.

и) Болота и трясины.

к) Пески сыпучие, без растительности, бесплодные и каменные горы, утесы и дороги.

л) Воды по рекам и источникам, где нет значительного рыболовства".

РГВИА, ф. 232, оп. 1, д. 246, л. 41–44 об.

Документ 6

Главнокомандующий Кавказской Линией генерал-лейтенант Вельяминов доносил Розену следующие сведения: "... у графа Орлова-Денисова еще бежало крестьян более 150 душ, равно как и крестьяне войскового старшины Каменного из поселка Ламовского. С другой стороны, состоящий в должности Саратовского губернатора отношениями ко мне... уведомлял об уходе крестьян помещика Нарышкина, Малороссиян Балашевского уезда... в числе 50 семейств, составляющих 109 мужского и 5 женского пола, к коем... присоединилось крестьян... из слободы Мелиховки 20 чел., да из слободы Мачихи до 50... Камышинского уезда... бежало 11 семей, составляющих 37 душ мужского и 35 женского пола. Все сии взбунтовавшиеся крестьяне, составляя большие и малые партии, следуют открыто в Кавказскую область. Доставлено сих бродяг вообще в Кавказское областное правление из губерний: Малороссийских, Новороссийских, Воронежской, Тамбовской, Астраханской, Саратовской, Слободо-Украинской и Курской 1454 чел.; здешними городскими и земскими полициями 1396 чел.; из Грузии 167 чел., а всего 3017 чел., из коих: отослано в работники к казакам 1954 чел., в Сибирь и другие места 443 чел., на прежнее жительство 431 чел., всего 2828 чел.; о 199-ти чел. производятся в Областном правлении, Областном и окружном судах дела".

АКАК. Т. 8. С. 796-797.

Документ 7

В циркуляре Временного Совета для управления департаментом государственных имуществ от 15 мая 1837 г. было сказано:

"Казенные крестьяне малоземельных губерний переходят самовольно в область Кавказскую, где без ведома тамошнего начальства водворяются иные в казенные селения, а другие на пусто-порожные казенные участки, куда в последствии переводят и свои семейства, несмотря на все сделанные доселе запрещения. Те казенные крестьяне, кои отваживаются по одним паспортам или мирским приговорам предпринимать самовольное переселение в многоземельные губернии, без соблюдения установленного в законе порядка, без испрошения согласия Казенной Палаты и без разрешения Высшего Начальства, несмотря на прочное их в новых местах водворение, непременно будут высланы на прежние жительство и подвергнуты законным взысканиям, как ослушники".

ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 579, л. 7.

Документ 8

Кавказский гражданский губернатор составил описание состояния Кавказской области. "Населения в области обоого пола лиц городских жителей 23100, в 5-ти городах; государственных поселян 110000; колонистов 282; поселян имений помещичьих 11200; священно-церковно-служителей и неплатящих податей 5250; кочующих народов 74490; казаков 148800; следовательно, городское население составляет 1/5 часть сельского оседлого и 1/16 общего населения области; все гражданское население оседлое (148 т.) равняется населению военному; между городскими жителями купечества 2658 душ и 240 купцов (в том числе и армяне). Мещан 10400, в том числе 7070 Армян; прочее население городов составляют: дворяне, разночинцы и лица других званий.

Население Кавказской области составлено из выходцев внутренних губерний; с 1825 по 1834 год, в течении 9 лет, причислено в область таковых до 29-ти т. душ..."

АКАК. Т. 9. С. 535.

Документ 9

"Для магазинов обоих флангов Кавказской линии, на продовольствие расположенных там войск, заготавливается провиант и овес большей частью из внутренних губерний как Воронежская и проч., а некоторое только количество покупается на линии в тех самых уездах, в которых и магазины состоят.

Заготавливаемой из внутренних губерний хлеб с доставкой начально по водяной коммуникации до пристаней Сладкоеричной и Подпольной, потом сухопутно оттуда до магазинов, кроме многих затруднений, встречающихся при развозке, обходится казне несравненно дороже покупаемого на местах. В продолжении прошлого 1805 года куплено на Линии, в уездах Георгиевском, Моздокском, Ставропольском и Александровском муки 33744 четверти, крупы 3716 четвертей, овса 16296 четвертей".

АКАК. Т. 4. С. 368.

Документ 10

Генерал Ртищев докладывал императору в марте 1812 года: "Как все вообще земли, состоящие в Кавказской губернии, до сего времени не приведены еще в точную известность". Отмежевание земель Ртищев предлагает провести на следующих условиях: "1) Всем государственным и помещичьим крестьянам, кои поселились здесь до указа 1797 года, отделить по 30 десятин земли на душу, а поселившимся после сего указа по 15 десятин удобной к хлебопашеству.

2) Помещичьим и другим частным людям, имеющим право на требование земли отделить точно такую часть, которая по законным документам будет им следовать.

3) Для разведения тутовых деревьев, кунжутного семени, овцеводства и других хозяйственных общепольных заведений, отделить каждому часть как по законам следует.

4) Прибавить к каждому селению для посева и для разведения лесов по 20 или 30 десятин.

5) ... следует казакам пред прочими классами людей отдать преимущество и назначить удобной к хлебопашеству и ското-

водству земли в каждой станице для полкового и воинского командира по 300 десятин, для служащих и неслужащих казачьих старшин по 60-ти десятин, для каждого служащего и неслужащего казака ровно, как и для отставного по 30-ти десятин."

Кроме того, Ртищев предлагал "найденную при отмежевании земель конторою у помещиков или другого звания людей противу розданного на основании вышеописанных высочайших рескриптов количества земли, излишнюю землю отбирать и причислять к землям казенного ведомства", а Межевую Контору учредить в Георгиевске.

АКАК. Т. 5. С. 901-904.

Документ 11

Характеристику отраслей хозяйства губернатор дает следующую: "хлебопашество", продуктами которого снабжает и квартирующие в ней войска; "скотоводство", благодаря которому ежегодно снабжала "продаваемым скотом обе столицы и другие губернии"; в губернии добывается соль, которой пользуются жители и которая поставляется на меновые дворы; "целительные воды, горячие и кислые", известные благодаря своим свойствам по всей России; виноделие, продукция которого – виноградное вино, спирт, водка – потребляется внутри губернии и идет на продажу. Каждый из уездов губернии имеет свою специализацию: в Ставропольском и Александровском развиты земледелие, скотоводство и добыча соли; Георгиевский уезд известен минеральными водами, земледелием, скотоводством, шелководством и торговлей, Кизлярский – виноделием, торговлей и добычей соли, шелководством и конными заводами.

АКАК. Т. 5. С. 908-909.

Документ 12

21 октября 1838 года Кавказский гражданский губернатор докладывал министру внутренних дел о состоянии хлебных запасных магазинов в помещичьих имениях области: "1. По Став-

ропольскому округу хотя новых магазинов... по мелкопоместности и скудности средств владельцев не построено, о ныне избраны для хранения хлеба отдельные от господских амбары прежней постройки довольно прочные и закромы приведены в мерное устройство.

2. По Пятигорскому округу ныне устроены новые магазины в деревне Владимировке имения помещика Реброва, в прочих же приведены в прочное и мерное устройство прежней постройки амбары.

3. В Моздокском округе находится только два помещичьих имения, в которых устраиваются и к будущему лету будут окончены запасные магазины... прочие же Дворяне в сем округе, за коими числится от трех до шести душ крестьян и не имеют собственной земли, но производят засева на казенных полях и то только в количестве обеспечивающие их крестьянами продовольствием до нового урожая почему у таковых по неимению собственной земли устройство запасных магазинов оказывается невозможным.

4. По Кизлярскому округу в большей части имений помещичьих по распоряжению моему ныне приведены в прочное устройство магазины старые, в двух имениях строятся новые и тоже к будущему лету будут готовы, а как по Кизлярскому округу оказывается, что некоторые помещики ссыпают вместе с крестьянами и свой хлеб, то я предложил... дабы в таковых поместьях непременно чтоб или были устроены для крестьянского запасного хлеба особые магазины или хлеб помещичий ссыпался в отдельные амбары".

ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 820, л. 39-40.

Документ 13

"... до 40 т. четв. хлеба закупается ежегодно в области для продовольствия расположенных здесь войск, но большая часть, однако, всей потребности, от 150 до 200 четв., ежегодно доставляется в западную часть области из Воронежской губернии..., а в восточную часть из Саратовской и Симбирской губерний..."

Причина сего недостатка в области хлеба для снабжения потребным продовольствием расположенных войск происходят... от того, что здешние поселяне сеят более пшеницы, как для собственного продовольствия, так и по большей выгоде, получаемой от сего хлеба, который по причине отпуска в Таганроге на 1/4 и 1/3 дороже ржи, что вообще хлебопашество здесь довольно ограниченное, без больших запасов, ибо обширные степи дозволяют содержать огромное скотоводство, которое доставляет при меньшем труде нежели земледелие большую прибыль".

АКАК. Т. 9. С. 536.

Документ 14

"во-первых, в здешнем крае сенокосные луга степные, на которых оно родится преимущественно бурьяневатое, чрез что почти третья часть сена остается в объедах"; во-вторых, "на постилку вместо соломы употребляется сено, ибо особая покупка соломы на войска не возможна, а заменяется она сеном"; в-третьих, "на продовольствие рабочего скота, который необходимо иметь для уборки и подвозки из степи заготовленного сена, дабы не изнурять этим лошадей, в особенности артиллерийских; ибо по всегдашнему употреблению здешних войск в военных действиях в течение семи летних месяцев большая часть лошадей находятся в походе и в экспедиции так изнуряется, что в остальные пять месяцев года едва можно их поправить".

ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 35, л. 55-56.

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1 – "Примерный штат Кавказской губернии (1803 г.) составленной из 5 уездов, а именно: Кизлярского, Моздокского, Георгиевского, Александровского и Ставропольского"

	Число людей	Им окладного в год жалования	
		одному	всем
1	2	3	4
В Правлении Губернском			
1. Губернатор	1	1800	1800
ему на стол	-	-	1200
2. Советников VI класса	2	600	1200
Итого:			4200
В палате Уголовных и Гражданских дел			
1. Председатель V класса	1	840	840
2. Советников VI класса	1	600	600
3. Заседателей от дворян VII класса	2	360	720
4. Заседателей от купечества	2	-	-
Итого:			2160
В казенной палате			
1. Вице губернатор V класса	1	1200	1200
2. Советников VI класса	1	600	600
3. Губернский казначей VI класса	1	600	600
4. Ассессор VIII класса	1	400	400
5. Присяжных из отставных гвардии или армии унтер-офицеров	4	80	320
Итого:			3120
1. Губернский прокурор VI класса	1	600	600
2. Губернских стряпчих уголовных и гражданских дел VII класса	2	360	720
3. Секретарей X класса: в Правлении один, в Палатах Уголовных и Гражданских дел и Казенной по одному, да один при губернаторе, он же в Приказе Общественного Призрения	4	350	1400
На канцелярских служителей; протоколистов, регистраторов, архивариусов, переплетчиков, сторожей и прочих, коих всех определение числа и жалования слагается на распоряжение тех мест, в которых они состоят, с утверждения губернатора и на канцелярские расходы по Губернскому Правлению, и Палаты Уголовных и Гражданских дел			5500
В казенной палате			3000
Итого:			11220
В Совестном Суде			
Судья Совестного Суда VI класса	1	600	600
Заседателей от дворян VII класса	2	360	720

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Заседателей от купечества	2	-	-
Заседателей от поселян	2	100	200
Итого:			1910
В Приказ Общественного Призрения под управлением губернатора			
Заседатель от дворян	1		
Заседатель от купечества	1		
Заседатель от поселян	1		
Сии заседатели отделяются от Совестного Суда, почему и жалования им особого не полагается, а канцелярские служители употребляются от других мест на расходы	-	-	100
При губернском правлении			
Губернские: землемер	1	500	500
архитектор	1	400	400
Итого:			1000
В Врачебной или Медицинской Управе			
Инспектор или штадт-физик	1	700	700
Оператор	1	500	500
Акушер	1	500	500
Писарь	1	80	80
На канцелярские мелочные расходы	-	-	80
Для ежегодных разъездов по губернии для обозрения госпиталей и полковых лазаретов	-	-	200
Старшая повивальная бабка	1	120	120
Младшая	1	80	80
Итого:			2260
А всего по Губернскому Правлению			25870
В городах			
Городничих VIII класса из отставных военных чиновников	5	300	1500
На канцелярских служителей и расходы	-	-	650
Итого:			2150
В уездном суде			
Уездный судья VIII класса	1	300	300
Заседателей от дворян IX класса	2	250	500
Заседателей от поселян	2	60	120
Секретарь XIV класса на канцелярских служителей и расход	1	200	200
Итого на одного	30		1770
На пять			8850
В уездном казначействе			
Уездный казначей IX класса	1	250	250
Присяжных из отставных гвардии или армии унтер офицеров	4	80	320
На канцелярских служителей и расход	-	-	368
Итого на одного			938
На пять	25		4695
В дворянских опеках при уездных судах			
В дворянской опеке председательствует уездный дворянский предводитель по выбору дворянства, через всякие 3 года, и заседает уездный судья и его заседатели.			

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Протоколистов	5	100	500
В нижнем земском суде			
Земский исправник IX класса	1	250	250
Заседатель от дворян X класса	2	200	400
Заседатель от поселян	2	60	120
Секретарь XIV класса	1	200	200
На канцелярских служителей и расходы	-	-	238
Итого на один			1208
А на 5 нижних зем. судов	30		6040
Городовых Магистратов в Кавказской губернии не назначается; Ратушь, составляемых из 1 бургомистра 2 ратманов, полагается 2: в Георгиевске и Ставрополе, в прочих же городах назначаются вместо Ратуш - Словесные суды, в коих заседают городской голова и словесные судья			
Уездных стряпчих XI класса	5	150	750
Землемеров	5	300	1500
Докторов или лекарей	5	300	1500
Старших учеников	5	60	300
Младших	5	45	225
Повивальных бабок	4	80	320
Прибавка по одному уезду приобретающему отличие доктору или лекарю	-	-	1000
Итого:	29		4695
А всего на уезды	-	-	26925
Итого на всю Кавказскую губернию	-	-	52795

АКАК. Т. 2. Ч. 2. С. 54-55.

Таблица 2 – "По исчислению Ровинского, поселенных казаков по Тереку, Кубани и на Моздокской линии в 1802 году было":

	М	Ж
Терского-Кизлярского войска	309	206
Кубанский	2919	2600
Хоперский	2743	2615
Волгский	2815	2827
Моздокской казацкой команды	239	200
Терского семейного войска	1171	1186
Моздокский полк	4307	4211
Гребенского войска	1841	1740
Итого:	16317	15585

Цит. по: Бентковский И. В. Дела наши на Северном Кавказе от высадки Петра I в Астрахани. Б. м., б. г. С. 70.

Таблица 3.1 – "Рапорт о статистическом положении Кавказской области. 1832 год. О числе горцев и селений в Кавказской области состоящих"

Уездных горцев, включая и областной	4
Заштатных	2
Местечек и слобод	2
Сел и деревень	104
Всего:	112

Таблица 3.2 – "О числе жителей, жительствующих в области, обоого пола":

Дворянского населения	302 фамилии
Обер-офицеров и разночинцев	473
Духовенства с причтом	166
Монашествующих	4
Отставных солдат и их жен	590
Купцов	610
Мещан	1684
Казенных крестьян, казаков и колонистов	120963
Дербентских и Маскуринских армян	1248
Помещичьих	6477
Всего вообще:	132517

Таблица 3.3 – "О числе войск" "В области находится войск"

Артиллерии	3421
Пехоты	28003
Казаков	23331
Внутренней стражи	7804
Военных кантонистов	1390
Всего:	63944

РГВИА, ф. 232, оп. 1, д. 252, л. 1-1 об.

Таблица 4 – "Квартирование расположенных войск по Кавказской линии"

Драгунских полков	
Владимирского	Роты
От крепости Московской штаб-квартира	1
В селении Палагаида	1
В станице Темнолеской	1
В станице Кавказской	1
В станице Усть-Лабинской	1
Таганрогского	Роты
В г.Ставрополе и штаб-квартира	1
В селении Михайловке	1
В селении Надежде	1
В станице Прочноокопской	1
В станице Григорополиской	1
Нижегородского	Роты
В г. Георгиевске и штаб-квартира	1
В селении Обильном	1
В селении Новозаведенном	1
В станице Екатериноградской	2
Мушкатерских	
Казанского	Роты
В г. Геориевске и штаб-квартира	4
В селении Александрии	1
В Солдатском на Малке	1
В Воровсколеской станице и редуте	2
В Слободе Прохладной	1
В городе Моздоке	1
В Екатеринограде	2
Суздальского	Роты
В крепости Усть-Лабинской и штаб-квартира	3
В крепости Кавказской	3
В крепости Григорополиской	1
В крепости Прочноокопской	2
В Недреманном ретранжаменте	1
В селении Богоявленском	1
В станице Ладожской	1/2
В станице Тифльской	1/2

Драгунских полков	
Вологодского	Роты
В станице Наурской и штаб-квартира	1
В станице Минежской	1
В станице Колюгаевской	1
В станице Ишорской	1
В станице Калиновой	1
16-го Егерского	Роты
В крепости Константиногорской и штаб-квартира	4
В Кисловодском укреплении	2
В крепости Темнолесской	3
В Недреманном ретранжменте	1
В Кумском штерншанце	1
В станице Воровсколесской	1
19 Артиллерийской бригады	Роты
Батарейная в городе Георгиевске и штаб-квартира и часть в селении Подгорном	1 1/2
В Усть-Лабе при Суздальском полку	1/2
В Науре при Вологодском полку	1/2

РГВИА, ф. 422, оп. 1, д. 649, л. 1.

Таблица 5 – "Алфавитный список ночлегов Кавказского края"

Место	Уезд, округ
Алабукская	Кизлярский
Александрийская	Кизлярский
Александровское	Ставропольский
Александровский	Пятигорский
Аул-Канглы	Пятигорский
Архангельская	Ставропольский
Ахандукова	Пятигорский
Барсуковская	Ставропольский
Баталпашинская	Ставропольский
Базовая Балка	Ставропольский
Беклемишевская	Пятигорский
Бекешевская	Ставропольский
Бешпагир	Ставропольский
Бирючья коса	Кизлярский
Белоглинская	Ставропольский
Благодарное	Пятигорский
Богородицкое	Ставропольский
Боргустанское	Пятигорский
Брянский промысел	Кизлярский округ
Бургон можары	Пятигорский
Владимировка	Пятигорский
Воздвиженская крепость	Лев. фланга Кавказской линии
Воронежская крепость	Ставропольский
Воронцовка	Пятигорский

Место	Уезд, округ
Высокое	Пятигорский
Галюгаевская	Кизлярский
Гайдуковская	Кизлярский
Ново-Георгиевская	Ставропольский
Григорополисская	Ставропольский
Герзель-аул-укрепление	Лев. фланг Кав. Линии
Горькоречинская	Кизлярский
Государственная	Кизлярский
Грозная	Лев. фланг линии
Грушовское	Пятигорский
Донское	Ставропольский
Донская балка	Ставропольский
Ново-Донецкое	Ставропольский
Дубовка	Ставропольский
Екатериноградская	Кизлярский
Средне-Егорлыкская	Ставропольский
Ново-Егорлыкская	Ставропольский
Журавка	Пятигорский
Железноводск пост	Пятигорский
Занан-юрт укрепление	Лев. Фланг линии
Золых-пост	Пятигорский
Ильинская	Ставропольский
Кавказская	Ставропольский
Казанская	Ставропольский
Калиновская	Пятигорский
Каменобродская	Ставропольский
Карабглы	Пятигорский
Касаева Яма	Кизлярский
Красная поляна	Ставропольский
Кисловодская	Пятигорский
Кизилова	Пятигорский
Кривой	Пятигорский
Кривой	Ставропольский
Круглолесская	Пятигорский
Копыльской	Пятигорский
Копальская	Пятигорский
Константиновское	Ставропольский
Колпичья	Кизлярский
Кугульта	Ставропольский
Кумская	Пятигорский
Кумская	Ставропольский
Ладовская	Ставропольский
Ладовская балка	Ставропольский
Летницкое	Ставропольский
Лилогорское	Пятигорский
Ново-Марьинская	Пятигорский
Медведское	Пятигорский
Медвежское	Ставропольский
Михайловская	Ставропольский
Х. Модицова	Ставропольский

Место	Уезд, округ
Моздок	Кизлярский
Х.Новолокино	Ставропольский
Незлобная	Пятигорский
Николаевская	Кизлярский
Николаевское	Ставропольский
Новосельцы	Пятигорский
Новотроицкое	Ставропольский
Обильное	Пятигорский
Отказное	Пятигорский
Отрада	Ставропольский
Пелагиада	Ставропольский
Петровское	Ставропольский
Пещанокопское	Ставропольский
Покойное	Пятигорский
Ново-Покровское	Ставропольский
Пятигорск	Пятигорский
Прасковья	Пятигорский
Преградное	Ставропольский
Приближная	Кизлярский
Прохладное	Кизлярский
Прочноокопская (укрепление)	Ставропольский
Раздольевская	Кизлярский
Разшеватская	Ставропольский
Ново-Рождественская	Ставропольский
Саблинская	Пятигорский
Сандаты	Ставропольский
Сенгилеевская	Ставропольский
Северная	Пятигорский
Ставрополь	Ставропольский
Соленогорский	Пятигорский
Спицевская	Ставропольский
Стодеревская	Кизлярский
Сухопаденская	Пятигорский
Сухая Буйвола	Пятигорский
Татарская	Ставропольский
Таракановская	Кизлярский
Тарумовская	Кизлярский
Тарумовка	Кизлярский
Темижбекская	Ставропольский
Темнолесское укрепление	Ставропольский
Темнолесская	Ставропольский
Терская Коса	Кизлярский
Терловская	Ставропольский
Тихорецкое	Ставропольский
Тугулак	Ставропольский
Тамузловка	Пятигорский
Убежная	Ставропольский
Успенская	Ставропольский
Усть-Лабинская	Ставропольский
Х.Успенское	Ставропольский

Место	Уезд, округ
Усть-Донута	Пятигорский
Хумаринское укрепление	Пятигорский
Червленская	Кизлярский
Чернолесское	Пятигорский
Черный Рынок	Кизлярский
Шандрукоская	Кизлярский
Щедринская	Кизлярский

РГВИА, ф. 422, оп. 1, д. 1701, л. 1-10.

Таблица 6.1 – "Рапорт о состоянии Ставропольского Военного Госпиталя 3-го класса"

Количество больных		Служащие при госпитале			
		По медицинской части		По хозяйственной части	
		Чиновников	Нижних чинов	Чиновников	Нижних чинов
Обер-офицеров	10				
Нижних чинов	433				
Арестантов	11				
Женского пола	2				
Итого	456	7	15	6	10

Таблица 6.2 – "Госпиталь положено иметь на 600 человек больных, по неимению казенных зданий нанимаются обывательских домов десять"

У кого нанимается, сколько находится мест	Как занимается, сколько находится больных	Плата в год, руб.
Дом Коллежского Советника	Обер-офицерами, 10	1400
Щербинина, 21		
Полковницы Федоровой, 40	Нижними, 55	900
Провизора 10-го класса Гагеля, 14	чинами, 13	1400
Штабс-капитана Рослякова, 44	разных, 114	2400
Его же, 25	команд, 29	1000
Коллежского советника Золотницкого, 17	и арестан- 20	900
Госпожи 6-го класса Флоринской, 110	тами, 130	5800
Купца Шляхова, 35	35	2600
Губернской секретарши Герасимовой, 12	50	600
Майорши Похвисневой,	Канторою и приемным покоем	1300
Итого	318	456
		18300

ГАСК, ф. 71, оп. 1, д. 739, л. 12.

Таблица 7 – "Ведомость госпиталям в области находящимся"

Наименование госпиталя	Какого класса	На сколько больных учрежден госпиталь	
		офицеров	нижних чинов
Постоянные			
Ставропольский	3	10	600
Георгиевский	2	10	300
Екатериноградский	2	10	150
Пятигорский	2	35	300
Моздокский	2	10	200
Временные			
Темнолесский	1	-	50
Кизлярский	1	-	100
Александровский полу-госпиталь	-	-	75

РГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 467, л. 28.

Таблица 8

	Число садов	Выход вина (40-ведерные бочки)	
		в лучшие урожаи	в худшие
Собственно обывателям Кизляра принадлежащим	1152	50000	16000
В дачах помещичьих и казенных поселян	361	4355	2202
В казачьих станицах:			
Терского войска	16	500	192
Семейного	1095	3000	1299
Гребенского	2167	8000	3050
Моздокского полка	1670	1800	850
Итого:	6461	67655	23593

АКАК. Т. 4. С. 98.

Таблица 9

Кем произведено	Год	Произведено, ведра	Продано, ведра	На какую сумму, руб.
Князь С. Шаликов	1835	268	-	-
Гребенский казак А. Арьюмов	1836	87	87	348
Гребенский казак Г. Ильин	1836	157	157	726,65
Гребенский казак Г. Агадон аков	1836	405	405	1765
Гребенской казак Е. Капустов	1836	425	425	1700

ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 255, л. 3 об., 5 об., 7 об., 13 об.

Таблица 10

Годы	Число населения	Посеяно (четв.)	Собрано (четв.)	Урожайность (сам-п)	На продовольствие (2 четв. на душу)	Остаток на посев	Осталось (в запасе или на продажу)
1814	89363	113694	334091	2,9	178726	69077	86288
1819	98076	179100	652481	3,6	196152	183325	273004

АКАК. Т. 5. С. 325.

Таблица 11

Название культуры	Посеяно, четвертей	Сжато, четвертей
Рожь	39070	137859
Пшеница	46961	232303
Овес	18692	101094
Ячмень	11762	53092
Гречиха	6841	33012

Таблица составлена на основе: Штукенберг И. Ф. Описание Ставропольской губернии с землею черноморских казаков. Статистические труды. СПб., 1857. С. 17.

Таблица 12 – Апреля 30 дня 1838 года

Станицы	Число душ		Посев хлеба (четверти)	
	М	ж	Озимого 1837/38	Ярового весною 1838г.
Кавказская	814	807	255	318
Темижбекская	1232	1365	227	545
Григорополисская	1515	1515	407	777
Прочно-Окопская	1280	1289	637	530
Убежинская	809	827	422	286
Новотроицкая	2212	2251	1230	730
Новоалександровская	849	811	139	118
Разшеватская	1270	1492	968	1030
Успенская	1674	1662	465	637
Итого:	11655	12019	4816	4974

ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 801, л. 24.

Таблица 13.1 – "Мая 20 дня 1838 года"

Станицы	Число душ		Посев ярового хлеба, весна 1838 (четверти)
	М	Ж	
Екатериноградская	833	896	875
Приближая	300	279	38
Прохладная	351	564	148
Солдатская	668	561	207
Государственная	965	784	130
Курская	150	149	37
Горская	359	370	105
Луковская	327	336	85
Павлодольская	834	864	700
Ново-Асетинская	318	305	60
Черноярская	301	301	70
Итого:	5406	5409	2457

Там же. Л.51.

Таблица 13.2 – "Ведомость о количестве высеянного жителями Кавказской Линии казачьего войска ярового хлеба весною 1838 года"

Полки	Число душ		Количество высеянного хлеба, четверти
	М	Ж	
Кавказский	13574	12745	11524
Кубанский	11655	12019	4974
Хоперский	10807	11879	5125
Волгский	6519	5946	2668
Ставропольский	13967	14032	13904
Горский	5406	5409	2457
Моздокский	5982	6290	1350
Гребенской	3235	3532	596
Семейно-Кизлярский	1726	1871	88
Итого:	72871	73723	42692

Там же. Л. 154.

Таблица 14.1 – "Ставропольский округ, 19 имений, 637 д.м.п."

Посев (четвертей)	Урожай	Прибыль, на ревизскую душу около 8 четвертей
Озимые	656	2609
Яровые	992	4205
Итого:	1648	6814

Урожай был в имениях:

В 2-х лучших: сам-11-13 четвертей

В 11-ти средний: сам-4-7 четвертей

В 6 худший: сам-2-3 четверти

Таблица 14.2 – "Пятигорский округ, 10 имений, 3915 д.м.п."

Посев (четвертей)	Урожай	Прибыль, на душу около 13 четвертей
Озимые	5161	43787
Яровые	1801	13726
Итого:	6962	57513

Урожай был в имениях:

В 2-х лучших: сам-11 – 13 четвертей

В 5-ти средний: сам-5 – 8 четвертей

В 6 худший: сам-2 – 3 четверти

Таблица 14.3 – "Кизлярский округ, 9 имений, 605 д.м.п."

Посев (четвертей)	Урожай	Прибыль, на душу около 12 1/2 четвертей
Озимые	1242	4524
Яровые	1231	5529
Итого:	2473	10053

Урожай был в имениях:

В 4-х лучших: сам-6 – 8 четвертей

В 2-ти средний: сам-4 – 6 четвертей

В 4 худший: сам-2 – 3 четверти

ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2797, л. 1-1 об.

Таблица 15

Годы	Посеяно, четв.	Снято, четв.
1840	149323	-
1841	157907	-
1842	196196	-
1843	209931	1136840
1844	285542	1431663
1845	325539	1633735

Продолжение табл. 15

Годы	Посеяно, четв.	Снято, четв.
1848	357347	377960
1849	-	-
1850	378675	1193566
1852	382117	1020475
1854	386817	1666147
1858	353345	1163005
1859	369410	1203958

Чекменев С.А. Переселенцы... С. 309.

Таблица 16

Название культуры	Посев, четв.	Жатва, четв.	Урожайность, сам-п
Ржи	83786	292834	3,5
Пшеницы	140743	428146	3
Ячменя	30585	113028	3,7
Овса	66695	212300	3
Проса	2914	144983	50
Гречихи	11829	30134	2,5
Конопля	602	1736	3
Маиса	57	459	8

Штукенберг И. Ф. Указ. соч. С. 36. Данные по урожайности рассчитаны мною – Р. Г.

Таблица 17 – Сведения о количестве скота

	Количество дворов	Крупный рогатый скот	Лошади	Овцы
Ставропольская губерния	26975	233000	48660	535000
Кавказское линейное войско	35533	213200	70000	540000

АКАК. Т. 10. С. 310.

Таблица 18 – "Сведения о числе лошадей у разных состояний в Кавказской области в 1819 г."

В 1819 году по обозрению области Кавказской состояло вообще в области	Число душ	Лошадей по округам				Итого
		Ставропольскому	Георгиевскому, ныне Пятигорскому	Моздокскому	Кизлярскому	
1. У городских жителей в городах	9824	1164	764	1000	3729	6657
2. У поселян казенных в 76 селениях русских и иноверческих	47736	16540	1507	1627	414	20088
3. У 47 помещиков и дворян	4557	2562	2886	1442	2975	10845
4. В 36 казачьих станицах	24378	-	-	-	-	26559
И у азиатов, поступивших в казаки же	999	-	-	-	-	2403
5. В 6 крепостях военных	299	-	-	-	-	1278
6. В 5 родах магометанских кочевых	9701 кибитка 33292 душа	-	-	-	-	117600
7. В 3 родах калмык Большого и Малого Дербета	6850 кибитка 26863 души	-	-	-	-	131054
А всего	147948					316484

ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2365, л.л. 23-23 об.

Таблица 19 – Сведения о числе лошадей

Число имений и заводчиков	Лошадей в округах	В 1819 г.		1830		1841		Число душ ныне в имениях помещичьих
		Помещичьих	Крестьянских	Помещичьих	Крестьянских	Помещичьих	Крестьянских	
19	В Ставропольском	2562	-	1593	358	1764	-	605
13	Пятигорском	1677	1559	1768	1718	1546	969	3918
			3236		3486		2515	
7	Бывшем Моздокском	516	-	700	-	1344	-	49
13	Кизлярском	1990	1901	3720	1075	1052	282	1104
			3891		4795		1334	

Продолжение табл. 19

Число имений и заводчиков	Лошадей в округах	В 1819 г.		1830		1841		Число душ ныне в имениях помещичьих
		Помещичьих	Крестьянских	Помещичьих	Крестьянских	Помещичьих	Крестьянских	
	Итого в 52 селениях и заводах дворянских составляло в 1819 в 1830 в 1841	10205		10932		6957		5676

ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2365, л. 24.

Таблица 20 – "Ведомость о состоянии Помещичьих конских заводов по Ставропольскому округу в 1843 году"

Поименование владельцев	Число лошадей	Порода лошадей	Доходы от продажи лошадей, серебром
Вдовы капитанши Устиновой	400	Черкесской, Кабардинской, Донской, Русской	1000 руб.
Штабс-капитана Фостикова	100	Черкесской, Кабардинской, Донской, Русской	200 руб
Полковника Гладкосадского	60	Черкесской, Кабардинской, Донской, Русской	100
Поручика Янковского	600	Матки - черкесские, а жеребцы - русские	Нет сведений
Поручиков Росляковых	300	Матки - черкесские, а жеребцы - русские	Доходов не имеет
Подполковница Юзефина Жукова	100	Кабардинской, Русской	100 руб.
Штабс-капитана Майвалдова	76	Персидской, Английской	120 руб.
Подполковника Кусакова	40	Азиатской разных заводов, персидской	Доходов не имеет
Генерал-лейтенантши Сысоевой	602	Русской	715 руб

ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2365, л. 30-30 об.

Таблица 21.1

Какие именно продукты назначено от заграничных народов выменивать через меновые дворы на казенную соль	Вес и цена продуктов, назначаемых к вымене от горцев			По сколькоку назначается откупать им за сем продукты соли	
	Пуды	Руб.	Коп.	Пуды	Четв.
1. Воск	1	20		10	
2. Мед	1	8		4	
3. Масло	1	8		4	
4. Сало	1	6		3	
Строек лес					
5. Бревно длиною не менее 4-х аршин толщиною в отрубе 6 вершков и более	-	-	75		15
6. Доски длиною не менее 3-х аршин шириною от пол-аршина и шире, а толщиною не менее 1 вершка	-	-	40	-	8

ГАСК, ф. 21., оп. 1, д. 1, л. 3.

Таблица 21.2

Цена в казне	Руб	Коп.	Противу оной полагается принимать от горцев тов аром					
			Воску	Меду	Масла	Сала	Бревны длиною не менее 4-х аршин, толщиною в 6 вершков либо лес	Доски длиною не менее 3-х аршин шириною пол-аршина и шире, толщиною не менее 2 вершков
			Фунты					
Четверик проса	1	50	2 1/2	7 1/2	7 1/2	10	2	4
Соли пуд	1	-	1 3/4	5	5	7	За два пуда 3	За 4 пуда 10

ГАСК, ф. 21., оп. 1, д. 1, л. 10.

Таблица 22.1 – "Штат чинам, состоящим при надзоре за меновою торговлею с горцами на Кавказской линии"

Должности	Число чинов	Классы их должностей	Разряды		Содержание в год, руб. серебром		
			По пен-сии	По мун-диру	Одному		Всем
					жалования	столовых	
Главный Попечитель меновых сношений с горцами	1	V	III Степень I	V	800	600	1400
Помощник Главного Попечителя	1	VI	IV	VII	300	150	450
Письмоводитель	1	X	VIII	X	300	-	300
Переводчик	1	XII	IX	X	200	-	200
Смотрителей меновых дворов	6	IX	VII	IX	250	-	1500
Писцов	2	-	-	-	100	-	200
Вахтеров их отставных унтер-офицеров	3	-	-	-	50	-	150
На канцелярские расходы Главному Попечителю	-	-	-	-	-	-	150
Итого	15	-	-	-	-	-	4300

ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 1, л. 4 об.

Таблица 22.2

Годы	1840	1841	1842	1843	1844	1845
На имеющихся в Кавказской области трех меновых дворах продано горцам соли на деньги, на сумму, руб.	7028	6596	6120	5724	8784	7935
Променяно горцами соли на их товары, на сумму, руб.	79	271	322	805	420	403
Вымененные товары показаны проданными за следующую сумму, руб.	Сведений нет		378	92	371	497
Частная торговля горцев с вольнопромышленниками на товар и деньги простиралась на сумму, руб.	2825	8774	14197	17965	5138	7365

ГАСК, ф. 20, оп. 1, д. 1, л. 3.

Таблица 23 – "Ведомость Станицам Кавказского Линейного Войска, состоящим на военной трактовой дороге и участкам кои приписаны к ним для пособия"

Станицы	Селения, причисленные к ним для пособия
Старомарьевская	Высоцкое, Ореховка
Сергиевская	Медведское, Сухая Буйвола, Александровка
Калиновская	Маслов Кут, Журавка, Кононовой, Рахванова, Музулевская, Кузменка
Александровская	Благодарное, местечно святого Креста
Саблинская	Черный Лес, Новоселица, Тарумовка
Александровская	Новогеоргиевское, Нина
Незлобная	Владимировка, Прасковая, Удельное
Государственная	Отказное, Обильное, Покойное
Екатериноградская	Александровское, Бургон-Мажар, Стальпина, Петрова Золка, Каражалинское, Дербентско-Малахолинское, станица Приближная, Новоосетинская, крестьяне помещиков Кизлярского округа

ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1423, л. 33-33 об.

Таблица 24 – "Таблица, показывающая расстояние в верстах окружных городов от областного и между собою"

		Г.Ставрополь
	Г. Пятигорск	211 ³ / ₄
	г. Моздок	292 ³ / ₄
г. Кизляр	164	325
		456 ³ / ₄

РГВИА, ф. 13454, оп. 1, д. 467, л. 20.

Таблица 25 – "От селения Среднего Егорлыка"

Белая глина	31 верста
Бурая Балка	13
Успенская	24,5
Ладожская Балка	25
Новотроицкое	25
Рождественская	27
г. Ставрополь	25
Итого:	170,5

ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2406, л. 1-1 об.

Научное издание

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ СТАВРОПОЛЬЯ В КОНТЕКСТЕ
ГЕОПОЛИТИКИ РОССИИ НА КАВКАЗЕ:
конец XVIII – начало 60-х гг. XIX ВЕКА

ГЕРМАН Роман Эдуардович

*кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры Истории и права Ставропольского
государственного педагогического института*

Главный редактор **А.Д. Григорьева**
Дизайн обложки **М.А. Мирошниченко**
Техническое редактирование и верстка **П.В. Арсентьева**
Корректурa **К.Д. Ковтун**

Сдано в набор 30.10.2017. Подписано в печать 16.11.2017. Формат 60 x 84^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура Calibri. Уч.-изд. л. 12,62. Печ. л. 19,38. Тираж 500 экз. Заказ № 372.
Издательство «Ставролит», тел.: 8(962) 452-84-02,
e-mail: info@stavrolit.ru, сайт: stavrolit.ru

Научный рецензируемый цитируемый журнал «KANT» (ISSN 2222-243X) – политематическое общероссийское издание на русском языке – принимает к публикации ранее не издававшиеся (в том числе в электронном виде) статьи по различным областям экономической и социально-гуманитарной сфер жизнедеятельности общества, а также рецензии на научные и библиографические издания. Журнал выходит с периодичностью четыре раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

KANT включен в список рецензируемых журналов ВАК России по следующим отраслям науки: 08.00.00 Экономические науки; 13.00.00 Педагогические науки.

Журнал зарегистрирован РОСКОМНАДЗОРом (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46325 от 26 августа 2011 года) и включен в РИНЦ, полнотекстовые материалы статей отправляются в НАУЧНУЮ ЭЛЕКТРОННУЮ БИБЛИОТЕКУ после выхода печатной версии издания и появляются в открытом доступе в режиме эмбарго (через два года). В конце журнала авторам предлагается ознакомиться с условиями публикации и оформления статей.

**С изданием и условиями публикации статей можно
познакомиться на сайте stavrolit.ru или обратившись
по электронному адресу: info@stavrolit.ru
Будем рады сотрудничеству!**

